

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Актуальные проблемы
лингвистики и
литературоведения**

Выпуск 7

Часть 1: Лингвистика

Томск, ТГУ, 2007

Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения

**Материалы VII Всероссийской научно-
практической конференции
молодых учёных 21-22 апреля 2006 г.**

Выпуск 7

Часть 1: Лингвистика

Томск, ТГУ, 2007

УДК 41
ББК 80

Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции молодых учёных 21-22 апреля 2006 г./ Под ред. Н.А. Чижик. Томск: Издание ТГУ, 2007. Часть 1: Лингвистика. 184 с.

Балакина А.А., студ. ТГУ, 2 курс
Науч.рук. Л.П. Дронова
Функционально-семантическая
характеристика лексических средств
выражения модальности в современном
немецком языке

В немецкой литературе по языкознанию проблема модальности пока ещё мало изучена¹. Цель нашей работы заключается в представлении комплексной функциональной характеристики лексических средств выражения предметной модальности в немецком языке в сравнительно-историческом и когнитивном аспектах. В статье рассматривается одно из значений предметной модальности – значение возможности. В современном немецком языке модальность возможности выражается в основном с помощью модальных глаголов dürfen и können.

Глагол können «мочь, быть в состоянии (in der Lage sein)» обозначает реальную возможность (Möglichkeit): 1) физическую возможность: Ich kann sehr schnell ohne Mühe einschlafen; 2) возможность, обусловленную умением (fähig sein zu), знанием: Er kann Deutsch und Englisch; 3) предположение, основанное на объективной возможности (möglich sein): Du kannst das Geld auch verloren haben; 4) разрешение (berechtigt sein): Kann ich mir das einmal ansehen?; 5) просьбу: Kannst du mir helfen? На сегодняшний день первые два значения являются наиболее употребительными, последние три – второстепенные.

В современном немецком языке глагол können выражает два основных вида возможности: возможность объективную и возможность субъективную².

Физическая возможность означает «быть в состоянии, в силах что-либо сделать физически». Это значение тесно связано со значением «быть сильным, могущественным» (mächtig sein), так как при выполнении того или иного физического действия определяющую роль играет как раз осознание субъектом действия своей мощи и силы: Ich kann schon lange Zeit rennen, denn ich treibe ständig Sport.

В значении разрешения глагол können близок значению одобрения (die Genehmigung haben). Появление такого коннотативного признака объясняется тем, что для человека важен не сам факт разрешения на выполнение чего-либо, а одобрение другой стороны, иначе его действия согласно общепринятым законам будут считаться неправильными: Kann ich in diesem Raum laut sprechen? (Можу я в этом помещении громко разговаривать?). Здесь субъективно-объективная модальность трансформируется в объективную модальность.

Согласно поставленной цели привлечём к анализу глагола ряд однокоренных слов, образующих гнездо с производящим общепотребительным глаголом *können*: 1) *Können*, n – «умение, знание, мастерство»; 2) *fortkönnen* – «мочь, быть в состоянии уйти прочь» (*heraus-*, *herein-*, *vorbeikönnen*); 3) *Kunst*, f – «искусство, художество, мастерство, умение» (*Koch-*, *Film-*, *Kriegkunst* u.a.); 4) *köhn* – «отважный, рискованный, смелый»³.

Сравнение глагола *können* с однокорневой лексикой показывает, что его исходное значение имеет субъективно-объективный характер возможности. Из приведённых примеров видно, что значения однокоренных модальному глаголу *können* слов указывают не на физическую, а на интеллектуальную и психическую стороны жизнедеятельности. Производные слова не несут объективную семантику, они отражают субъективную возможность модальности, что, вероятно, связано с развитием индивидуального сознания и воли человека в мире, приобретающем для него черты отчуждённой объективности. Таким образом, глагол *können* значит «мочь, опираясь на своё умение, знание, мастерство, навыки, смелость».

Глагол *dürfen* означает: 1) иметь возможность, зависящую от разрешения: *Der Junge darf morgen in die Schule gehen*; 2) «сметь», «мочь»: *Ich darf schon viele Probleme selbst lösen*; 3) моральное право на какой-либо поступок: *In der letzten Woche habe ich so viel gearbeitet, jetzt darf ich mich ausruhen*; 3) обоснованное предположение (осторожное утверждение): *Es dürfte Ihnen wohl bekannt sein, dass er über seiner Arbeit oft das Essen vergisst*. (Вам, должно быть, известно, что за работой он часто забывает поесть); 4) должествование (запрещение): *Die Kinder dürfen nicht mehr weggenommen werden* (Нельзя допустить, чтобы детей снова забрали); 5) «нуждаться в чём-либо (*brauchen*)», но это значение является устаревшим и в современном языке данную семантику несёт производный глагол «*bedürfen*».

Значение глагола *dürfen* «иметь разрешение» (*die Erlaubnis haben*) передает ситуацию, когда кто-то может делать что-либо не только по причине того, что это ему разрешено и его действия одобряются, но и из-за того, что этот кто-то осознаёт своё право на действие: *In diesem Unterricht dürfen die Studenten ihre Meinungen ausdrücken*. Данное значение сближается со значением «(не) иметь право на выполнение действия». Синонимичными глаголу *dürfen* считаются следующие немодальные сочетания: *befugt sein*, *berechtigt sein* (быть оправданным, обоснованным), *das Recht haben* (право иметь).

В значении «сметь, мочь» глагол *dürfen* употребляется редко (в отличие от глагола *können*). Он передает возможность более вежливого, но в то же время уверенного тона. Уверенность эта исходит из того, что кто-то «может», «смеет» что-либо делать, так как осоз-

наёт в этом свою компетентность (*zuständig sein*). С этим значением тесно связано значение «обладать моральным правом» на совершение какого-либо поступка или действия.

Далее проанализируем ряд однокоренных слов, образующих гнездо с производящим глаголом *dürfen*: 1) *dürftig* – бедный, скудный (нуждающийся в чём-либо); 2) *bedürfen* – нуждаться в чём-либо; потребовать что-либо; 3) *Bedarf*, *m* – потребность, нужда; спрос; 4) *Bedarfsartikel*, *pl* – предметы первой необходимости (потребности); 5) *Bedürfnis*, *n* – потребность, нужда; запросы; 6) *bedürftig* – нуждающийся, бедный (*hilfs-, pflegebedürftig*)⁴.

Из приведённых примеров видно, как разительно не похожи в своих значениях производящее и производные слова. В современном немецком языке среди производных слов значение «нуждаться» является доминирующим. У самого же глагола *dürfen* это значение стоит в ряду других и является далеко не основным, периферийным. Ядром в словообразовательном гнезде является именно производящее слово с его основными исходными значениями, выражающими модальность возможности («сметь»; «иметь разрешение»). Как показывает сравнение с однокоренной лексикой, исходным значением глагола *dürfen* является значение субъективной модальности – «нуждаться, иметь необходимость». Данное значение трансформировалось в значение «мочь, имея моральное право, право по объективному закону или разрешение». Таким образом, произошёл значительный сдвиг в модальной семантике глагола *dürfen*.

Сравнивая модальные глаголы *können* и *dürfen*, можно отметить следующее: употребление глагола *können* связано с реализацией субъективно-объективного вида модальности возможности. В отличие от глагола *dürfen*, глагол *können* имеет более широкий диапазон модального функционирования, охватывая не только физическую и собственно интеллектуальную сферы деятельности субъекта, но также его умения, навыки и т.п. Основным же значением модальной семантики современного глагола *dürfen* является именно значение объективной возможности – «иметь разрешение». Данное различие сказывается на характере жанрово-стилистической ориентации глаголов: глагол *können* нейтрален и стилистически немаркирован, глагол *dürfen* характерен для высокого стиля.

В работе также рассматриваются модальный глагол *mögen* и несобственно модальные модификаторы (глаголы *vermögen*, *befugt sein*, *im Stande sein*, *sein zu*), которые оказываются на периферии модального поля возможности, хотя исходно *mögen* связан с понятием физической силы (*mögen* – *Macht*).

Примечания

¹ Крашенинникова Е.А. Модальные глаголы в немецком языке. – М., 1954. – С. 3.

² Там же. – С. 19.

³ Толковый немецко-русский словарь / Сост. А.И. Толкачев. – М., 2002. – С. 267–269.

⁴ Там же. – С. 16.

Беспалькова С.А., студ. ТГУ
Науч. рук. Ю.В. Королёва
Глаголы социально-бытового пространства
(на материале рассказа А.И. Солженицына
«Один день Ивана Денисовича»)

Социальное пространство – совокупность социальных отношений, в которые каждый человек вступает с другим человеком или с группами лиц, при этом учитывается структура и тип общества, положение индивида в социуме, его цели и многие другие факторы. Социальное пространство формируется обществом, но в то же время оно влияет на поведение индивида, которому приходится жить в соответствии с нормами и правилами, характерными для данного пространства. То есть социум диктует поведение человека, в том числе и речевое. Последнее является ярким показателем детерминированности индивидуального социального.

Социальное пространство периода тоталитаризма в России с искаженными, нечеловеческими чертами, аморальность общества, его аномальность наглядно представлены в рассказе А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Через речь героев автор характеризует их жизненное пространство (физическое и социальное), которое хорошо знакомо ему самому. Целью данной работы является исследование языкового воплощения социального пространства в рассказе на материале глаголов социально-бытового пространства. Выбор языкового материала не случаен: глагол как единица многоплановая, динамическая способна представлять действия, события, явления в разных аспектах. Обозначая ту или иную ситуацию, глагол не только называет и характеризует действие и его составляющие, но и указывает на то, что называемое действие входит в состав более широкого действия, имеет свои причины и следствия. Так, например, глагол «посадить» предполагает, помимо самого действия, наличие причин, приведших к лишению свободы; нежелание этой ситуации со стороны объекта действия и т.п. Поэтому исследование глагольных единиц данного тематического класса ведет к более полному описанию социального пространства и его языкового выражения. Кроме того, обращение к глаголу позволяет исследовать не только сам глагол, но и его ближайшее вербальное окружение и весь текст, так как глагол признается ядром текста.

В результате анализа были выделены следующие лексико-семантические группы глагольных единиц, функционирующих в тексте рассказа: глаголы **бытия-существования** в определенном пространстве (*вставал, лежал*); глаголы **субъектного/объектного перемещения** (*убежал, вводили, выперли, пронырнул, допрешься, юркнул*); глаголы **прекращения** действия, бытия, состояния (*подыхать, обмирают*); глаголы **прикосновения** (*лизать, перещупывать*); глаголы **нанесения удара** (*ударять, драсть, съездить по салазкам, огрели, лупцует*); глаголы **помещения субъекта** куда-либо в определенном положении (*ставить, сажать*); глаголы **создания объекта** в результате физического труда и трудовой деятельности (*строить, копать, ставить столбы, натягивать проволоку, вкалывать*); глаголы **сокрытия** (*зажгли, зажимают, засовывает, спрятал, затурсует, заначить*); глаголы **поиска объекта** (*раздобыть, шурудят, шмонать, приискивать*); глаголы **речевого воздействия** (*поматюгался, матернули, гахнет, велел*); глаголы **произнесения** (*объявлять, сказал, шумнул, пробуркотел*); глаголы **звучания**, издаваемые живыми существами (*шипеть, рвякнуть, гавкаешь, крихти*); глаголы **отчуждения** (*воровать, уводить, утянул*); глаголы **передачи объекта** (*вкатили, загнал, подсунул, впаяли, подмазал*); глаголы **отношения** с отрицательной оценкой (*изгалялись, шакалить*) и некоторые другие.

Разнообразие выделенных групп глаголов дает полное описание лагерного пространства: занятий заключенных, их отношений между собой и отношений с начальством, а также характеристику повседневной лагерной жизни от обычных действий, ничем не отличающихся от действий других людей, до единиц, характеризующих именно лагерную жизнь. Так, обязательным занятием здесь является работа, поэтому в тексте большое количество глаголов физического труда и трудовой деятельности, глаголов перемещения, рисующих общий фон жизни, однако многие единицы, как, например, глаголы *пробежать, пронырнуть, юркнуть, допрешься* не только называют действие, но и характеризуют его, изображают поспешное перемещение эзков по лагерю, так как свободно, по одному, передвигаться по этой территории было запрещено, отсюда – динамичное движение во избежание наказания. Глаголы перемещения указывают на физическую и социальную ограниченность лагерного пространства, которая задается самой первой строчкой и неоднократно проявляется далее в рассказе (*«скоро ударят развод», «из барака что-то не шли отпирать», «сажать в карцер», «надо колючую проволоку от себя самих натягивать, чтоб не убежать»*). Такое ограничение физического пространства рождает особое поведение, нормы и отношения людей в данном социальном пространстве.

Пожалуй, самыми показательными являются глаголы отчуждения: *воровать, уводить, утянуть*. Их всего три, но они как нельзя лучше показывают, что лагерь – это аномальная, изначально враждебная территория, на которой никогда нельзя расслабляться, это территория выживания, где каждый – за себя. При этом сами действия, обозначенные этими глаголами, не рассматриваются как отрицательные, они являются нормальными в рамках данного социума: воровать в этой среде не преступление, но воровать – у начальства, воровство же среди своих – это проступок, поэтому люди, подобные Фетюкову, заслуживают презрительной оценки автора («*шакалить Фетюков всегда мастак*»). Это подтверждается и использованием единиц смежных с предыдущей группой – глаголов сокрытия и поиска объектов. Глаголы сокрытия *засилил, зажимают, затурсует, заначить, спрятал* изображают желание эзков сохранить свое добро, спрятать его от посторонних глаз. Это естественное желание каждого человека иметь что-то свое, неприкосновенное, но так как по правилам данного социума это запрещено, то в тексте появляются глаголы поиска объекта *раздобыть, шурудят, шмонать, приискивать*, причем обыск идет несколько раз на день, что объясняет частое повторение этой группы глаголов.

Не менее важным показателем социальных отношений является речь, поэтому в тексте большое количество глаголов речи: *помятгался, матернули, гахнет, шумнул, пробуркотел*. Здесь редко кто говорит спокойно; повышение голоса и нецензурная брань – основные составляющие речи эзков, их обиденная жизнь. Исключительные же случаи передаются глаголами звучания, издаваемыми живыми существами *шипеть, рывкнуть, гавкаешь, крихти*, что еще раз подчеркивает уподобление людей животным – без чувств, без разума, основываясь лишь на силе эмоций. В первую очередь это характеризует надзирателей, социальные отношения с которыми предопределены самой лагерной системой, однако не менее просты и отношения между заключенными. В этой среде тоже есть свои правила, которых должен придерживаться каждый: «*В лагере вот кто подыхает: кто миски лижет, кто на санчасть надеется да кто к куму ходит стучать*». Это самые низкие занятия, поэтому таких людей автор характеризует коннотативными глаголами.

Особое место в рассказе занимают глаголы-жаргонизмы (*подмазал, вкатили, зажилл, шмонать, затурсует, косануть, гореть в карцер, шестерить*), имеющие яркий разговорный оттенок и отражающие особый язык эзков. Несмотря на то, что в лагерях отсиживали срок и интеллигенты, и рабочие, в лагерной среде они становятся одним социальным классом, так как на территории лагеря обычные социальные границы размываются, все становятся эзками: употребление жаргонной лексики характерно для всех героев рассказа, кроме того, именно они наиболее частотны в речи заключенных.

В заключение следует отметить, что социально-бытовое пространство в рассказе А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» представлено большим количеством глагольных единиц разных лексико-семантических групп, которые отражают основные черты данного пространства: его устройство (прежде всего – территориальную и социальную ограниченность), отношения в нем, выстроенные по устойчивым для данного социума правилам и в соответствии со строгой иерархией, отличные от отношений в обычном социуме.

Бохонная М.Е., аспирант ТГУ Науч.рук. И.В. Тубалова Символическое содержание формулы «на столе стоит...» в частушке

Традиционная формула есть как бы сама маленькое художественное произведение

Д.С. Лихачев

Формульность является неотъемлемым свойством поэтического языка фольклора. Проблеме функционирования фольклорных формул (устно-поэтических стереотипов, поэтической фразеологии, устойчивых групп слов, фразеологических сочетаний и т.д.) уделялось большое внимание в отечественной фольклористике (см. работы В.П. Аникина, Е.Б. Артеменко, В.М. Гацака, Т.В. Зуевой, Б.П. Кирдана, С.Г. Лазутина, Б.М. Соколова, А.Т. Хроленко и др.). Эстетическая природа речевой стереотипии исследована в самом широком спектре: от элементарных по структуре фольклорных формул (словосочетаний типа *путь-дорога*, *хлеб-соль*, *мед-сахар*) до синтаксически более сложных образований.

По мнению исследователей, фольклорные формулы представляют собой «устойчивый лексико-синтаксический оборот (клише, шаблон), служащий средством обозначения типизированных фрагментов фольклорной действительности»¹. Характер функционирования фольклорных формул, их состав и содержание определяются идейно-эмоциональной и эстетической природой, соответствующей жанру произведения. При этом в разных фольклорных жанрах статус формулы могут получать различные языковые конструкции, например, в сказке используются *жили были // долго ли коротко ли // стали они жить поживать да добра наживать*; в лирической песне – *калинушка-размалинушка // красна девица* и др.

В данной работе обратимся к особенностям функционирования фольклорной формулы в жанре частушки.

На ранней стадии становления жанра частушки сохраняют многие приемы поэтизации и символизации, характерные для традиционных лирических жанров. Эти приемы служили «заготовкой», традиционной основой, на которой происходило зарождение нового жанра. Однако «освоение традиционной образности уже и в ранних частушках сопровождалось ее преобразованием»². Специфика частушки как жанра позднетрадиционного в большинстве случаев определяет переосмысление изображаемого. Частушка может давать новую интерпретацию привычным представлениям, делать символические связи между образами едва уловимыми, зачастую намеренно их обесмысливать либо переводить в буквальный план прочтения. Так, показательным примером является использование в ней традиционных запевов, типа «с неба звездочка упала...», «на столе стоит...», «на горе стоит...», «по реке плывет...» и т.д. Такая устойчивая формула в частушке, по мнению многих исследователей (В.П. Аникина, Т.В. Зуевой, Б.П. Кирдана и др.), порождена утратой «традиционной образностью прежнего смысла»³, не связана с последующим содержанием текста и, таким образом, служит назначению данного жанра произвести неожиданный эффект.

Анализ материала в рамках нашего исследования показал наличие традиционной символической связи такого зачина со второй частью частушки. Однако проявление ее наблюдается не всегда отчетливо. Это, возможно, связано с тем, что эмоционально-оценочное содержание частушки может быть выражено в ее особой формальной организации: сочетание элементов поэтической традиции и жанровой импровизации.

Рассмотрим заявленную специфику на материале функционирования единиц, называющих бытовые реалии. Остановимся на одной из традиционных частушечных формул «на столе стоит...», поскольку в ней регулярно употребляются интересующие нас единицы.

В первом стихе-запеве некоторых частушек, организованном в виде типовой формулы «на столе стоит...», отображается описание бытовых предметов по принципу их привычного гармоничного соположения в пространстве. Создаваемая модель видения реальности в эстетике фольклора занимает особое место и символически «прочитывается» как нормативная организация окружающего мира. При этом выбор предметов для построения образной картины зачина во всех его вариациях является значимым.

Максимальную частотность реализации в устойчивой формуле частушечного зачина «на столе стоит...» демонстрируют единицы СТАКАН, ТАРЕЛКА. Можно предположить, что выбор именно этих единиц в создании частушечной «заготовки» обусловлен их денотативным содержанием. Обозначаемые данными единицами предметы входят в круг необходимых атрибутов, которые могут чаще других стоять на столе (ср.: в единичных контекстах представ-

лены слова ЧЕРНИЛКА, ПЕРО, ЦВЕТЫ, КОНСЕРВЫ, МОЛОКО: *На столе стоят консервы, / а за ними молоко. / Не выдерживают нервы, / мил уехал далеко. // На столе стоят цветы, // туда-сюда гнутся. / Мне не 47 годов, / женихи найдутся. // На столе стоит чернилка, / а в чернилке два пера. / Ты скажи, моя подружечка, / с кем гуляла ты вчера?*). Рассматриваемый частушечный зачин связан с обозначением стабильного положение вещей в значимой части пространства как нормативного мироустройства, положительного по своей природе (ср.: *У моей у милочки / все по новой моде: / чашки, ложки под столом, / курочка в комодe*).

Проследим ассоциативную связь комплекса образов зачина частушки и ее концовки. Содержание текста второй части частушки может раскрываться: 1) через экспликацию внешнего вида предметов, стоящих на столе: *На столе стоит тарелка, / на тарелке – пельмени. / Уходите вы, ребята, / вы не наши женихи*; 2) через указание содержимого в этих предметах: *На столе стоит тарелка, / а в тарелке тесто. / До свидания, мама с папой, / я уже невеста. / На столе стоит стакан, / а в стакане муха. / Я ее обматерил / и вытащил за ухо*. На первый взгляд, содержательно не связанные между собой ситуации каждой частушки организуют цельную картину: изображение типичного события с точки зрения его соответствия жизненной норме (на столе стоит стакан/тарелка = ЖИЗНЕННАЯ НОРМА = «женихи должны быть со своими милыми»; «замужняя дочь не должна жить с родителями»; «муха не должна находиться в стакане»).

Наряду с этим экспромтность частушки, карнавальное мироощущение, обуславливая ее обращение, с одной стороны, к отработанным традицией готовым формулам, с другой, – к необычным формам различного содержания, нередко имеет своей целью произвести смеховой эффект. Это часто находит выражение в структурном противопоставлении нормативной ситуации, описываемой в зачине, и ее переворачиванием, нарушением, представленном в последующем содержании частушки (*На столе стоит стакан, / золотое доннышко. / Пойдем, милка, по грибы, / закатилось солнышко. // На столе стоит стакан, / а в стакане роза. / Милый ходит без штанов / прямо по морозу*). Вторая часть частушки прерывает заданный зачином ассоциативный «прогноз». Опрокидывание нормы происходит посредством нарушения логической связи между образами («по грибы на закате не ходят», так же, как и «по морозу без штанов»), за счет чего создается комический эффект. Можно предположить, что стереотипный зачин существует не изолировано, а специфическим образом соотносится с последующим текстом в связи с семантической целостностью фольклорного произведения. Частушка таким образом экспериментирует над языковыми элементами, определяя возможность их использования в разных ситуациях.

Выражение эмоционально-оценочного отношения к событиям, однако, не всегда имеет для исследуемого жанра первостепенное значение. Специфика частушечной речи определяется и прагматической направленностью жанра. «Анализ прагматики фольклорного текста в значительной мере опирается на лингвистику. <...> В лингвистике прагматический аспект речи исследуется посредством выделения тех механизмов, которые связывают язык с контекстом его употребления. Контекст включает в себя говорящего, слушающего и внеязыковую обстановку общения»⁴. Частушка создается для публичного исполнения, она рассчитывает на диалог с аудиторией, на ее реакцию. Это часто обуславливает использование в ее концовке вопросов, обращений и других языковых конструкций, провоцирующих слушателя вступить в беседу. Тем не менее, и в этом случае частушка может надеяться на ответ публики, лишь творчески выбирая языковые средства, которые бы «задели» намеченного собеседника. Ради этой установки она нередко обращается к использованию традиционного зачина, фиксирующего типовую ситуацию и в то же время уже настраивающего аудиторию на неожиданный поворот описываемых событий (*На столе стоит стакан, / а в стакане лилия. / Ну чего глазенки пялишь, / морда крокодила? // На столе стоит стакан, / а в стакане таракан. / Если хочешь познакомиться, – / копи на сарафан*).

Таким образом, использование в качестве частушечного зачина словесной формулы определяется прежде всего идейно-эстетическим своеобразием жанра и его прагматической направленностью. Формула в частушке представляет собой типологическую структуру, вмещающую «клишированное» содержание, которое на основе образно-символической связи соотносится с дальнейшим содержанием текста. При этом чаще всего она выполняет значимую для частушки функцию создания неожиданной концовки произведения.

Функционирование вещи в фольклоре, в частности в устойчивой формуле частушки, связано с ее пространственной локализацией, с обозначением структуры мироустройства. Вещь может участвовать преимущественно в представлении нормативной модели мира.

Примечания

¹ Артеменко Е.Б. К вопросу о фольклорной формуле и ее языковой репрезентации // Язык и поэтика фольклора: Доклады Международной конференции. – ПетрГУ, Петрозаводск, 2001. – С. 106.

² Аникин В.П. Русское устное народное творчество. – М., 2001. – С. 693.

³ Там же. – С. 694.

⁴ Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. — СПб., 2004. – С. 7-8.

Бугаева А.К., ТГУ

Частотная характеристика вводных слов в тексте художественного произведения (на материале романа Дж. Оруэлла «1984»)

В последнее время не ослабевает интерес к частотным словарям, актуальность которых для разных исследовательских задач очевидна. На базе частотных словарей формируется особая ветвь стилистической лингвистики, предмет изучения которой составляет лингвистическая и стилистическая интерпретация слов в языке и тексте. Однако до настоящего времени материалы лексикостатистики остаются скудными.

Частотный словарь - вид словаря, в котором приводятся числовые характеристики употребительности слов (словоформ, словосочетаний) какого-либо языка, в том числе языка писателя какого-либо произведения. Обычно в качестве характеристики употребительности используется частота встречаемости слова в тексте определенного объема.

Цель представленной статьи - выявить частотную характеристику вводных слов в тексте романа Дж. Оруэлла «1984».

В тексте зафиксировано 313 вводных единиц. Эту цифру возьмем за 100 %. Соответственно, необходимо вычислить процентное соотношение 313 вводных слов на 230 страниц романа.

При исследовании типов вводных слов была составлена следующая классификация:

Вводные слова:

I. Выражающие неуверенность говорящего 230 вв. сл. - 74 %

II. Выражающие уверенность говорящего 53 вв. сл. - 17

III. Выражающие добавочность информации 23 вв. сл. - 7%

IV. Имеющие эмоциональную оценку сообщаемого 7 вв. сл. - 2%

I. Вводные слова, выражающие неуверенность говорящего в достоверности информации, составляют подавляющее большинство всех проанализированных слов. К ним относятся: *может быть, быть может, наверное, очевидно, видимо, говорили, возможно, считалось, должно быть, вероятно, кажется.*

Хотя, может быть, неблагоприятность была здесь ни при чем, может быть, на эту мысль наводила его интеллигентность. Вы помните, наверное, какой была жизнь в старое время, до Революции. А то, что написано в книгах, может быть, неправда. Человек, быть может, не столько ждет любви, сколько понимания. Кажется, Министерство Изобилия неплохо потрудилось в этом году. Может быть, ее испарили или она покончила с собой, а может, ее перевели работать в другую провинцию. Наверное, они захватили Индию или что-то в этом роде. Вероятно, она по-

ранила руку, раскручивая один из калейдоскопов, на которых «набрасывали» сюжеты романов. У дверей Уинстон обернулся, но О'Брайен, по-видимому, торопился уже вычеркнуть его из своей памяти. Вой оборвался, видимо, человеку уже не хватало дыхания на крик, только на борьбу за скамейку.

II. Уверенность говорящего, как правило, свидетельствует о достоверности информации. Если недостоверность может быть выражена эксплицитно, то достоверность чаще всего выражается имплицитно: самим фактом отсутствия показателей недостоверности. Вводные слова, выражающие уверенность говорящего, носят эмоциональный и экспрессивный характер. Это отражено и в частотном словаре.

К данному классу вводных слов относятся: *конечно, действительно, несомненно, разумеется, безусловно, естественно.*

Конечно, никогда нельзя знать наверняка, наблюдают за тобой сейчас или нет. Действительно, девушка сидела примерно на том же месте и опять одна. Вы, конечно, читали о нем в книгах. Холодным светом горели скрытые лампы, и откуда-то доносился низкий гудящий звук – очевидно, работала вентиляция. Безусловно, многие поступают именно так.

III. Вводные слова, выражающие добавочность информации: *впрочем, однако, вообще-то, правда, пожалуй.*

Впрочем, значение имела другая дата, на семь-восемь лет раньше. Хотя, пожалуй, это была не враждебность, а просто предосторожность, мгновенная реакция проходящего мимо незнакомого зверя.

IV. К вводным словам, выражающим чувства говорящего (радость, удовольствие, сожаление), относится *к счастью.*

К счастью, на этот раз патрулей не встретилось, по пути от станции он несколько раз осторожно оглянулся, что никто за ним не следит.

Таким образом, согласно выявленным типам наибольшее количество встречающихся в романе вводных слов относится к категориям, выражающим уверенность и неуверенность говорящего. На данном этапе исследования именно эти два типа представляют наибольший интерес. Внутри них и был проведен лингвостатистический анализ вводных слов, и вычислены процентные данные.

Процентное соотношение вводных слов, выражающих неуверенность говорящего: *может быть – 30%, кажется – 20%, возможно – 19%, быть может – 8%, наверное – 7%, вероятно – 5%, видимо – 4%, очевидно – 3%, должно быть, говорили – 1,3%, считалось – 0,9%.*

Процентное соотношение вводных слов, выражающих уверенность говорящего: *конечно – 62%, разумеется – 13%, безусловно – 9%, несомненно – 6%, действительно (безусловно) – 2%.*

Как показали результаты, в романе преобладают вводные слова, выражающие неуверенность: 74% или 230 вводных слов. Это обусловлено проблематикой исследуемого произведения, которое несет семантику персуазивности; главный герой не уверен в достоверности информации, в существовании мира вокруг него.

Немаловажным является рассмотрение широко известного введенного Б. Расселом противопоставления двух видов знаний: знание по знакомству и знание по описанию.

В языке данная оппозиция реализуется с разной степенью точности и полноты. Пожалуй, ближе всего к расселовским типам знаний семантическое противопоставление вводных слов *вероятно, наверное, может быть* (знание по описанию) и *кажется, как будто, вроде* (знание по знакомству).

В связи с этим был проведен анализ двух вводных единиц – *может быть*, выражающей знание по описанию, и *кажется*, выражающей знание по знакомству. Приведем примеры.

Кажется, она молилась. Кажется, это было в шестидесятых, хотя нельзя утверждать наверняка. Он ждал его, кажется, всю жизнь. Казалось, они вот-вот подерутся.

А может, очень может быть, что за соседним столиком сидит секретный сотрудник Полиции Мысли. Очень может быть, что через три дня он окажется в подвалах Министерства Любви. А то, что написано в книгах, может быть, не правда.

Итак, анализ показал, что в тексте романа Дж. Оруэлла встречается достаточное количество вводных слов, большая часть которых выражает неуверенность говорящего. Наиболее частотной является вводная единица, как *может быть*.

В перспективе исследования входит сопоставительный анализ вводных слов в романе Дж. Оруэлла «1984» на языке оригинала и его переводах.

Волошина С.В., аспирант ТГУ **Науч. рук. Т.А. Демешкина** ***Оценка в речевом жанре биографического*** ***рассказа***

В современном языкознании изучение речевых жанров (РЖ) признается актуальным, поскольку «жанры существуют»¹, и до сих пор остается нерешенным ряд проблем, поставленных лингвистами при изучении теории речевых жанров.

В XX веке в лингвистике происходит переход от структурализма к функционализму, от изучения «языка в себе и для себя» к языку в действии, применении. Актуальным становится изучение языка в диаде «язык и человек». Наряду с отражением языка в человеке не менее значимым оказывается исследование преломления чело-

века в языке. Изучение РЖ биографического рассказа (БР) осуществляется в русле антропоцентрического подхода и представляет собой анализ текстопорождающих возможностей человека говорящего.

В статье рассматривается функционирование оценочных высказываний в названном РЖ на материале говорцов Среднего Приобья. Материалом послужили записи диалектной речи (42 текста). РЖ БР – комплексный информативный РЖ, предполагающий изложение информации говорящим о жизни с момента рождения до момента общения коммуникантов.

«Язык отражает мир с разных сторон. Прежде всего, в языке представлена объективная действительность, имеющиеся в мире предметы, свойства, действия, включая человека с его мыслями, чувствами, поступками и их соотношения»². Языковая картина мира в этом смысле является одним из фундаментальных понятий, так как в нем отражается восприятие человеком мира и взаимодействие человека с ним. Человек, познавая мир, выстраивает для себя определенную систему ценностей, что находит отражение в его речи. Многими исследователями отмечается, что в представлениях человека о мире особое место отводится оценке (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, Л.Г. Гынгазова, М.А. Ягубова). Языковая картина мира диалектоносителя представлена широким спектром оценочных высказываний, в которых отражается субъективное положительное или отрицательное восприятие, характеристика говорящим того или иного явления действительности.

В РЖ БР оцениваться могут:

Человек: а) сам говорящий: «*Я неграмотна, ни холера не знаю. Я кака-то бестолкова*»; «*Я хоть маленька росточком была, но на личко хороша, да и волосы у меня хоршии были, хоть и длинные ...*»; б) семья: «*Семья была больша, все трудились с утра до поздна вечера. Вечером едем на телеге с песнями, шутками. Дружно жили ...*»; в) его родственники: «*Така баба была ладная, мастерица*» (о матери); «*Муж дурной был, пил шибко, дрался ...*», «*Свекровь, правда, женина хороша была, хоть и строгая*»; (о деде): «*Он лет 20 работал в бурлаках, здоровый был мужик. Кудрявый такой в своево деда (он у него цыганом был), кряжистый весь ...*»; «*Был мужик корявый-корявый был. Меня 22 жениха сватали, ни за кого не хотела. Корявый обходительный был. За него и пошла*».

Здоровье: «*Таперь неча лечиться, на бугор надо сбираться. Скоро смертонька всех моих годков подберет ...*».

Отношения между людьми: «*Я с суседями всеми хорошо живу. Че делить-то?*».

Жизнь. Биография – описание жизни, следовательно, в РЖ биографического рассказа жизнь с ее текучестью и насыщенностью событиями является одним из основных понятий, составляющих модель данного жанра. Диалектоносителями может оцени-

ваться жизнь в настоящее время: *«А щас живу, только маюся. Ни живу, а небо копчу. Кака это жись. Живу одна как пешка .... Скорей бы содохнуть!»*; прошлая жизнь: *«Замуж вышла в таку же семью, плохо жила, как вспомню, так слезы брызжут из глаз, сами текут, никто не просит ...»*. Диалектоноситель может сравнивать прежнюю жизнь и жизнь в настоящее время: *«Выжили, что прям не знаю как. А потом лехче жить стало. Сичас жизнь хорошая, радуйся ...»*. Наряду с жизнью, диалектоносители оценивают жизнь в определенных условиях, обстоятельствах: так, например, жизнь в военное время: *«Там страсти каки были, а мы хоть и спокойно спали, хошь и голодны как волчаты. Кусочек поделишь и спать ...»*; *«кажскую минуточку под угрозой. То и дело налеты бывали, то и дело»*.

Работа: *«Тада шибко много работали .... Жутко уставали, ажно свет из глаз выкатывался ...»*.

Окружающий мир. При рассказывании биографии диалектоносителями может оцениваться и окружающий их мир, природа, дом, деревня: *«Вопше места тут богатыи. В лесу че только нет: клубника. Я ее больше всего люблю ...»*; *«Тута приволье – лес руби, к любой роще подъезжай, никто не заругатся на тебя, ни погонит ...»*; *«Избеночка была. Обвалилася вся, она стара-стара ...»*; *«Церковь там была хороша. Каменна. ... А хороша была! Там эт домик стоял, оградка хороша была, резна ... Красиво очень»*.

Рассматривая оценочные высказывания в РЖ БР, следует отметить, что оценка может выражаться с помощью использования определенных языковых средств, а также выявляться и из всего содержания.

На морфемном уровне следует отметить употребление суффиксов субъективной оценки: *«Шибко бедненко жилось ...»*.

На лексическом уровне это использование: а) эмоционально-оценочных лексических единиц: *«Райка, ох и не нравилась нам, так балаболка кака-то. Ванюшку когда в армию забрали, у нас жила, вечно рожу напудрит со стены тряпкой и лежит на гитаре тринькает, ну, правда баба красивая была ...»*; б) метафор, сравнений: *«Тожже немец-собака напал на Россию»*; в) наречий: *хорошо/плохо, шибко, больно*; г) прилагательных: *хороший / плохой*.

На синтаксическом уровне отметим употребление сравнительных конструкций: *«Сижу одна как палка»*, *«таперь сижу как телега»*, *«живу одна как пешка»*, *«нутро сорвала, ворочила как мерин»*.

Сравнительные конструкции, выражающие оценку, употребляются диалектоносителями при сопоставлении прошлого и настоящего: *«Тогда и книжек не было. Ни одного не было биллютя. А ноги щас отказывают. Плохо топерича»*, а также при сравнении

двух объектов: *«В Зырянке-то лучше, чем в Мишутинке. Хоть в очереди постоишь, какой стакан молока возьмешь. Мишутинка-то тоже большая».*

Отметим наличие конструкций с лично-указательными местоимениями, указательными частицами, инверсионных структур: *«Старинна жизнь, она вон кака была трудная, не каждому хорошо доставалось ...»*; *«Вот так-то она жизнь-то кака».* С помощью использования лично-указательных (*она*) и определительных (*какая*) местоимений, задающих структуру пропозиции характеристики, диалектоносители оценивают то или иное явление. Местоимение *какая* в данном случае вбирает в себя различные характеристики и смысловые оттенки.

Одной из важных особенностей выражения оценки является интонация говорящего. Исследователи отмечают, что при анализе эмотивных высказываний необходимо учитывать три языковых уровня в их взаимодействии: лексический, синтаксический, интонационный³, так как синтаксических моделей, «свободных от семантической избирательности, не существует»⁴.

Таким образом, исследование РЖ БР находится в русле антропоцентрического подхода. Названный РЖ представляет собой отражение говорящим жизненного пути как линии от рождения к смерти. Жизнь – одно из основных понятий, формирующих биографический рассказ, следовательно, объектом оценивания в РЖ БР, прежде всего, является человек и его жизнь в различных аспектах. В РЖ БР выявлены основные средства языкового выражения оценки морфологического, лексического и синтаксического уровней.

Примечания

¹ Дементьев В.В., Фенина В.В. Когнитивная генеристика: внутрикультурные речежанровые ценности // *Жанры речи: Сборник научных статей.* – Саратов, 2005. – Вып.4. Жанр и концепт. – С.6.

² Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Отв. ред. академик Г.В.Степанов. – М., 1985. – С. 5.

³ Пиотровская Л.А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (на материале русского и чешского языков). – СПб, 1994. – С. 48.

⁴ Там же, С. 47.

Вычужанина Е.В., ТГУ, ст. преподаватель ФИЯ

Словарная статья как объект мотивологического исследования

Исследование представленного материала проводится в рамках теории мотивации слов, которая фундаментально разрабатывается с 70-х годов XX века О.И. Блиновой и её учениками.

Данное направление в науке о языке продолжает оставаться сравнительно молодым и, следовательно, нуждается в разработке новых уровней и представлении новых сфер языкового бытия.

Всестороннее изучение явления мотивации видится нам чрезвычайно важным в теоретическом плане и ценным в практическом; поскольку мотивационные процессы связаны и со сферой общения (воздействующая функция, эстетическая функция, информативная функция), и со сферой национальной психологии (менталитет, этнокультура). Подобное исследование лежит в рамках современной научной парадигмы – функциональности и антропоцентризма.

В этой связи представляется перспективной задача рассмотреть отношения лексической и структурной мотивации на совершенно новом материале, когда текстом, в котором происходит актуализация мотивационных отношений слов, является словарная статья как продукт речемыслительной деятельности носителя языка – лексикографа.

Словарь, будучи зеркалом и языка, и культуры нации, становится уникальным источником для анализа отношений между словами и объектами реального мира, так как мотивационные отношения ориентированы и на язык как систему, и на мир как объект отражения в этой системе.

Словарная статья, обладая качествами, обязательными для любого текста, а именно смысловым единством и коммуникативной значимостью, рассматривается нами как особый тип текста, на материале которого мы и будем проводить наше дальнейшее исследование мотивационных отношений. Предполагается, что специфика текста данного типа обусловит и особенности мотивации слов, встречающихся в словарной статье.

Практическую значимость подобной работы мы видим в подготовке некоторых рекомендаций по написанию словарной статьи и оформлению её дефиниции по единообразным (по возможности) схемам и с учетом интересов реципиента. Предполагаем, что в разных типах словарей (энциклопедических, идеографических, учебных и др.) мотивационные отношения внутри словарной статьи различны.

Отношения мотивации могут связывать объекты двух типов: 1) заглавное слово и лексические единицы в тексте словарной статьи; 2) лексические единицы в тексте словарной статьи, исключая заглавное слово. Эти два типа связи могут пересекаться и взаимодействовать.

За точку отсчёта в исследовании решено принять словарную статью Большого академического словаря, отражающего состояние кодифицированного общенародного языка. В качестве материала для анализа были взяты словарные статьи из толковых словарей под редакцией С.И.Ожегова, Д.Н.Ушакова и А.П.Евгеньевой. Рассматривались буквы «И», «В», «П» как «приставочные» и «Л», «М», «Д» как не обладающие такими потенциями.

Анализ показал, что в рамках одного словаря встречаются два типа дефиниций. Приведем примеры из словаря С.И. Ожегова:

Ваза – сосуд изящной формы для фруктов, цветов или декоративный.

Игра – занятие, служащее для развлечения, отдыха, спортивно-го соревнования.

Изверженный (спец.) – образовавшийся в результате действия вулканических сил.

Избранник (высок.) – тот, кто избран кем-н.

Игрок – участник игры.

Иголка – то же, что игла.

Избавитель (высок.) – тот, кто избавляет, избавил кого-н. или что-н. от кого-чего-н.

Пбголенки – часть обуви или чулка, охватывающая голень.

Пагубный – очень вредный, губительный.

Падаль – труп павшего животного.

Пайка – см. паять.

Примеры из словаря Д.Н.Ушакова:

Магарыч (простореч. устар.) – угощение, которое устраивает сторона, получившая барыш в торговой сделке.

Магазинчик (разг. устар.) – владелец магазина.

Вышеприведенные группы дефиниций отличаются, во-первых, по распространенности, во-вторых, по характеру синтаксических конструкций: дефиниции первой группы сложнее, часто включают причастные обороты (признак книжного стиля).

Одной из важнейших проблем современной лексикографии считается вопрос о том, «как сделать микротекст дефиниции настолько информативным, насколько это нужно, и не более информативным, чем это требуется в объёме статьи». Создается впечатление, что дефиниции первой группы скорее толкуют не языковые единицы, а описывают предметы реального мира, и в этом они схожи со статьями энциклопедического словаря. В определениях вто-

рого типа системные отношения лексики (синонимические, антонимические, деривационные и, главным образом, мотивационные) используются на порядок чаще.

Во второй группе дефиниций видны все три основных типа толкования: синонимичный, отсылочный и описательный, причем последний не самый продуктивный. Объяснить это можно тем, что основная масса заглавных слов первой группы (ваза, игла, раб, павлин) – немотивированные, и, являясь началом мотивационной цепочки, не могут быть объяснены с помощью своих мотиватов, это нарушило бы принцип словаря «объяснение сложного через более простое».

Итак, мы выделили два типа словарных дефиниций в Большом академическом словаре русского языка, актуальных при рассмотрении проблем теории мотивации.

Примечания

¹ Андреев И.А. Микротекст дефиниций в макротексте словарной статьи // Семантика и функционирование языковых единиц. – Томск. 1997. – С. 53-55.

**Галимова Д.Н., ассистент АмурГУ
(Благовещенск)**

Понятийные сферы «артефакты» и «натурфакты» в русских говорах Приамурья (на примере метафорических имен существительных)

В последнее время метафору исследуют не только как способ пополнения словарного запаса, средство образной характеристики, но и как результат ментальных операций и способ мышления о мире. Метафорический перенос наименования с одного предмета на другой рассматривается как результат когнитивных процессов и воплощение конкретно-чувственного и рационально-оценочного опыта человека. Метафорический способ представления действительности отражает пути познания мира и особенности его концептуализации, а анализ метафор дает представление об особенностях мировидения и ценностной системе людей.

Для описания процессов метафоризации используются методы структурно-семантического и когнитивного подходов, что предполагает анализ и сопоставление исходных и результативных значений (ИЗ и РЗ) метафоры и последующее определение оснований метафорического уподобления, типов метафорических переносов и характеристику фрагмента ценностной картины мира людей той или иной социальной или возрастной группы.

В данной работе описано метафорическое представление в диалекте предметного и природного окружения человека.

В основе метафор лежат сформировавшиеся в сознании человека концепты, содержащие представления человека о свойствах его самого и окружающего его мира. В качестве когнитивных источников смыслов для метафоризации артефактов и натурфактов используются концепты понятийных сфер «человек», «артефакты» и «природа», т.е. можно выделить антропоморфные метафоры (моделирование объектов метафоризации по подобию человека), артефактные метафоры (представление реалий как предметов, созданных трудом человека) и натуроморфные метафоры (реалии осознаются в концептах мира окружающей человека природы). Антропоморфность определяют как основной принцип метафорической номинации объектов, объясняя это особенностями когнитивных процессов в сфере чувственно воспринимаемого: человеку проще понимать, объяснять и оценивать объекты, сопоставляя их с самим собой. Потому объект окружающего мира, имеющий набор определенных параметрических сущностных и структурных характеристик, может быть представлен как своего рода двойник человека. Среди диалектных метафор, однако, фиксируется немало артефактных и натуроморфных. Задачей нашего исследования, помимо описания метафорического миромоделирования в диалекте, будет попытка установить, какими видит человек предметный мир и мир природы.

1. Понятийная сфера «артефакты»

Большое количество метафорических номинаций артефактов относится к концептам понятийных сфер «инструменты и орудия труда» и «приспособления для механических манипуляций». Это может быть объяснено тем, что инструменты и приспособления чаще всего состоят из нескольких функциональных частей, каждая из которых, как значимая, должна быть именована. Литературный язык обычно не предлагает аналогичных обозначений, а метафорическое имя оказывается удобным категоризатором.

Называя инструменты, орудия труда и приспособления для механических манипуляций, человек использует имена объектов животного мира, например, находя во внешнем виде определяемого артефакта или в его функциональных характеристиках сходство с определенной реалией, именуется инструмент для выдергивания гвоздей *лапой*, уключину *козлик*ом, острие косы *жалом*, жердь, служащую опорой в каком-либо сооружении, *кобылицей*, узкую пилу с мелкими зубцами *змежкой* и т.п. Метафорический перенос основывается на нескольких признаках исходного значения.

Разные предметы могут получать одну и ту же метафорическую номинацию. При этом в ИЗ актуализируется либо один и тот же дескриптивный признак, либо разные признаки. Например, у существительного *крыло (крылья)* дескриптивные признаки ИЗ

«плоский», «вытянутый», «совершающий маховые движения» выступили основанием метафорического переосмысления слова: *крыло* как «вращающаяся лопасть зерноуборочной машины». В другом употреблении данной метафоры: *крылья* – «лопасти, прикрепляемые к бортам лодки для поддержания равновесия» – признак «совершающий маховые движения» становится неважным и, напротив, актуализируется значение «расположенный по бокам чего-либо». Названия растений или объектов неживой природы в качестве метафорических именовании орудий труда и инструментов нами не отмечены.

Наименования бытовых предметов используются в основном для метафорического называния различных приспособлений: *баши-мак* – деревянная колодка, которая надевается на передние ноги лошади, чтобы лишить ее свободы передвижения; *конфетка* – трензель; *клещи* – один из полуовальных деревянных брусков, стягивающих хомут. Эти и подобные метафорические переносы основываются на функциональной характеристике предметов.

Для называния инструментов, орудий труда и приспособлений для механических манипуляций может быть использована и антропоморфная метафора, например, отождествляя артефакт с человеческим существом, говорящий наделяет его «головой», «бородкой», «щёками», «зубами», «языком», «руками», «пальцами» и т.д. Один объект может иметь двойную метафорическую номинацию (*бородка и язычок* – деталь топора, поддерживающая топориче спереди), а одна и та же понятийная область может служить источником метафорических номинаций для различных объектов: *зубом (зубами)* именуются и поперечные зарубки на рубеле (инструменте для глажения или выколачивания белья), и шип на конце бревна, который вгоняют в соответствующую ему по размеру выемку в конце другого бревна.

Среди метафорических номинаций, относящихся к концептам классов «инструменты и орудия труда» и «приспособления для механических манипуляций», артефактных и натуроморфных метафор оказывается больше, нежели антропоморфных. Это может быть объяснено тем, что понятийные сферы «природа» и «артефакты» являются более богатым источником метафорических переносов, нежели сфера «человек», и обладают более разнообразным ассоциативным полем – «предоставляют» большее количество простых и конкретных образов, которые могут метафоризироваться на основании прямого подобия, воспринимаемого визуально, либо на основании функциональной близости.

Аналогичные выводы можно сделать по отношению к метафорическим номинациям, обозначающим реалии категориального класса «охотничьи приспособления». При использовании именованных артефактов и натурфактов в качестве номинаций приспособлений для охоты и рыбной ловли метафорический перенос основ-

вается не столько на внешнем сходстве объектов (*рукав* – «рыболовный снаряд в виде плетеной из прутьев продолговатой корзины»; *морда* – «рыболовная снасть в виде круглой узкой корзины с воронкообразным отверстием, сплетённая из прутьев или проволоки» и т.п.), сколько на совпадении в исходном и результативном значениях компонентов, отражающих особенности функционирования или назначения реалий (*башмак* – «ловушка на лисиц и мелких пушных зверьков в виде деревянного корыта, опрокинутого вверх дном, которое ставится обычно у нор»; *мотылёк* – «деталь охотничьей ловушки – заостренная палочка, на которой держится груз»; *пасть* – «охотничья ловушка (чаще с приманкой для зверя) в виде расщепленного бревна с клином-насторожкой» и т.п.). Основания для метафорического использования наименований частей тела человека в качестве названий охотничьих приспособлений и рыболовных снарядов дает сходство внешнего вида или сходство соположения именуемой части относительно всего объекта или его частей, например: *горло, туловище, пята и пятка, язык, жилка*.

Среди метафор, называющих реалии категориальных классов «предметы быта» и «постройки», примерно равное количество антропоморфных и тех, которые «не повторяют» человека, т.е. натуроморфных и артефактных. Все эти метафоры используют в качестве основания метафорического переноса различные исходные признаки: акцентирующие особенности внешнего вида либо указывающие на назначение реалии.

2. Понятийная сфера «натурфакты»

Основное количество метафорических номинаций натурфактов относится к наименованиям со значением «растительный организм». Наиболее частотны при именовании натурфактов метафорические переносы из класса «Животный мир». Метафорическое осмысление некоей реалии основывается не на полном подобии двух объектов, а на воспринимаемом визуальном сходстве какой-либо отдельной характерной внешней черты, признака, выделяемого в сфере-источнике. Стремление обозначить объект, относящийся к малоосвоенной или не очень близкой области, используя более простой и близкий образ из хорошо знакомой области, отражается в следующих метафорах: *шелуха* («чешуя рыб»), *пёрышки* («плавники рыбы»), *шкурка* («лыко»), названия цветущих растений *барашек, петушок, собачка, кошка*, название травы *курочки* и т.п. Издаваемые животными звуки могут быть метафорически переосмыслены как звуки, сопровождающие какое-то метеорологическое явление, а название самого живого существа становится именованьем явления природы: *жаба* («далёкая гроза без громовых раскатов»).

Одна и та же понятийная область может выступать в качестве источника метафорических номинаций для различных (близких) реципиентных областей. Например, выделяемые в значении слова

грива дескриптивные признаки «вытянутый в длину», «возвышающийся над основной поверхностью» связывают источник и объект метафоризации в следующих метафорических употреблениях слова: 1) лес, растущий полосой на возвышенности; 2) вершина горы, сопки; 3) длинный узкий мыс у подножия горы, сопки.

Артефактные метафоры называют растения и реалии мира неживой природы, чаще всего актуализируя в результативных значениях компоненты, указывающие на особенности внешнего вида или ориентационные признаки, выделяемые в исходном значении: *свечка*, *ножницы*, *братская трубка* (названия растений), *шубы*, *накипь* («торосы»), *штаны* («сходящиеся реки»), *подол* («равнина, низкое место под горой») и т.п.

Антропоморфные метафорические названия растений встречаются не часто. Основанием для переноса может выступать характерная черта внешнего вида растения (*невеста* – «комнатное растение с белыми цветами»), особенности продолжительности срока существования (*бабка* – «гриб подберезовик»), «значимость» среди других объектов данного класса (*поп красный* – «гриб подосиновик»). Называя растительный организм, человек моделирует его по своему подобию: наделяет составными частями человеческого тела («головочкой», «косами», «космами», «пальцами» и т.д.). Растение, как и человек, имеет детей – *деток*, а часть человеческого тела может выступать источником для метафорического переосмысления в качестве названия растения (*берёзова губа*, *пятипальник*, *царские кудри* и др.).

В заключение отметим особенности системы метафорических номинаций в исследуемых предметных областях.

1. Метафоризация основывается на реальном сходстве явлений, исходное и результативное значения связывают компоненты, отражающие общность внешнего вида подобных друг другу реалий (форма, размер, цвет и т.п.) или общность их функционального проявления (характер использования, особенности функционирования (бытования) и т.п.).

2. Предмет может иметь как единичную, так и двойную метафорическую номинацию; одно и то же метафорическое имя может быть соотнесено с одной или несколькими реалиями.

3. Метафорический перенос может происходить в пределах одной понятийной сферы – в пределах одного или различных категориальных классов, что отражается, например, в использовании названий различных предметов, созданных человеком, в качестве именованый инструментов или в употреблении названий частей тела живого существа как наименований растительного организма. Однако чаще метафорический перенос осуществляется между разными понятийными сферами, например, между сферами «человек» и «артефакт», «природа» и «артефакт» (название части тела человека или животного, использованное как метафорическое наимено-

вание орудия труда), между сферами «артефакт» и «природа» (название предмета бытового обихода, употребляемое в качестве названия растительного организма).

4. Рассмотренные метафорические единицы большей частью представляют собой результат переноса значения с одних внешних по отношению к человеку реалий мира на другие (артефактных и натуроморфных метафор 68% от числа рассмотренных). Таким образом, облик и функциональное назначение предметных реалий в исследуемом диалекте, по нашим наблюдениям, чаще биоморфны или повторяют облик других артефактов, нежели антропоморфны.

Гончарова А.Н., студ. ТГУ, 2 курс

Науч. рук. Н.А. Тихонова

Генезис концепта «дом» в английской и русской лингвокультурах: опыт исследования

Из лексикографического толкования лексического значения слова «дом» следует, что понятие «дом» не ограничивается исключительно рамками определения «предметное имя».

В современном толковом словаре русского языка С.А. Кузнецова зафиксировано пять определений. «Дом» - это 1) здание, предназначенное для жилья или размещения учреждений, предприятий; 2) жилое помещение, квартира, жильё; 3) семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством; 4) царственный род, династия; 5) [слово используется] в названиях различных учреждений, помещений: «Дом Актера» и др.»¹.

В английском языке эквивалентами русского слова «дом» являются лексемы «house» и «home». Согласно The Oxford dictionary of English Etymology «house – building for human habitation, occupation or worship, household, family»² (дом – здание для проживания людей, временного пользования, богослужения, хозяйствования, семьи). В свою очередь, «home – native place, one's own place or country»³ (дом – родина, родные места или страна).

Исходя из этих определений, можно сделать вывод о наличии более тесной связи понятий дом «родина в английском миропонимании и дом «семья в русском, что отражается в зеркале языка.

Взаимодействие концептов «дом» и «семья» в русском и английском сознании выявляется при обращении к фразеологии. Именно фразеологический фонд языка сохранил самобытные черты видения мира народом и, следовательно, предоставляет показательный материал для анализа специфики народного мышления. Семантика фразеологических единиц с компонентом «дом» / «home» / «house» репрезентирует наличие переноса значения дом ⊕ семья в представлении русского и английского этносов. В качестве иллюстрации приведем следующие фразеологизмы: «*ввести в дом*» – «представить семье», «*отбиться от дома*» –

«забыть о семье, перестать проявлять интерес к семейным проблемам», «*всем домом*» – «всей семьей»; «*to bring somebody to one's own home*» – синоним к русскому «ввести в дом», «*nothing to write home about*» – фразеологизм означает «ничего интересного», ничего особенного, о чем стоило бы написать домой, т.е. семье.

Если семья, по определению, группа родственников, проживающих в одном доме, то дом – это непременно жилье, жилище, место для жизни и т.д. Таким образом, взаимозависимость концепта «дом» и концепта «жизнь» представляется очевидной.

Однако концепт «дом» тесно связан и с концептом «смерть», что также находит отражение в английской и русской фразеологии. Например, «*one's last home*» – «последнее пристанище», т.е. могила. Соотносимость пары концептов «дом» «смерть» в народном сознании подчеркивают следующие русские суеверия: «*Под старость не строй дом, не то скоро умрешь*», «*Построив новый дом, нужно непременно обновить его свадьбою, иначе хозяин может умереть*»⁴.

При обращении к мифологии древних германцев обнаруживается, что основа *gard* с семантикой «дом» (буквально «огороженное пространство») входит в состав многих слов, обозначающих ключевые места в представлении древних германцев об устройстве Вселенной: Мидгард – земной мир, Астгард – место, где обитают боги на небе, Утгард – место, где живут великаны, окраина земного шара.

Итак, дому в европейской культуре издавна приписывался мистический смысл. Данная традиция сохраняет свою актуальность и сегодня. Сюжетную линию «дом с приведениями», очевидно, следует отнести к «бродячим сюжетам» англоязычной литературы. Герои произведений оказываются в незнакомой местности, обычно поздно вечером и в плохую погоду, а единственное место, где можно остановиться – старый, заброшенный дом, в котором скрипят двери, хлопают ставни, слышатся шаги, т.е. налицо присутствие в доме представителей иного мира. Возможна вариация сюжета: семья переезжает в дом, и в нем под влиянием потусторонних сил происходят необъяснимые или трагические события. В литературе к мотиву «неблагополучного дома» обращались такие авторы, как О. Уайльд, Э. По, И. Вашингтон и др.

Негативное отношение к заброшенному дому наблюдается и у славян. Об этом свидетельствует суеверие «*В нежилом доме одна нежить*»⁵. Для древних славян также характерно мифологическое восприятие дома. Дом всегда представлялся «своим» пространством и находился в оппозиции к внешнему, чужому, часто враждебному пространству. Уже при закладке заботились, о том, чтобы семья была богата и благополучна на новом месте жительства, для этого сыпали зерно и горох в углы дома, не начинали строить до

новолюбия и не строили на местах захоронения, на перекрестках, на болоте. Несоблюдение этих условий, по народным поверьям, приводило к различным несчастьям.

Внутреннее строение дома у славян также во многом символично. «Организация домашнего пространства повторяет структуру внешнего мира и отчасти отражает структуру семьи. Место в центре обладает наибольшей сакральной значимостью, жилое пространство дома делится по диагонали на две части: угол с печью (очагом) <...> - женское (ср. рус. бабий кут), правая сторона с красным углом – мужское»⁶.

Важнейшим условием благополучия в доме, здоровья членов семьи славяне считали хорошее отношение покровителей дома и его духов к хозяину и домочадцам. Покровителями дома у славян были предки. Верили, что они обитают под порогом, а печь – место, где живет домовый (и в звуковой оболочке, и в семантике лексемы «домовой» прослеживается связь с домом).

Домовой – одна из ключевых фигур восточнославянской мифологии. Он главный хранитель дома и хозяйства. Поссориться с домовым или обидеть его – значило навлечь на дом и семью различные несчастья. За печку относили и угощение, чтобы задобрить домового. Согласно народным поверьям домовым становился после смерти основатель рода, иногда хозяин дома, который больше всех любил хозяйство. Славяне верили и в других духов – покровителей отдельных частей крестьянского двора и дома: запечника, конюшника.

Злой дух дома в восточнославянской мифологии - кикимора. Иногда она рассматривалась как жена домового и представлялась маленькой женщиной-невидимкой, которая может выжить хозяев из дома.

Духа-покровителя дома аналогичного домовому в восточнославянской мифологии у древних германцев не было. Однако германцы почитали богинь Фригг и Фрейр (довольно часто Фрейр представлялся как мужское божество и брат Фригг). Фригг – богиня любви, брака, деторождения и семейного очага, а Фрейр – растительности, урожая, мира и материального достатка⁷.

На основании проведенного исследования, можно сделать вывод, что дом и у германцев, и у славян считался «одушевленным», сакральным пространством.

Примечания

¹ Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка. – СПб, 2001. – С. 163.

² The Oxford dictionary of English etymology / edited by C.T. Onions. – Oxford, 1996. – С. 450.

³ Там же. – С. 445.

⁴ Грушко Е., Медведев Ю. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. - Нижний Новгород, 1995. – С. 132.

⁵ Там же.

⁶ Славянская мифология. – М., 2002. – С. 142.

⁷ Гудзь-Марков А.В. Пантеон Богов индоевропейцев и Пралаптеон. – М., 2001. – С. 62-66.

Демидова Т.А., аспирант ТГУ ***Текстообразующая функция образных единиц*** ***(на материале прозы В. Астафьева)***

Основными категориями художественного текста являются категории цельности (целостности) и связности. Категория целостности соотносится с планом содержания, «она в большей степени психолингвистична и обусловлена законами восприятия текста, стремлением читателя, декодирующего текст, соединить все компоненты текста в единое целое»¹. Связность же, в свою очередь, соотносится с планом выражения, т.е. со структурной организацией текста. Между собой эти категории находятся в отношениях диархии. «Цельность внешне материализуется в связности, связность обусловлена цельностью и, в свою очередь, обуславливает ее»².

Образные единицы (ОЕ) служат важным средством, позволяющим структурировать текст: сделать его единым целым по форме и содержанию. В данном случае речь идет о прозаическом тексте («Последний поклон» В.Астафьева), имеющем, как и текст поэтический, определенные законы организации.

Под ОЕ художественной речи, вслед за О.И. Блиновой и Е.А. Шенделевой (Юриной), понимаются те единицы, которые обладают двуплановостью семантики, реализуемой в контексте художественного произведения, и метафорическим способом её выражения: **метафора** (языковая – ЯМ, художественная – ХМ, индивидуально-авторская – И-аМ), **собственно образное слово (СО)**, **образное сравнение**, **творительный подобия**. Рассмотрим, как семантика и форма ОЕ (а также расположение в тексте) помогают организовать текст.

Можно выделить два типа контекста, где не просто реализуется семантика ОЕ, а где ОЕ служат средством структурирования текста: **микрконтекст** (ОЕ организуют одну фразу); **макрконтекст** (ОЕ структурируют какой-либо более крупный фрагмент текста).

1. Микрконтекст.

В данном случае речь идет об ОЕ, организующих отдельную фразу текста с помощью приема параллелизма, повтора. Например: *Вьется, бывало, стружка картофельная, вьются в голове мыслишки, вспоминается деревня, бабушка...* («Соевые конфеты»). В основе контекста – прием синтаксического **параллелизма**. В одном контексте одна лексическая единица (*вьется*) выступает как **необразная** (*вьется картофельная стружка*) и **образная** (*вьются в голове мыслишки*). Такое строение фразы, кроме функции текстооб-

разования (на уровне отдельной фразы), несет важную смысловую нагрузку, поскольку использование необразной лексики подготавливает восприятие значения ОЕ, раскрывает образ, заложенный в И-аМ *виться* (о мыслях).

Иногда встречаются контексты (построенные также на основе приема параллелизма, повтора), где одна и та же лексема выступает в том и другом случае как образная. Например: *Я был молодой, недавно женатый, ноги мои пружинисты, душа пружиниста, голова пуста, внутри все ликовало, и от «восторгу чувств» мне хотелось петь...* («Пир после победы»). Смысловая значимость такого использования одной ОЕ (*пружинистый*) заключается в разной сочетаемости данной лексики: в одном случае речь идет о сочетании ОЕ с материальным предметом (ноги), в другом же случае перед нами нематериальная сущность (душа). Именно материальный образ (ноги как пружины) объясняет нематериальный образ пружинистой души (т.е. молодой, подвижной, как пружина).

2. Макроконтекст.

Здесь речь идет об ОЕ, организующих более крупный отрезок текста: одна и та же, с точки зрения семантики, ОЕ, видоизменяясь формально, встречается на протяжении одного или нескольких абзацев или даже целого рассказа. Основная функция такого использования ОЕ – текстообразующая (уже не на уровне одной фразы, а на уровне целого текста): образ, заложенный в метафоре, сравнении обыгрывается, раскрывается в тексте, организуя его. Например, в рассказе «Далекая и близкая сказка» автор обыгрывает образ луны как яблока:

1) сначала с помощью образного сравнения: *«В небе, рядом с той звездой, что все еще одиноко светилась над Караульным быком, пропечаталась незаполненная луна, будто неровно обкусанная половинка яблока»;*

2) затем (через несколько страниц) с помощью И-аМ: *«На вершинах берез листва уже не было, и голые прутья исполосовали огрызок луны, висевший теперь над самым кладбищем».*

Прием сворачивания сравнения в метафору имеет определенную цель: автор апеллирует к читательской внимательности и не объясняет второй раз образ, легший в основу ОЕ, так как повторное объяснение было бы избыточным. С целью избежать повтора одной и той же ОЕ, автор, кроме приема сворачивания сравнения в метафору, использует **синонимические конструкции**. Например: *«В вершинах сосен и лиственниц, разбросанных по быку, просыпаясь, мигнула раз-другой крупная звезда и стала светиться. Была она колючая, вроде шишки репья».*

Здесь нас интересует И-аМ *колючая звезда* (сравнение *вроде шишки репья* просто уточняет образ), в основу номинации которой положен формальный признак (колючая – имеющая острые вершины, способные уколоть). Далее в тексте используется синоним этой

метафоры: *«Но уже помимо нее, по своей воле другая какая-то скрипка взвивалась выше, выше, выше и замирающей болью, затиснутым в зубы стоном оборвалась в поднебесье, у той одинокой остроиглой звезды ...»*.

Автур с помощью метафор-синонимов акцентирует внимание на образе одинокой звезды, обретающем символическое звучание: звезда – это символ ночи, одиночества, опасности, тревоги и необъяснимого страха мальчика Вити перед музыкой и громадностью мира.

Следующий прием – прием «опускания», заключающийся в том, что в первом случае метафора дается с объяснением ее семантики, а далее в контексте она встречается в том же виде, но уже без объяснения значения (оно опускается). Например:

1) *«Я скользнул мимо сторожки за угол и лоб в лоб столкнулся с маленьким старичком в круглой, саморуком шитой шапке, с круглой стриженной бородкой, с круглой луковкой носа, и когда старичок заговорил, мне и голос его показался кругленьким ...»* («Без приюта»);

2) *«Вот тут-то они и зимогорят, – услышал я сытучий, круглый разговор ...»*.

В данном случае повтор И-аМ *круглый разговор/голос* выполняет в тексте опознавательную или характеризующую функцию: герой узнает старика по необычному голосу, читатель же еще «не видит» этого старика (о нем пока не говорится в тексте), но уже понимает, о ком идет речь благодаря повторному использованию характеризующей метафоры.

Использование ОЕ на страницах художественного текста не случайно, тем более, когда речь идет о повторяющихся ОЕ. Любой повтор выполняет определенную функцию с точки зрения идейного смысла произведения, а так же организует текст (текстообразующая функция ОЕ).

Примечания

¹ Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основные теории, принципы и аспекты анализа. – М., 2004. – С. 40.

² Там же. – С. 42.

Денисова Н.В., аспирант ТПУ

Науч. рук. З.И. Резанова

***Дискурсивно-жанровая организация текста
грантовой программы РФНФ***

Функциональное направление в лингвистике, с точки зрения которого язык является инструментом речевой коммуникации людей, способствовало проявлению интереса к теории речевых жанров, сформулированной М.М. Бахтиным. С позиции данной теории

любой текст относится к тому или иному речевому жанру. Под речевым жанром понимается «устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы не высказываний, а текстов»¹. В настоящее время исследовательский интерес распространяется как на разговорные, так и на письменные речевые жанры, которые зачастую представляют собой сложные речевые жанры. Существование сложных жанровых форм вызывает вопрос о совмещаемости нескольких речевых жанров внутри одного сложного жанра, и, следовательно, о возможном столкновении характеристик различных типов дискурсов. В наиболее универсальном определении под дискурсом понимается «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами»². С позиций социолингвистики различные типы дискурсов выделяются на основе их сферы действия и единства таких системообразующих параметров, как цель и основные участники коммуникации. В результате, различаются научный, массово-информационный, педагогический, медицинский, деловой, рекламный и другие типы дискурсов³. Перечисленные типы дискурсов являются институциональными и противопоставляются личностному дискурсу.

В работе исследуется проблема сочетаемости нескольких жанров внутри сложного письменного речевого жанра, а также проблема взаимопропикновения стратегий различных типов дискурса.

Материалом для анализа является текст грантового предложения Российского Гуманитарного Научного Фонда (далее РГНФ)⁴.

Поскольку в центре внимания находится текст грантового предложения научного фонда, мы предполагаем, что в нем проявляются черты, в первую очередь, научного, а также делового дискурсов.

Рассматривая текст РГНФ как жанр с точки зрения его коммуникативной цели и других жанрообразующих параметров, мы используем модель описания речевых жанров Т.В. Шмелевой⁵.

С точки зрения коммуникативной цели программу можно определить как информационно-императивный жанр, так как в тексте предоставляется информация о конкурсах, и даются указания и требования по поводу участия конкурсантов. Автором программы является юридическое лицо: РГНФ. Текст РГНФ адресован как коллективам, так и отдельным ученым. Таким образом, в тексте представлен коллективный образ адресата, что указывает на институциональный характер общения автора и адресата.

С точки зрения образа прошлого программа относится к инициальному жанру. Дальнейшее общение между автором и адресатом будет иметь место в случае участия ученых, аспирантов в конкурсе научных проектов. Диктумное содержание представляет собой финансирование научной деятельности на конкурсной основе. Языковые средства, используемые в программе РГНФ типичны для официально-делового стиля, отличительными признаками ко-

того являются предписующе-долженствующий характер речи, императивность, точность, безличность, именной характер речи⁶. Такие свойства в данном тексте формируются использованием набора языковых средств. Приведем несколько примеров.

Предписующе-долженствующий характер и императивность реализуются использованием инфинитивов с предикатами модального характера (*следует направлять, можно также доставить, обязаны представить, следует выслать*).

Точность речи достигается использованием причастных оборотов, служащих для пояснения общих правил (*Средства, выделенные для финансирования проектов, могут быть использованы только на цели, указанные в проектах*).

Неличный, официальный характер деловой речи проявляется в: а) отсутствии форм глагола 1-го и 2-го лица и соответствующих местоимений; б) частом использовании пассивных конструкций (*Условия конкурсов ... опубликованы <...>. Заявки, <...> не регистрируются и не рассматриваются*).

Именной характер речи реализуется использованием: а) отменных предлогов (*ввиду, в целях, в случае*); б) отглагольных существительных (*заполнение, финансирование, выполнение, рассмотрение*).

Употребление некоторых стандартных оборотов, типичных для деловой речи также придает текстам программ официальный характер, например, *Фонд ответственности не несет <...>. Информация <...> - строго конфиденциальная*.

Помимо языковых средств в тексте программы используются средства других семиотических систем, характерных для официально-делового стиля: семиотика графики и шрифта.

Анализируя текст данной программы с точки зрения структурной композиции, мы опираемся на классификацию жанров по степени сложности, предложенную в работе О.А. Казаковой⁷: простой (элементарный жанр) > сложный жанр > гипержанр. Грантовая программа представляет собой гипержанр, т.е. «целостный комплекс сложных речевых жанров, объединенных в рамках одного коммуникативного события»⁸.

В гранте РГНФ выделяются следующие сложные жанры: «объявление о конкурсе», «условия конкурса», «оформление заявки», «приложения (формы заявок)».

Важным аспектом гипержанра грантовой программы является закреплённая последовательность сложных жанров: общая информация о конкурсе > инструкция по заполнению заявки > формы заявки, что продиктовано диктумным развитием событий.

Следующие элементарные жанры выделяются внутри сложных жанров: требование (*Руководители всех поддержанных проектов обязаны ежегодно представлять в Фонд научные и финансовые отчеты ...*); инструкция (*п. 1.3 – дается только цифровой код*);

сообщение (*РГНФ объявляет конкурсы научных проектов 2006г. по следующим областям знаний ...*); обещание (*В случае поддержки проекта обязуюсь представить в РГНФ отчет в соответствующие сроки и по установленным формам*).

Таким образом, мы определяем текст грантового предложения РГНФ как информационно-императивный гипержанр, состоящий из сложных и элементарных жанров, объединенных в строгой последовательности.

Комплексная природа гипержанра определяет взаимодействие характеристик двух типов институционального дискурса. Предназначенный для научной сферы деятельности и адресованный ученым, текст грантовой программы РГНФ представляет собой научный дискурс. Однако, не являясь центральным жанром научного дискурса, как, например, научная статья или монография, жанр грантовой программы находит соприкосновение с характерными чертами делового дискурса. Влияние делового дискурса прослеживается в использовании языковых средств официально-делового стиля, а также в структурном оформлении текста программы, которая представляет собой официальный документ.

Примечания

¹ Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. М., 1997. – №5 – С. 104.

² Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 2000. – С. 136-137.

³ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004. – С. 239.

⁴ Российский Государственный Научный Фонд. Конкурсы 2006. –<http://www.rfh.ru/p23-17-03-2005.html>.

⁵ Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. – С. 94.

⁶ Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1993. С. 175.

⁷ Казакова О.А. Языковая личность диалектоносителя в жанровом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2005. – С. 10.

⁸ Там же. – С. 11.

Инютина Т.С., аспирант ТГУ **Науч. рук. Г.Н. Старикова** ***Нормализация в области именного склонения*** ***(на материале сибирских деловых*** ***памятников XVII века)***

Вопросы нормализации и связанного с ней варьирования вызвали в последнее время появление значительного количества исследований в языкознании. Действительно, диалектическое единство

статики и динамики, которое так очевидно проявляется в феномене нормы и вариантности, считается одной из основных характеристик языковой системы.

Так, языковая вариантность всегда связана с выбором и, соответственно, со стремлением установления в языке какой-либо одной формальной модификации, то есть стремлением к норме. Норма по своей природе диалектична: она одновременно устойчива и динамична, что неравномерно проявляется на разных этапах эволюции литературного языка и в различных сферах его применения¹. Опираясь на устойчивые элементы функционирующей языковой системы, она не в меньшей степени характеризуется и допустимыми в её пределах колебаниями и вариантами.

Представляется перспективным исследование роли варьирования в связи с изучением сложения грамматических норм делового письменного языка, в частности, изучение нормализации в области именного склонения, что обусловлено значением приказного языка в сложении общенациональных норм русского языка. Материалом для исследования послужили тексты грамот Кузнецкого острога XVII века.

Всего в текстах Кузнецкой таможенной избы встретилось 110 имен из четырех типов древних склонений: *-в тв. разновидности – 18 единиц (*зима, полтина, козка, оценка, покупка, изба, рыба* и др.), *-јв – 10 слов (*таможня, княгиня, купля, земля, свеча* и др.); на *-о отмечено 41 слово, из них 2 ср. р. (*сукно, железо*) и 39 – муж. (*год, пуд, аршин, товар, хвост, острог* и др.), на *-о мяг. разновидности 30 слов, такие как *конь, рубль, хмель, январь, февраль*, и др. Склонение на *-і представлено малым количеством единиц: всего одно слово муж. р. – *гость* и 9 слов жен.: *обувь, черевезь, скань, рухледь, печать, выпись, мелочь, четверть* и *юфть*. Слово «сын» – единственное из склонения на *-и, а склонение на согласный не представлено совсем, что, видимо, обусловлено спецификой содержания исследуемых документов.

В текстах выявлены уже три именные парадигмы ед. числа, две из которых представлены именами жен. р. (с основами на -в и -і), а одна – муж. и ср. р. (с основой на -о). Причем, если сложение склонений жен. р. можно считать уже завершенным, то в склонении слов муж. р. перестройка еще продолжается, что особенно проявляется во взаимодействии парадигм разных типов склонений в род. и мест. п. ед. числа.

Так, имена из склонения на *-в последовательно образуют правильные исконные формы: *кузнецкие приказные избы, из соленой рыбы, благоверной царевны и великие княжны* и т.д. – в род. п.; *пришел зимою, своею рукою, с соленою рыбою, явил з братею* – в тв. п. Отступления заключаются в замене Ъ на Е в мест. п.: *явил в избе, явил в тамошне, и то писано в книге*. В целом наблюдается взаимодействие тв. и мяг. разновидностей склонения, что проявля-

ется в параллельных или совпадающих окончаниях, ср.: *кузнецкой покупки, средней и малой руки, томские привозки и струи бобровой, томской куплц, печать земли Сибирские* и т.д. Взаимовлияние разновидностей выразилось и в отсутствии форм со вторым органическим смягчением.

Слова жен. р. склонения на *-i также сохраняют исконную парадигму: *черевецу бобровой, с той мяжкой рухледу, мелочу лавошной* и др. – в род. п. В тв. п. встречается окончание -ию (-ью), которое является исконным: *с четю, мелочию всякою* и т.п. Склонение же слова «*гость*» свидетельствует о переходе слов муж. р. в склонение на *-o. На это указывает повсеместное написание у данной лексемы окончания -я в род. п.

Наибольшее количество единиц представляет склонение на *-o тв. и мяг. разновидности (71 слово). В тв. разновидности склонения наблюдается взаимовлияние склонений с основами на *-и и *-o. В этом отношении показательны варианты написания окончаний в род. и мест. пп. ед. числа. Так, слово *сын* перешло в склонение на -o, о чем свидетельствует окончание -а (8 раз). В результате взаимовлияния склонений, вызванного необходимостью неодушевленных существительных выразить грамматически муж. р., слова из склонения на *-o приобретают в род. п. флексии склонения на *-и, окончания которого наиболее четко передавали семантику муж. р., поскольку в него входили имена только этого рода. Так, в род. п. муж. р. дублетные окончания -а/-у встречаются у следующих слов: *Кузнецкого острога – Кузнецского острогу, Томсково городу – Томсково города, 195-го году – 195-го года*.

Проявление нормализации в области именного склонения нашло свое отражение и в закреплении окончания -у за рядом слов (*приезд, товар, збор, шелк, уклад, оброк, воск* и др.), для которых оно не является исконным: *и с тово товару, против приезде, таможенного збору, три хвунта шелку укладу, воску полпуда* и т.д. (в тв. разновидности) и *пятсот аршин холста хряшу, десет пуд хмелю* в мяг. разновидности. Это слова с семантикой вещественности (*хмелю, хряшу*), неделимого множества (*явил товару, старово долгу*), пространства, места (*из Кузнецково острогу, Томсково городу*), действия (*своего приезде, своего привозу*).

М.В. Шульга в истории род. п. на -у выделяет три периода: «Древнейший период связан с унификацией форм существительных муж. р., их противопоставлении формам жен. и ср. р., т.е. усилением роли грамматического рода в склонении. Следующий этап определяется грамматикализацией значения неисчисляемости, противопоставленного значению исчисляемости. Т.е. употребление флексий -а и -у регулируется развитием категории числа. Новейшая история форм на -у – это история развития падежной системы, история формирования особого значения род. п. – партитивного (количественно-отделительного)»².

Очевидно, что первый этап уже пройден языком. Об этом свидетельствует образование форм род. п. с окончанием -а именами ср. р.: *сукна сермяжново, два фунта железа*. Повсеместное употребление данной флексии у одушевленных существительных муж. р.: *торгового человека, у хозяина их; с седельца, по указу государя царя ... и князя ... самодержца*, так как категория рода для этих имен является лексической – мотивирована полом особи. Поскольку только некоторые конкретные имена употребляются с флексией -а (названия единиц измерения: *два сорока соболей, два фунта черевези, три цунта, два пуда, дватцет четыре рубля*, слова, называющие вид материала: *пятсот аршин холста; дватцат четыре соболя, два кумача*), то категорию неисчисляемости у вещественных существительных еще нельзя считать грамматикализованной. Нет четко выраженных пристрастий и в написании окончаний у слов со значением места, пространства: *из Кузнецкого острогу, Томского городу – Кузнецкого острога*.

Примеры, свидетельствующие о смешении двух парадигм склонения, есть и в мест. п. склонения на *о. Так, *год* пишется повсеместно только с окончанием -у: *в 194-м году, в прошлом году, во 195-ом году* (всего 21 раз). Слова *острог, город, приезд* и *привоз* встречаются только с окончанием -е, которое употреблено на месте Ъ: *явил на приезде, в привозе, в Томском горode* (11 раз), *в Кузнецком остроге* (6 раз).

Проведенное исследование показало, что деловое письмо 17 века объективно отражает динамику процесса сложения норм в области именного склонения. Сложение современной системы склонения происходило на основе внутрипарадигматических и межпарадигматических взаимодействий древнерусских склонений. В процессе вариантного написания ладежных флексий в деловом письме осуществлялась нормализация именной грамматической системы. На степень отражения инноваций в деловых памятниках существенное влияние оказывала выучка писцов, их следование образцам.

Примечания

¹ Глинкина Л.А. К проблеме грамматической нормы в деловой письменности XVIII века. // Восточные славяне. Языки. История. Культура. – М., 1985. – С. 120.

² Шульга М.В. Проблемы грамматической нормы в практике редактирования. – М., 1988. – С. 57.

Казакевич О.А., студ. ТГУ, 3 курс
Науч. рук. Г.Н. Старикова
Именованние инокультурных реалий
в статейном списке Ф.И. Байкова
(1653-1658 гг.)

Изучение межкультурных контактов, в ходе которых возникает не только потребность в установлении соответствий между различными языковыми кодами, но и необходимость в продуцировании новых наименований для номинации национально-специфических инокультурных объектов, которые изначально неизвестны партнеру по коммуникации, представляет большой интерес для исследователей. Как отмечает Н.А. Мартынова, «описание явлений, характерных для всех культур, особой проблемы не представляет. Но при номинации явлений, специфичных для иной культуры, или реалий, могут возникнуть трудности, в силу отсутствия узуального соответствия для инокультурных реалий»¹.

Данное исследование посвящено изучению процесса номинации неизвестного и тех способов выражения, которыми передается эта семантика, в дошедших до наших дней изданиях посольских документов. Поставляемые в посольский приказ донесения в старину назывались статейными списками. В жанровом отношении подобные списки представляли собой документы по делопроизводству центральных правительственных учреждений Российского государства XV–XVII веков, составлявшиеся по «статьям», то есть по отдельным вопросам. Сохранившиеся в столбцах Сибирского приказа, посольские книги явились информативным источником для изучения в лингвистическом плане.

Материалом для исследования послужил статейный список Ф.И. Байкова², поставленного во главу русской миссии в Китай, сохранившийся в двух вариантах. Первый, рассмотренный в данной работе, датируется по времени пребывания Байкова в Тобольске после возвращения из Китая, между 31 июля 1657 г. и 16 марта 1658 г. Он воспроизводится по первой публикации, единственной, которая была сделана с подлинника. Второй вариант представляет собой совмещение двух списков, относящихся примерно к одному времени – по времени возвращения Байкова в Москву. Достоверных сведений об авторстве Байкова и о нем самом нет, но, скорей всего, текст составлялся в ходе посольства.

Поводом для послышки Ф.И. Байкова в Китай явился приезд в Москву летом 1652 г. монгольского посла Кушучинея, в сопровождении торговых бухарцев. Правительство заинтересовалось рассказами Кушучинея о возможности торговли с Китаем, а также самими товарами, привезенными в качестве подарков. Этот интерес и определил основные задачи миссии Ф.И. Байкова, состоявшейся в

1653–1658 годах. Для ведения торговли Байкову были выданы «государевы товарные казны и денег» на 50 тысяч рублей. Также Байкову была дана грамота русского царя для передачи китайскому императору вместе с подарками, для установления дружественных отношений между государствами.

Рассказ Байкова о его путешествии в Китай представляет собой интересный и во многом уникальный материал для изучения, так как дает исчерпывающую картину поведения языковой личности в ситуации неизвестности, отражающей языковые и неязыковые знания о мире субъекта повествования.

Итак, категория известности - неизвестности характеризуется в первую очередь таким признаком, как бинарность, так как ее специфика выявляется при ее сопоставлении с близкими к ней по семантике и средствам выражения языковыми значениями, которые все же не образуют тождества, несмотря на схожесть. Первым подобным значением в языковой системе становятся отношения градации в пределах значения «полная неизвестность – полная известность», реализующиеся по трем направлениям:

1) соотношение значений в рамках исходной оппозиции «неизвестность – известность»;

2) соотношение значений в рамках оппозиции «известность – обобщенность»;

3) соотношения по трем параметрам «неизвестность – известность – обобщенность»³.

Эти три направления развились в ходе выявления различных оттенков семантики неизвестности в пределах оппозиции «полная неизвестность – полная известность». И если первый компонент данной оппозиции предполагает полное отсутствие сведений, знаний, информации у субъекта речи об объекте коммуникации, то второй компонент помимо сведений, знаний, информации об объекте может возвести эти сведения до обобщенного, родового уровня.

Второй очень близкой языковой категорией становится отношение определенности - неопределенности, первичными понятиями которых, как уже было сказано, являются понятия известности - неизвестности. Несмотря на близость значений, эти категории нетождественны друг другу. Так, например, неопределенность не может быть соотнесена с полной неизвестностью, предполагающей полное отсутствие информации в ситуации неизвестности, тогда как неопределенность соотносится с наличием каких-то сведений. Точкой же пересечения этих значений становится частичная неизвестность, соединяющая понятия неизвестности и неопределенности.

Однако, несмотря на понятийное различие этих категорий, они имеют сходную языковую сущность, что дает основание для более детального сопоставления с точки зрения классификации и средств

выражения в речи. Применяв классификационную модель категории определенности- неопределенности М.И. Алёхиной⁴, можно прийти к следующим выводам.

Как представляется, вещный мир реальной действительности можно разделить на две группы предметов:

1) предметы «уникальные», единственные в своем роде, а следовательно, известные подавляющему большинству людей. Это такие предметы, как солнце, луна, земля, вода и др.;

2) предметы «множественные», составляющие классы предметов. Эта группа представляет наибольший интерес, так как предметы данного типа с одинаковой вероятностью могут быть как известны, так и неизвестны говорящему.

Наибольший интерес для исследования представляет собой вторая группа. В списке Байкова предметы данной группы можно распределить по четырём основным сферам денотативного мира, которые явились наиболее актуальными для автора:

1) **сфера хозяйства и торговли**, включающая в себя описание:

- жилища (*«хоромы ставлены на четыре углы, а окон у тех хором нет»*, *«2 палаты бурханские велики, кирпич жженой»*);

- земледельческого хозяйства (*«а родится у них просо, и пшеница, и ячмень, и горох»*, *«а овощи: чеснок, и морковь, и орехи грецкие, и масла семянна много»*);

- товаров и их стоимости (*«а быки покупали невелики лан по 6 и по 7 и по 8»*, *«а суды серебряные <...> и то все с медью ж»*, *«жемчуг дорог перед нашим перед руским вдвое»*);

2) **сфера культуры**, в которую вошли описание:

- верований (*«кумирницы кирпичные <...> а крыты черепицею муравленою»*, *«а веруют свою веру»*);

- языка (*«а говорить по-своему мало помнят»*, *«тюбейцы, язык у них мунгальской»*);

- обычаев (*«перед воеводами носят солнышники бумажные, желтые, велики, на стягах, несет один человек, а по сторону его идут по человеку и по два, а в руках носят палки, по концам золочены»*, *«против кумирниц у самых ворот велели, припадши на колени, кланяются: поклонися де нашему царю»*);

- одежды (*«платье носят долго по земли, и ног не видеть»*, *«а платья цветного мужеск пол и женск не носят, носят платье все черное»*);

- еды (*«ядь в Китайском царстве поганья ядят всякую: и собака ядят, и в рядах собачье мясо вареное продают»*, *«мертвячину всякую ядят»*);

3) **сфера государственного устройства**, в рамках которой описывается:

- устройство городов, крепостей, оружия («город, а про то подлинно неведомо – каменной ли или деревянной, а лесу навожено много»), «проезжие башни велики, по двою ворота в башне», «а ворота дубовые, окованы железом», «а огненного бою, пушек и пищалей, нет»);

- государственная системы и чиновники («тайши кочевные, которые отложились от своих мунгалцов и служат китайскому царю», «перед уванами, по нашему бояры», «вместо детей боярских 2 человека; одному имя яргучей, а другому имя чиндама»);

4) природная сфера, состоящая из:

- фиксации погодных условий («морозы были добре велики», «снегу и морозов нет, только ночью студено, а в день добре тепло», «снег выпал сутками больше чем в полуаршинна»);

- наличие/отсутствие леса («от степи приходили займища великие, а в займищах лес тальник и топольник», «степь голая, только лес небольшой», «а лес всякой: дубняк, и березник, и сосник, и кедровник, и липняк, и ельник»);

- наличие/отсутствие водоемов («ни воды, ни корму нет», «а вода в том озере пресная, зелена», «а течет та речка весною и летом с землю»).

В каждой сфере выделяется две разновидности неизвестности предмета для говорящего:

1) неизвестность впервые встречаемого описываемого предмета, причем в данном случае в контексте отсутствуют хоть какие-то сведения о предмете, его индивидуальные свойства неизвестны говорящему: «а идучи кричат по своему неведомо что», «платье носят коротко, своим переводам»;

2) репрезентативная неизвестность, определяющая предмет как качественную разновидность класса, вписывающая его в родовидовые отношения: «а волосы на главах по-немецки», «лес небольшой, называют его соскоул, растет невысоко, а дерево тяжело, а на огне горит, что дуб, топко».

Также в тексте можно выделить четыре основных типа представления неизвестного:

1) **прямое указание на неизвестность предмета** при помощи конструкций с причастием «неведомо»: «а иные овощи неведомы», «а за что были заперты, про то неведомо ж»;

2) **перевод слова** посредством транслитерации и собственно перевода на русский язык: «ламы по их вере, а по нашему попы», «а кап весом по пуду» (то есть кап – это пуд);

3) **развернутое описание**: «а в лавках у них товары: камки и баази всякие цветы их китайские», «а на хоромех и на платье и на судах деланы все змеи» (имеются в виду драконы);

4) **сравнение с известными реалиями** по следующим параметрам:

а) размер, величина, объем: «а рыбы, что наши русские языки небольшие», «озеро то величиною подобно Переславля Залесскаго»;

б) устройство, форма: «а лавки деланы по-русски», «шапки низенькие черные, что старские»;

в) качество: «по нашему, припадши на колено, кланялся».

Итак, исследование показало, что данный источник является информативным для изучения именованя неизвестных инокультурных реалий и позволяет соотнести способы представления неизвестного с разными типами неизвестности. Так, семантика неизвестности впервые встречаемого предмета передается прямым на то указанием, показывающим неосведомленность о данном предмете и его свойствах. Что же касается репрезентативной неизвестности, то здесь намечается три пути обозначения предмета: попытка его описания, перевода на русский язык либо сравнения с уже известным.

Примечания

¹ Мартынова Н.А. Именованя инокультурных реалий (передача имен русско-культурных реалий в англоязычном дискурсе). – Орел, 2004. – С. 4.

² Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае («Роспись») И. Петлина и статейный список Ф.И. Байкова). – М., 1966. – С.113–145.

³ Акимова О.Б. Семантика неизвестности и средства ее выражения в русском языке. М., 1999. – С. 28–29.

⁴ Алёхина М.И. Определенность–неопределенность предмета как контекстуальная категория // Русский язык. в школе. – 1974. – №5. – С.81–85.

Казакова Н.Н., соискатель ТГУ **Науч. рук. Е.А. Юрина** ***Лексическая образность по данным*** ***психолингвистических экспериментов***

Внимание исследователей в последние годы направлено на живую разговорную речь, и в качестве источников разработок используются показания языкового сознания говорящих (см. работы Н.А. Лукьяновой, О.И. Блиновой, А.Н. Ростовской, Е.А. Юриной и др.). Показания языкового сознания могут быть использованы и при изучении лексической образности – актуального вопроса в современной лингвистике. Одной из признанных концепций лексической образности является теория, представленная в трудах О.И. Блиновой и Е.А. Юриной.

Новизна нашей работы состоит в привлечении психолингвистического эксперимента к исследованию образной лексики. Обращение к метаязыковому сознанию современных носителей языка позволяет объективировать представления о восприятии образно-

го слова в единстве его звучания и значения говорящими. Образность мы понимаем как «структурно-семантическое свойство слова, характеризующееся семантической двуплановостью и метафорическим способом её реализации¹. Это свойство и составляет суть образности как лексической категории. В качестве материала привлекались только собственно образные слова как наименее изученный разряд образной лексики.

Основным источником исследования выступают метатексты, полученные в результате психолингвистического эксперимента. В работе под метатекстом понимается «вербализованное суждение о языке как результат осознания языковой деятельности»². Сбор метатекстов осуществлялся приёмом анкетирования, которое проводилось в четыре этапа, на каждом из которых информанту предлагался определённый вид анкеты, содержащий вопрос, наталкивающий на метаязыковую рефлексию и 13–17 слов-стимулов. В эксперименте участвовало 110 человек (информантов) от 10 до 60 лет, из них 60 женщины и 50 мужчины. В ходе эксперимента было получено 1870 метатекстов на 48 слов. При отборе образных лексических единиц, предлагаемых информантам, предпочтение отдавалось наиболее употребляемым, значение которых, с точки зрения исследователя, является общеизвестным. Время каждого эксперимента ограничивалось 15–20 минутами для выявления первых реакций испытуемых.

Целью эксперимента было выявить осознание образного значения предложенных в анкетах слов, а основной задачей – создать такие условия эксперимента, чтобы максимально эксплицировать метаязыковое сознание информантов.

Под образным значением понимается «двуплановая содержательная структура языковой (лексической) единицы, в которой взаимодействием предметно-понятийного и ассоциативно-образного планов содержание передается стереотипное <...> конкретно-чувственное представление о называемом явлении посредством метафорического воплощения признаков этого явления»³. Структура образного значения слова включает «денотатив (представление об объектах номинации), ассоциатив (эталонное представление об ассоциируемых понятиях) и символ (общие свойства, проявления свойств, впечатления от восприятия ассоциативных понятий)»⁴.

В первой анкете испытуемым предлагалось дать определение слову. Здесь использована методика косвенного эксперимента, потому что реакция испытуемого не направляется в заданном исследователем русле. Задачей этого эксперимента было получить метатекст-дефиницию, то есть значение слова, которое выявляло бы непосредственное его понимание, отраженное в сознании носителя языка. И если в таком метатексте эксплицируется мотивированность и метафоричность внутренней формы («морфо-семантической структуры, позволяющей объяснить связь звучания и значения

слова»⁵, то эту единицу можно считать образной в сознании информанта. Например, при ответе на вопрос: «**Как Вам кажется, что означают эти слова?**» были получены следующие реакции на слова: *молниеносный* – быстрый как молния (2); *быстрый*, как молния, обозначает все, то, что очень быстро передвигается; *лежебока* – тот, кто отлеживает свои бока (бестолку); *лентяй*, потому что любит полежать; *надувательство* – обман (4); *обман*, *профанация*, *фикция*, *жульничество*.

Во второй анкете, информантам предлагалось дать определение значения слова с мотивировкой номинации. Был дан пример ответа. Цель оставалась той же, что и на первом этапе, но теперь задача исследователя (возможно и испытуемого) облегчалась. В этом направленном эксперименте испытуемый намеренно ориентирован исследователем на раскрытие внутренней формы. Отвечая на вопрос анкеты: «**Как Вам кажется, что означают эти слова и что лежит в основе их значения? Например: ‘лапник’ – ветви ели или другого хвойного дерева, потому что похожи на мягкие лапы животных.**» Информанты дали следующие ответы: *лоботряс* – трясет лбом; *лодырь*, только и делает, что ходит и лбом трясет (2); *дармоед* – человек, который живет за чужой счет (потому что живет за даром) (2); человек, который не вносит свою лепту в общее хозяйство, то есть ест даром; *живущий за счет другого, ест даром, ничего не приносит взамен* (в семью, например).

В третьей анкете информанту предлагается определить образное ли это слово, с учетом того, что семантика образного слова основана на образе другого предмета. В процессе проведения эксперимента информантам в устной форме разъяснялось, что понимается под образностью. Трудность для информантов состояла в том, что нужно было выявить метафорическую внутреннюю форму слова. Информантам предлагался пример подобного толкования. На поставленный вопрос: «**Считаете ли Вы эти слова образными (значение которых основано на образе другого предмета). Например: ‘небоскреб’ – да, как бы скребет небо; ‘туман’ – нет**» в ходе эксперимента были получены особые типы метатекстов, отличающиеся от предыдущих: *двуличный* – не обр. (не образное), (2); *обр., два лика*; *обр., двуличный человек, страдающий раздвоением личности*; *укорениться* – закрепиться; *обр., прочно обосноваться, т.е. пустить корни*; *не обр.*

На четвертом этапе задача состояла в выявлении понимания и осознания мотивационных связей. В пояснении своего ответа испытуемые должны были раскрыть внутреннюю форму слова, что свидетельствовало бы о том, что образность осознается. На вопрос анкеты: «**Считаете ли Вы связанными данные понятия, обозначенные словами (да, нет и почему)?**» ответы информантов представляли собой следующее: *небоскреб и скрести* – да; да, общий

корень и значение; нет, 1 – высокий дом, 2 – действие; нет (2 отв.); глазунья и глаза – нет, 1 – яичница, 2 – часть тела; да, однокоренные; нет, это вид яичницы.

Разные виды вопросов анкет вызывали появление разных типов метатекстов. Для их классификации выделяются следующие основания: во-первых, по узуальной или окказиональной интерпретации значения носителями языка. В некоторых случаях мы можем наблюдать явление ремотивации, когда информант дает такое толкование значения слова, которое не совпадает с его словарной дефиницией. Например: *заваруха*, по словарю, *сложное запутанное дело*. Информанты определяют это слово как *начало какого-л. действия, начальный процесс; разговор между компаниями; шабаш; шумное веселье, иногда мероприятие с человеческими жертвами; интересное мероприятие. Ежевика*, по словарю, *родственное малине растение, колючий кустарник*. Информанты так определяют значение этого слова: *ягода, которая своим внешним видом похожа на внешний вид ежа; ягода(б); ягодный кустарник, на котором есть иголки, похожие на иголки ежа*. Второе основание классификации: по лексической и синтаксической структуре метатекста, в которой отражаются компоненты образного значения слова. Можно считать осознанным информантом образное значение слова в том случае, если в его метатексте эксплицитно или имплицитно представлены все компоненты структуры образного значения слова. Например: *маслята – просто грибы*. В данном случае отражается только денотатив образного значения, следовательно, этот метатекст не доказывает осознание образности слова информантом. *Ребачиться – баловаться как ребенок*. Метатекст отражает все три компонента значения образного слова: денотатив – баловаться, ассоциатив – вести себя как ребёнок, символ – непосредственность, веселье.

Анализ метатекстов показал, что на осознание или неосознание образного значения слова влияет, прежде всего, прозрачность или непрозрачность внутренней формы слова. В случае затемненной внутренней формы сегменты мотивационной формы не соединяются в единое понятие в сознании носителя языка, что приводит к полимотивированности и оформлению тенденции к лексической ремотивации, видоизменению семантики образных лексических единиц. Если же внутренняя форма прозрачна, то степень осознания гораздо выше. Например: *укорениться – пустить корни, обосноваться на каком-либо месте; твердолобый – упрямый, упорный человек; туповатый, недалёкий; драндулет – сломанный мотоцикл; развалюха; ручной сборки транспортное средство или старое; машина образца 20-х годов*.

Одним из заключительных этапов анализа результатов эксперимента является создание словаря образных слов на материале показаний языкового сознания носителей литературного языка. Сло-

варь создает систематическую фактическую базу для дальнейшего исследования лексической образности. В словарь включены слова, их толкования с опорой на показания языкового сознания говорящих, демонстрируется их морфо-семантическая структура, и приводятся примеры метатекстовых высказываний.

Примечания

¹Юрина Е.А. Образность как категория лексикологии: Дисс ... канд. филол. наук. – Томск, 1994 – С. 57.

²Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. – Томск, 2000. – С.55.

³Юрина Е.А. Образный строй языка. – Томск, 2005. – С 50.

⁴Юрина Е.А. Образность как категория лексикологии: Дисс ... канд. филол. наук. – Томск, 1994 – С. 96.

⁵Блинова О.И. Явление мотивации слов. Лексикологический аспект. – Томск, 1984. – С. 26.

Капелько Н.А., студ. ТГУ, 3 курс

Науч. рук. И.В. Тубалова

Телереклама как источник текстопорождения (психолингвистический аспект)

Интерес к изучению рекламы связан со спецификой этого жанра, цель которого – привлечение потребителей к товару или услуге. Реклама в последнее время стала занимать значительное место в картине мира современного человека.

Цель данной работы состоит в выявлении факторов рекламы, которые способствуют запоминанию и, как следствие, цитированию рекламных текстов. В дальнейшем планируется исследовать специфику рекламного текста в аспекте текстопорождения.

Объектом исследования на первом этапе является телереклама как наиболее запоминаемая и цитируемая (по результатам проведенного эксперимента). Именно этот вид рекламы имеет наибольшую выраженность в рассматриваемом аспекте.

В рамках проведенного исследования были выявлены принципы построения рекламного текста, экспериментально исследована степень запоминания этого текста носителями языка и степень его цитируемости, выявлены факторы, способствующие этому.

В эксперименте принимали участие 80 студентов филологического факультета ТГУ. Им предлагалось ответить на следующие вопросы: Какие рекламные тексты вы цитируете и в какой ситуации? Запоминаете ли музыку и картинку, которые были использованы в ролике?

Самыми распространенными ответами на первый вопрос были следующие тексты: *А ты налей и отойди! // Не тормози – сникерсни! // Не дай себе засохнуть! // Кто идет за «Клинским»? // Райское наслаждение. // Сделай паузу – скушай «Твикс». // Чистота – чисто*

«Тайд» // Ваша киска кутила бы «Вискас». // Это по-нашему. // Привет, подушка! – Привет, подружка! // Хочешь, я угадаю, как тебя зовут? // Ты же лопнешь, деточка! // Где были? – Пиво тили! // Мам, ты меня жевала?»

Все примеры – тексты из телерекламы. Среди различных типов рекламы телевизионная реклама обладает наибольшей запоминаемостью (в связи с одновременным аудиальным и визуальным воздействием). Имея агрессивный характер, она накрепко внедряет в сознание телезрителей идею, необходимую рекламодателю. В этой связи для рекламодателя важна запоминаемость текста (в аспекте текстопорождения – уровень прецедентности).

Многие из приведенных выше текстов в процессе функционирования приобрели статус некоторой текстовой модели, которая, с одной стороны, обеспечивает высокий уровень прецедентности рассматриваемых текстов, а с другой, – позволяет использовать рассматриваемую модель в целом ряде типовых ситуаций, «наполняя» ее различными конкретизаторами. Например, текст *«Кто идет за «Клинским»?»* порождает модель *«Кто идет за ...»*, при употреблении которой большинство информантов не помнят рекламного образа, но связывают этот текст с рекламой: *«Кто идет за хлебом?»*, *«Кто идет за почтой?»* и т. д.

Использование рекламного текста в нерекламном дискурсе обусловливается высоким уровнем его прецедентности, который обеспечивается рядом факторов.

Одним из них является специальный звуковой код, который способствует запоминанию фразы. В слогане *«Ваша КиСКа Кутила бы ВиСКас»* – звуки [в], [с], [к] – ведущие; содержательная структура высказывания реализуется, в том числе, и на звуко-символическом уровне (звуко-подражание «кис – кис»).

Важную роль играет ритмическая организация слогана и рифма. В тексте *«Не тормози – сникерсни!»* запоминанию способствует рифма и окказиональный глагол.

Особой запоминаемостью отличаются слоганы, построенные в форме диалога *«Привет, подружка! – «Привет, подушка!»*.

Зайствованные названия (без перевода) передают ощущение принадлежности к другому, лучшему миру *«Чистота – чисто «Тайд»»*.

Оппозиция «свой – чужой» также эффективна в создании уровня прецедентности рекламных текстов. Местоимения «наш», «твой», «мой» помогают почувствовать себя ближе к предмету, реалии, представленной в рекламе *«... – это по-нашему»*.

Перечислим традиционно называемые наиболее значимыми условия для создания эффективной телерекламы.

Во-первых, реклама должна начинаться чем-то значительным, сильно привлекающим внимание в первые пять секунд, которые являются решающими. Неудачная реклама та, которая начиналась с рассказа девушки о том, что она всегда мечтала стать стюардессой, и вот ее мечта сбылась... И лишь в конце рекламы мы узнаем, что все это «нагорожено» для того, чтобы сказать, что, когда пассажиры

обрызгивают ее блузку жирным соусом, она стирает ее только в стиральном порошке «Ариэль». Первые кадры и фразы этой рекламы специально созданы для того, чтобы заставить зрителя переключиться на другой канал. Проблема незнакомой девушки, мечтавшей о профессии стюардессы, мало кого волнует.

Во-вторых, дублирование текстом изображения – мало эффективное средство.

В-третьих, реклама не должна быть многословной. В 30-секундной рекламе должно уместиться не более 50-ти слов. Лучше всего использовать простые, легко запоминающиеся слова, передающие рекламную идею самым оптимальным способом.

Уровень цитируемости находится в сложных отношениях со степенью эффективности рекламы (т.е. с выполнением рекламой ее главной функции – популяризации товара). Вышеописанный эксперимент показал, что в большинстве случаев молодежь активно цитирует рекламу, связанную с употребляемым товаром. В «зеркальном отражении» реализуются заложенные автором рекламы установки. Хотя связь между эффективностью и цитируемостью рекламы нельзя назвать прямой (многословная реклама может быть эффективной, но не цитироваться, а неэффективная реклама может цитироваться). Кроме того, цитируемости в определенной аудитории (в данном случае – в молодежной) способствует связанность рекламных текстов с типичными образами молодежи (изображение динамичных молодых людей).

Итак, степень цитируемости рекламы определяется целым рядом факторов. Жанровое своеобразие рекламы и особое содержание рекламного текста определяют специфические условия ее функционирования, а именно, – многократная повторяемость, повсеместность распространения.

Кашпур В.В., аспирант ТГУ

Науч. рук. Ю.А. Эмер

Речевой жанр в политическом дискурсе: опыт описания когнитивной модели (на материале русского и английского языков)

Политический дискурс (ПД) – «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики»¹ – представляет собой особую, смоделированную систему, имеющую характер целенаправленного социального действия.

Сложность объекта исследования обуславливает множество подходов к изучению ПД в лингвистике: критический дискурс-анализ (Т. ван Дейк, Р. Водак, Н. Фэрклоуз), дескриптивный подход (А.Н. Баранов, П.Б. Паршин) и др. Когнитивный подход к изучению ПД позволяет по данным языка смоделировать ментальные струк-

туры знаний человека о мире, его политических взглядах, ценностях через анализ фреймов, концептуальных метафор, когнитивных моделей (см. работы А.Н. Баранова, Ю.Н. Караулова, А.П. Чудинова).

С нашей точки зрения, весьма успешным способом описания речевого жанра в ПД является описание жанрообусловленной специфики языковой реализации когнитивной модели коммуникативной ситуации ПД. Под речевым жанром мы понимаем языковое воплощение когнитивной модели одного из множества речевых событий и поступков человека в различных коммуникативных ситуациях, где когнитивная модель представляется нам как снятая с сознания человека типизированная картина по познанию фрагментов окружающей действительности.

Для описания когнитивной модели коммуникативной ситуации в жанрах ПД используем фрейм «общественно-политическая деятельность», так как политический дискурс есть действие в сфере политики (Ч. Филлмор, А.Н. Баранов, Е.Я. Бадеева).

В данной статье мы рассмотрим особенности языковой реализации когнитивной модели в жанре «обращение», в частности, русском и английском варианте «послания федеральному собранию Российской Федерации» (ПФС) / «State of the Union Address» (SUA). Нас интересует, универсальна ли когнитивная модель коммуникативной ситуации и ее языковая реализация в данном жанре в двух языках.

ПФС и SUA являются традиционными формами обязательного регулярного обращения президента страны к законодательному органу о положении дел в стране, что отражено в конституциях России и США.

Когнитивная модель коммуникативной ситуации, реализующаяся в жанре ПФС / SUA, представляет собой наиболее типизированное представление о ситуации обращения такого рода: президент страны (субъект действия) в начале года (время действия) в Кремле / Капитолии (МЕСТО действия) обращается (действие) с результатами работы по итогам года (ПРИЧИНА действия) к Федеральному собранию / Конгрессу (объект действия) для сообщения о положении дел и провозглашения программы на будущий год (цель действия). Важным составляющим слота ДЕЙСТВИЕ является СОДЕРЖАНИЕ действия (более подробное описание действия).

Когнитивная модель в сознании носителей обоих языков идентична. Одинаковы и формальная организация, и информационная насыщенность жанра. Вероятно, сам жанр ПФС новой демократической России (ср. СССР и выступления госсекретарей – церемония, формальность) был заимствован у США, послания президента страны к Конгрессу, чем и объясняется отмеченная нами высокая степень сходства. На примере посланий президентов США

1999 года и России 2000 года рассмотрим некоторые особенности языковой реализации когнитивной модели в данном жанре в двух языках.

1. Субъект действия (СД). В ПФС, говоря о своих действиях, мыслях, планах на будущее, Президент РФ, В.В. Путин, реже использует местоимение «я» и глагольные формы 1 лица единственного числа (*Я хочу поблагодарить всех граждан*), чем Президент США, чаще обходясь неопределенно-личными (*Задаются новые законодательные параметры*), безличными (*Надо признать...*), обобщенно-личными конструкциями с местоимением «мы» (*Мы привыкли смотреть на Россию как на систему органов власти...*). Президент США в большинстве таких случаев употребляет конструкции с местоимениями «я» и «мы» (*And I want to point out... We must fulfill our obligation...*).

Различия в способах выражения СД обусловлены лингвистическими и экстралингвистическими причинами. К лингвистическим относится специфическая организация английского языка, в котором для выражения заявленных ранее смыслов (говоря о своих действиях, мыслях, планах на будущее) неприемлемы и не употребляются безличные и неопределенно-личные конструкции. Под экстралингвистическими причинами мы понимаем общее положение дел в стране, что, безусловно, влияет на общую тональность послания. Так, в США 1998 год был успешным, о чем свидетельствуют статистические данные, приведенные в послании. Для России 1999 год был, напротив, сложным (закат «ельцинской» эпохи), что находит отражение в тексте, чем объясняется большое количество неличных форм выражения предпринятых главой государства действий – снятие с себя персональной ответственности за происшедшее / происходящее и за то, что еще будет происходить.

Одним из способов выражения СД также является декларирование «ценностей» СД и его народа. Данные ценности являются как общечеловеческими, так и национально обусловленными. Данный аспект представляет тему отдельного сообщения.

2. Объект действия (ОД). Экстралингвистические причины также влияют на наполнение данного слота. Президент США, заявив в начале послания как ОД спикера Конгресса, вице-президента, членов Конгресса, почетных гостей и всех американцев (*Mr. Speaker, Mr. Vice President, members of Congress, honored guests, my fellow Americans*), в процессе речи последовательно акцентирует внимание на всех персоналиях.

Заявление в качестве ОД граждан России (*Уважаемые граждане России!*) российским президентом остается формальностью, так как в тексте на них встречаются лишь косвенные ссылки (*все граждане России, наш народ, российские граждане* и т.п.). Основным ОД являются депутаты Госдумы и Совета Федерации. Это объясняется временем произнесения послания – 2000 год, когда Путин был только избран президентом, и основной его целью в послании было заявить себя главой государства в первую очередь перед законодательными органами страны, а уже во вторую – перед россиянами.

3. Место действия (МД). МД является не столько место произнесения речи, сколько страна в целом. В послании Президента США страна воспринимается как единое целое, противопоставляется остальному миру: *You know, no nation in history has had... the responsibility we now have...* – идея избранничества, превосходства, лидерства США над другими странами мира. В послании российского президента МД также является сама страна / Россия / наш дом / наша Родина, однако противопоставление идет не столько всему миру (*Возрастающий разрыв между передовыми государствами и Россией толкает нас в страны третьего мира*), сколько внутри страны: центр – регионы, Россия в целом – отдельные регионы (*В начале 90-х центр многое отдал на откуп регионам. Крайним примером нерешенных федеративных проблем является Чечня*). Различия вновь обусловлены разной экономической и политической ситуацией в странах.

Что касается остальных слотов, языковое выражение их не содержит особо заметных и значимых отличий, которые не объяснились бы вышеперечисленными причинами. Так, сходно восприятие времени действия – настоящее есть переходный момент от не очень удачного, успешного прошлого к процветанию в будущем. Одинаково и действие – отчет о проделанном и планах на будущее в сфере внутренней и внешней политики, экономики, социальной сфере.

Итак, анализ материала показал, что ПФС и SUA имеют одну когнитивную модель, так как американское SUA, скорее всего, послужило образцом для создания российского ПФС. Однако на языковом уровне когнитивная модель реализуется с некоторыми различиями, которые объясняются разницей в самой структуре языков, особенностями экономической и политической ситуации в двух странах, а также набором культурно-значимых концептов.

Примечания

¹ Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград, 2000. – С. 23.

Клочкова Т.С., студ. ТГУ, 2 курс

Науч. рук. О.В. Саржина

Семантика прилагательных в англоязычном молодежном сленге: особенности выражения оценочного значения

Одной из актуальных проблем лингвистики является изучение разных пластов разговорной лексики в силу их наибольшей подвижности и характерной социальной детерминированности. Большой интерес при изучении просторечий вызывает их оценочно-эмоциональный компонент.

Особое место в лингвистических исследованиях занимает лексика такого слоя разговорного языка, как сленг. Не существует единого мнения по поводу причин возникновения сленга и его границ с другими слоями просторечной лексики. Не сформулировано также и общее определение термина «сленг», а во всех существующих акцент делается на ярко выраженную оценочно-эмоциональную функцию данного явления. Мы придерживаемся английской лексикологической традиции, в которой «сленг» рассматривается в связи с различными социальными группами общества.

Данное исследование посвящено изучению молодежного сленга. Целью работы является выявление особенностей значения и выражения оценки в молодежном сленге английского языка. Объектом исследования послужили имена прилагательные в силу многообразия оценочной семантики данной части речи.

По данным анализа более 50-ти английских сленговых прилагательных можно представить 4 классификации данных единиц.

I. По сферам употребления (используя терминологию И.В. Арнольд¹) мы выделили:

1. **общий сленг** (*chill* – замечательный);

2. **частный сленг**

а) школьный (*doggy* – модный);

б) уличный (*tight* – очень близкий);

в) употребляемый в пределах школьного / университетского двора, общежития.

II. Выделяется 6 синонимических аттракций, т.е. скоплений синонимов, обозначающих в молодежном сленге одно понятие, в данном случае один признак.

1. **Находящийся в алкогольном опьянении**: *shredded* (школьный);

2. **Аккуратный / неаккуратный**: *doggy* (школьный) / *scanky* (общий);

3. **Актуальный (модный) / неактуальный**: *pimpish* (общий) / *joany* (общий);

4. **Энергичный / вялый**: *jazzed* / *beige* (общий);

5. **Превосходный**: *rocking* (школьный);

6. **Отвратительный (ужасный)**: *fugly* (школьный).

III. Эти же признаки классифицируются на частнооценочные и общеоценочные. Данная классификация опирается на исследования Е.М. Вольф², которая определяет оценку как универсальную категорию прагматического характера, что выражается в ее логическом представлении (через отношение субъекта к объекту). Под субъектом оценки мы понимаем социальную прослойку молодежи, а под объектом все то, к чему выражает отношение субъект. В общеоценочных прилагательных отношение субъекта к объекту осно-

вано на качествах объекта, в частнооценочных это же отношение обусловлено только субъективным отношением к объекту, без учета его объективных качеств.

1. Частнооценочные (находящийся в алкогольном опьянении; аккуратный / неаккуратный; актуальный (модный) / неактуальный; энергичный / вялый).

2. Общеоценочные (превосходный; отвратительный).

IV. Способы образования сленгизмов.

1. Конверсия. (Чаще этим способом прилагательные образуются от существительных).

gear – превосходный (от сущ. *gear* – приспособление, механизм).

2. Контаминация.

hutmongous – очень большой (стяжение прил. *huge* – большой и сущ. *mongrel* – убудок, с добавлением суффикса *-ous*).

3. Аффиксация.

а) суффиксация:

- образование с помощью традиционных суффиксов (*-ish*; *-ing*; *-y*; *-ed*) от глаголов (*primpish* – модный; *groovy* – устаревший, изношенный);

- образование с помощью нетрадиционных суффиксов от существительных *doggy* (от сущ. *dog* – собака);

б) префиксация: *comboozled* (от гл. *boozy* – пьянствовать с помощью приставки *com-*).

4. Семантические способы образования в зависимости от соотношения денотативного и коннотативного компонентов значений исходного слова, мы поделили на 2 большие группы.

а) Метафоризация, при которой образованный сленгизм частично или полностью утрачивает денотативный компонент значения исходного слова. Deskриптивный компонент оценки при этом погашается.

Перенос значения слова происходит на основе следующих признаков:

- вкус (*salty* – отвратительный (букв. соленый));
- музыка (*jazzed* – живой, проворный (от сущ. джаз));
- цвет (*beige* – вялый, скучный (букв. бежевый цвет));
- физическое состояние / внешний вид (*beat* – грязный, отвратительный (букв. усталый));
- интеллектуальные способности (*groovy* – отвратительный (букв. недалекого ума));
- черты характера / особенности поведения (*mickey-mouse* – простой, элементарный (соотношение с добродушным характером героя мультфильма));
- фактическое действие (*trammled* – пьяный (от гл. бить, колотить));

- соотношение устаревшего и нового значения (*joany(ie)* – неактуальный, устаревший (от собственного имени Жоан. Существуют два объяснения этого образования. Первое связано с отрицательном отношении к носителем имени, например, к Джону Митчелу, который в 1910-х гг. был президентом американского рабочего движения; а второе – с указанием на устаревшее распространенное американское имя)).

б) Способы, при которых в сленгизме сохраняется денотативное значение исходного слова (*bogus* – притворный (от сущ. *bogus* – машина для печатания фальшивых монет)).

В заключение можно сделать следующие выводы.

1. Основным средством выражения оценки и словообразования в молодежном сленге является метафоризация.

2. Самые распространенные признаки, которые обозначают американские и английские сленговые прилагательные всех сфер употребления: а) частнооценочный признак алкогольного опьянения; б) общеоценочные признаки со значением «превосходный» и «отвратительный».

Перспективой изучения данной темы может послужить сравнительное исследование английского и американского молодежного сленга, а также продолжение начатого изучения этимологии сленгизмов.

Примечания

¹ Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. Учебник для вузов. – М., 2002. – С. 153–165.

² Вольф Е.М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо» / «плохо». // Вопросы языкознания. – М., 1956. – № 6. – С. 98 – 106.

Костяшина Е.А., студ. ТГУ, 4 курс

Науч. рук. З.И. Резанова

Метафора игры в экономическом дискурсе (к вопросу о ключевой текстовой метафоре)

Новые глобальные процессы, происходящие в отечественной экономике, требуют смены уровня осмысления, в частности, это касается и поиска новых адаптированных форм передачи информации, что вызывает неизбежное пересечение смысловых пространств различных дискурсов. Анализ материала, представленного в журналах экономической тематики (ежемесячные издания «Деньги», «Томский бизнес-журнал», еженедельное издание «Коммерсантъ» – с января по апрель 2006 г.), позволяет предположить, что одной из доминантных форм современного экономического дискурса является публицистический макротекст, с такими присущими ему качествами, как неофициальность языка, декодируемость, рекреативность, образность и, наконец, особая текстовая

структура, выстраиваемая при участии ключевых культурных концептов. В качестве такого концепта, моделирующего смысловое пространство текста, может выступать представление об игре и ее фрагментах, структурирующих информацию об экономических реалиях через образные и оценочные смыслы.

Таким образом, исследование экономического дискурса как особого когнитивного пространства обуславливает обращение к игре как ключевой текстовой метафоре.

Экономический дискурс идеально отражает и усваивает идею игры со всеми ее особенностями. Возможно, это является следствием того, что игра как способ человеческого взаимодействия является отражением попытки человека адаптировать внешний мир внутренним представлениям об окружающей действительности. Человек наделяет воспринимаемый им мир теми же качествами, которые различает в игре, характеризует через такие проявления, как пространственная отнесенность, локальность, изолированность, ритуальность, правила.

Представления об игре в экономическом дискурсе могут быть структурированы через информацию, предоставляемую слотом «игровое пространство», который включает в себя такие метафорические наименования, как: *инвестиционное поле, налоговикам удалось занять белые клетки, новый закон не позволит класть под сукно* и др.

Представления о замкнутом игровом пространстве, обособленном от повседневного окружения, дают возможность участникам игры почувствовать ее сакральный смысл. Сакральное действие требует от них особого обряда посвящения, инициации, что проявляется в группе метафорических наименований, когнитивным источником для которых служат представления о тайном братстве, союзе, клятве (*инвестиционное братство, клан белых воротничков* и др.). Формально функция замкнутости ради священной цели и ради чистой игры одна и та же. Таким образом, ипподром, теннисный корт, площадка для гольфа, игры в «классики», шахматная доска (*судьба кредитов решилась на теннисном корте, европейская экономическая политика своеобразное поле для «игры в классики»*), функционально не отличаются от сакральных представлений о храме, магическом круге, посвящении.

Обращение к образам игры используется также для сокрытия намерений политического и экономического характера. В этом случае речь идет не о внешнем игровом элементе культуры, а о притворной игре. Следы игрового фактора можно найти во внутренней и внешней экономической политике, где все экономические игры построены по определенным правилам (*принять новые условия игры на фондовом рынке, ВВП чувствует себя законодателем мод в ситуации инфляции, новое законодательство кричит о запрете роста цен* и др.).

Широко распространенным способом категоризации в экономическом дискурсе является модель «ролевая игра». Ролевые игры дают человеку возможность погрузиться в иной, виртуальный мир с продуманным антуражем, правдоподобными элементами. Участнику игры остается лишь вообразить себя в ином мире и полностью войти в роль. Например, *заводу к лицу титул экономического магната, бюрократический аппарат перенаселен белыми воротничками, крестовый поход ФАС на строительный рынок* и т.д.

С ролевой организацией современного экономического пространства связаны наименования, представленные слотом «драматическое представление»: *на сцену выходят иностранные инвесторы, за плотным налоговым занавесом, золотовалютная комедия, задействованный в новой пантомиме, потребитель в роли подопытной обезьяны, одноактная сцена ипотечного закона*. Данная группа мотивирована представлениями о «сериальности» экономики, телевидении, кино, театре. Драма ставится на сцене, являясь отражением человеческой жизни, в частности такого ее проявления, как торговая, экономическая деятельность. Для драмы характерен элемент состязания, агона (маркетинговые, рекламные кампании, мерчандайзинг), что также является признаком игры. Как и всякая игра, происходящая в границах определенного пространства, представление ограничено рамками театра (экономическая, техникондренческая зона, бизнес-инкубатор).

Также одним из продуктивных способов категоризации в экономическом дискурсе является метафорическое моделирование через образ спортивных игр, что связано с представлением современного экономического пространства как непрерывного силового состязания (*полуфинальная встреча двух банкротов, закон об ипотеке – гол в собственные ворота, экономическое поглощение ресурсов Западом вышло на финишную прямую, стартовой площадкой для карьерного роста стал «Норильский никель», с новым законом развернулись экономические гонки*).

Достаточно распространены в экономическом дискурсе метафорические наименования, результативные значения которых связаны с представлениями об азартных играх: *спустить в инвестиционную рулетку, вести экономическую политику в тени «Веселого Роджера», «однорукий бандит», пожирющий процентные ставки, сорвать большой куш с налогоплательщиков* и т.д. Можно предположить, что обращение к азартным играм в современном пространстве связано с такими особенностями отечественной экономики, как риск, опасность, неуверенность.

Продуктивным способом категоризации в экономическом дискурсе является метафорическое моделирование через образ музыкальной игры, представление о которой значимо для метафоризации с точки зрения своей структуры, процесса развертывания музыкального произведения (*прелюдия к увеличению ставок по*

кредитам, нарастающий темп прироста ВВП), а также жанрового своеобразия (ипотечная симфония, хореография информационных технологий, траурные гимны пенсионной реформы) и представления об управлении (дирижировать российской экономикой и т.д.).

Таким образом, можно предположить, что игра является базовым культурным представлением экономической действительности, ключевой текстовой моделью, концептуализирующей его смысловое пространство через образы ролевой деятельности, ее активных участников, пассивных наблюдателей, а также условий игры, ее правил, иерархии и т.д. В течение игры участники переходят из одного круга понятий в другой, рассматривая экономические реалии с разных сторон. Исходя из этого, можно предположить, что использование игровых метафор в текстах экономической тематики обусловлено интенцией автора сформировать у читателей представлений о современном экономическом пространстве как о некой игровой реальности, где каждый участник имеет свободу самовыражения, но в то же время ограничен некими границами – условиями и правилами игры.

Можно предположить, что обращение к метафоре как базовой текстовой модели выводит экономический дискурс в публицистическую сферу, делая его более доступным для восприятия неподготовленной аудитории и обуславливая более успешное взаимодействие участников данного коммуникативного пространства.

Краснокутская А.В., аспирант ТГУ

Науч. рук. З.И. Резанова

Концептуальная метафора «чат – театр» в дискурсе чат-коммуникации (на материале русского и немецкого языков)

Каждый язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира или его языковую картину. Совокупность представлений о мире, заключенных в значении различных слов и выражений языка, складывается в некую картину мира – единую систему взглядов и установок, которая в определенной степени разделяется всеми говорящими на данном языке. Наиболее важные для этого языка идеи являются ключевыми для понимания той или иной картины мира. Свойственный языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен¹.

Любая этноязыковая картина мира, репрезентирующая жизненный мир социума, включает в себя набор метафор, которые принято называть базовыми, ключевыми или концептуальными². Базовые метафоры представляют собой когнитивные модели, содержащиеся в нашем сознании.

Этноязыковая картина мира не монолитна и варьируется в зависимости от форм дискурсивной реализации.

Дискурс рассматривается нами как «текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания»³. Такой текст часто концентрируется вокруг одного концепта, который создает общий контекст, т.е. общий мир⁴.

Одним из дискурсов, отражающих фрагмент картины мира молодых людей, является чат. Дискурсивное своеобразие чата заключается, на наш взгляд, в особом целеполагании. Цель общения в чате – общение, самовыражение.

Поскольку для молодежной коммуникации характерна установка на игру, творчество, мы полагаем, что среди базовых метафор, формирующих дискурс чат-коммуникации в анализируемых языках, особое место занимает метафора «чат – театр».

Задачей данного исследования является выявление этноязыковой специфики реализации базовой метафоры «театр» в русско- и немецкоязычном дискурсах чат-коммуникации.

В качестве материала исследования были выбраны высказывания участников коммуникации русскоязычного чата «Отель у Максима»⁵ и немецкоязычных «Lycos»⁶ и «Pur-Friends-Clubchat»⁷.

Базовая метафора «жизнь – театр» является моделирующей для общеевропейской культуры. Во всех национальных европейских культурах отражено вторжение театральной образности в лексический строй языков. В русском языке концепт «театр» отражен в таких словах и выражениях, как «игрок», «ломать комедию», «под занавес», «устроить сцену» и т.д. В немецком – «Komödie vorspielen» (разыграть комедию, притворяться), «eine Rolle spielen» (играть роль, прикидываться), «hoch vor Aktschluß» (под занавес, досл. в конце акта), «eine Szene machen» (устроить сцену) и т.д..

О.А. Свирепо, выделяя ряд ключевых метафор, отражающих портрет эпохи, т.е. содержащих в себе «некоторую образную формулу, позволяющую наиболее точно и в то же время в сжатой форме передать особый тип мировосприятия», отмечает, что «эпохальная» метафора «мир – театр» очень актуальна для времени постмодерна⁸. Современная культура представляет мир как театр, представление, иллюзию.

Концепт – это совокупность метафор, организованных на основе фреймового единства.

Фрейм (англ. frame – рамка) – это абстрактная когнитивная модель памяти человека, рамочная конструкция, содержащая представления о стереотипных ситуациях, и основанная на личном опыте. Фрейм (схема, сценарий) – некая типическая (прототипическая ситуация), которая может быть реализована в вариантах действи-

тельности. Когда зрительная система сталкивается с новой ситуацией, она сравнивает ее со структурами, хранящимися в памяти. При необходимости хранящийся в памяти фрейм приводится в соответствие с реальностью путем изменения или замены его деталей (слов)⁹. Т.о., развернутая концептуальная метафора обеспечивает связность и цельность текста.

В проанализированном материале реализован слот «театральное действие».

Обычно чат имеет «декорации», соответствующие его названию. Так, игра в чате «Отель у Максима» происходит в пространстве, разделенном на виртуальные помещения гостиницы: «Прихожая», «Холл», «Ресторан» и т.д. В немецкоязычном чате «Lycos», оформленном внешне как корабль, многочисленные виртуальные чат-пространства, разделенные по тематическим и другим признакам, названы «Decks» (палубы). Авторы чата с помощью фрейма, заданного в названии, режиссируют, задают вектор возможной импровизации. В первую очередь, это касается ролевых тактик, исходящих от никомасок. Как правило, модераторы чата носят «маски» с соответствующей тематикой. Кроме того, заданный фрейм поддерживают «искусственные» коммуниканты, программы, реагирующие на определенные реплики. Так, в чате «Отель у Максима» такая функция у Швейцара. В «Lycos» фрейм корабля поддерживается модераторами Seemann, Kapitän, Navi.

Театрализованная коммуникация в чате – это импровизированное представление комедии масок дель арте, где ники-маски определяют речевые стратегии актеров-чаттеров.

Ливень: Отец Браун: Как насчет исповеди? Вы сегодня свободны? АББАТ тут сегодня был – так он отказался...) / Отец Браун: Ливень: Сударыня! Да кто ж в воскресенье-то исповедует? Господь с вами!) Грешите на здоровье. А в понедельник за отпущением пожалуйста)) / Ливень: Отец Браун: Я прям растерялась, а сегодня воскр. разве?... / Ливень: Отец Браун: А Вы все всегда по канонам делаете?

Как видно из примера, в диалоге употребляются маркеры («исповедь», «отпущение грехов» «грешить»), подчеркивающие ролевые установки ника коммуниканта «Отец Браун». В рамках своей роли коммуникант-актер создает образ священника-весельчака.

В следующем примере из немецкоязычного «Pur-Friends-Clubchat» коммуникант по имени imi, обращаясь к коммуниканту dragon, напоминает в шуточной форме о поведении, которое должно соответствовать этому нику:

<imi>Drachen sollen fliegen *sing* (Драконы должны летать. *поет*).

Самым важным составляющим компонентом, поддерживающим ключевую метафору «чат – театр», является сама игра чаттеров. В представленном ниже полилоге чаттеры разыгрывают сце-

ну с упавшей люстрой в бальном зале. Помещение зала графически оформлено. Вверху изображена люстра, которая вдруг оказывается внизу. Коммуниканты включаются в игру:

Oimel316: koennt jemand den kronleuchter anhaengen? (Кто-нибудь может повесить люстру?).

Tiger.ls.back: Seemann der kronleuchter ist runtergefallen (Seemann, люстра упала).

Seemann: Warum ist er wieder runtergefallen, Tiger.ls.back? Was ein Durcheinander! Aber ich denke, ich werde mich erbarmen, dieses Problem zu lösen! (Почему люстра опять упала, Tiger.ls.back? Что за беспорядок! Но, я думаю, я снизойду до того, чтобы решить эту проблему).

Tiger.ls.back gibt dem Kronleuchter einen Klaps (Tiger.ls.back ударяет по люстре).

Anastasia.Dudaew : AAARRRRGH! ICH FAAAAALLE! (Aaaa! Я падаю!).

Seemann: O NEIN! Anastasia.Dudaew hat den Kronleuchter runtergeschmissen! (Seemann: о нет! Anastasia.Dudaew швырнула люстру вниз!).

Следующий пример из «Отеля у Максима» представляет сцену, в которой коммуниканты, договариваясь о том, что они пьют вино, также моделируют общее пространство.

RodGeR: Мартовская Киска: да у меня вся неделя была напряженная! а сейчас хоть немного попить вина и просто посидеть в хорошей компании / Мартовская Киска RodGeR: вы какое вино предпочитаете красное, белое, сухое, сладкое?) / RodGeR: Мартовская Киска: в принципе я больше люблю пиво, но от красного вина не отказывался никогда :-)) / Мартовская Киска RodGeR: а я когда как. сегодня уже было вино – значит мне пиво до вечера противопоказано – только вино, чтобы не мешать)) / RodGeR: Мартовская Киска: ну чтож будим пить вино :)) / RodGeR наливает вино Мартовской Киске / Мартовская Киска RodGeR: с наступающим))) (пьёт мелкими глотками вино).

В последних примерах чаттеры моделируют то, что Т. Зак назвал *Mitwelt* (общий мир). Пространство, по мнению Т. Зака, возникает лишь из текста. Так, чаттеры могут договориться о том, что они в лесу. Вновь появившийся коммуникант, не зная об этой договоренности, может разрушить действие¹⁰.

Чат-пьеса протекает во времени и пространстве. С другой стороны, театрализованное действие оформлено подобно письменному сценарию. Так, реплики игроков обозначаются ремарками.

sl@vka: Meriko: ах спасибо..... спасссиба!!! ”гаварит голосом Баскова”...

ЛёкИ: Hasselby™: я те всегда верю))) *с ехидной улыбочкой*.

Немецкоязычные исследователи называют ремарки, обозначающие действия или эмоциональное состояние коммуниканта, *Aktionswörter* (слова-действия) или **Phrasen*¹. В немецкоязычных чатах употребление таких ремарок часто носит упорядоченный и кодированный характер. Это клишированные аббревиатуры, например, **g** (*grinsen* – ухмыляться, ухмылка), **gg** (*noch mehr grinsen* – сильно ухмыляться), и заимствованное из англоязычной чат-коммуникации **lol** (*laughing out loud* – громко смеяться), употребляемое и в русскоязычных чатах, а также глаголы, употребленные в нетипичной для немецкого языка форме без окончания или в первом лице единственного числа.

<imi> ich fühl mich recht jung. Obwohl ich bald 20 werde *stöhn* (Я чувствую себя действительно молодым. Хотя мне скоро 20. *стонет*).

<imi> schon passiert muss mal eben suchen..... *such* Komm Hartmut Komm.... (Уже случилось. Поищу-ка я. *Ищет* Давай, Hartmut).

<mom> du bist anbetungswürdig.*lach* (Ты достоин преклонения. *смеется*).

В примерах как из русско-, так и немецкоязычных чатов ремарки фиксируют эмоциональное состояние, действия, жесты. В русскоязычном чат-пространстве подобные ремарки не носят клишированного характера (за исключением аббревиатуры «lol», часто употребляемой в транслитерированном написании).

Итак, для дискурса немецкоязычных и русскоязычных чатов одной из ключевых метафор является метафора «чат – театр». В обоих дискурсах базовая метафора реализуется в установке на игру-представление. Импровизированная пьеса разыгрывается на виртуальной сцене, оформленной авторами чата. Текст on-line-пьесы организован по общим правилам, и модели реализации концептуальной метафоры «чат – театр» строятся в анализируемых чат-дискурсах по единой схеме. Этноязыковое своеобразие дискурсов выражается в разной степени регламентированности при оформлении реплик: в то время, как в немецкоязычном чате ремарки практически всегда оформляются по определенному шаблону, в русскоязычном чате можно наблюдать более свободное оформление текста.

Примечания

¹ Апресян Ю.Д. Избранные труды. – М., 1995 – С.350.

² Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 385–415.

³ Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 136–137.

⁴ Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста // Методы анализа текста. – Вып.2: Тетради новых терминов. – М., 1982. – С.90.

⁵ <http://www.chat.cnt.ru>

⁶ www.lycos.chat.de

⁷ <http://www.pur-friends-club.de>

⁸ Свирепо О.А. Метафора как внерациональная форма кодирования культуры. http://www.symballon.ru/image/publicat/press/svpr01_0.htm

⁹ Минский М. Фреймы для представления знаний. – М., 1979.

¹⁰ Sack T. Theater und Internet. Überlegungen zu einem Konzept «Chattheater» www.dichtung-digital.de/Interscene/Sack

¹¹ Beier P. Junge Erwachsene im Netz: Kommunikation und Identitätsbildung in Chats und Online-Rollenspielen. <http://www.uni-bremen.de/~ipsnet/jein/bericht.doc>

Кречетникова Н.А., студ. ТюмГУ (Тюмень), 5 курс *Гендерный аспект в семантике символов «вода», «море», «река» в поэзии Ингеборг Бахман (на материале оригиналов и переводов)*

Термин «гендер» (*gender* – социальный пол) в отличие от собственно «пола» (*sex* – биологический пол) является понятием социологии, а не биологии. Гендер создается в отношении к социокультурной системе в обществе, которая определяет одни черты как женственные, а другие как маскулинные¹. При этом существует определённый набор характеристик, традиционно закреплённых за мужчиной и за женщиной.

Дискуссии о гендере восходят к феминистской эстетике, в рамках которой данный термин получил широкое распространение. Гендерный подход ориентирует читателя на смысловую дифференциацию явлений (в том числе лингвистических и литературных) по половому признаку. Начавшись с феминистской «критики языка», гендерные исследования в лингвистике на данном этапе представляют собой анализ речи мужчин и женщин в аспекте изучения особенностей мужского и женского мировосприятия.

Появление гендера в литературе, то есть выделение женской литературы как особого явления, немедленно породило неоднозначное к нему отношение: «от полного отрицания до безоговорочного признания этого культурного феномена»². Кроме того, некоторые исследователи считают гендер «лишь одним из многих социокультурных факторов, влияющих на литературное действие»³. В данной работе мы придерживаемся мнения, что гендер в литературе не всегда совпадает с биологическим полом. Другими словами, существует определённый тип письма, присущий женщине и отличный от мужского. Как бы ни стремилась женщина-писатель абстрагироваться от своей женской сущности, «ни одна женщина не может всерьёз отвергать принадлежность к своему полу»⁴.

Определяя понятие символа, исследователи приходят к выводу, что символ в искусстве не есть то же, что символ в науке, который можно свести к знаку. Символ в искусстве – это особая эстетическая категория. В широком смысле слова «символ есть образ, взятый в аспекте своей знаковости», и он «есть знак, наделенный всей органичностью неисчерпаемой многозначностью образа»⁵.

Семантика символа в художественном тексте определяется двойственной, знаково-образной его природой. Символическое значение слова как языкового знака непременно базируется на общепринятом восприятии символа и обусловлено традицией. В художественном тексте значение символа обогащается за счет присутствия творческой работы автора над общепринятым значением. Так, символ представляет собой соотношение субъективного и объективного в художественном мире автора.

В процессе полемики о гендере в литературном творчестве ученые, так или иначе, упоминают имена писательниц, по их мнению, много сделавших для появления голоса женщины в литературе. Одной из таких персон является австрийская писательница Ингеборг Бахман (1926 – 1973), из поэтических сборников которой («Отсроченное время» – *Die gestundete Zeit*, 1953 и «Призыв к Большой Медведице» – *Anrufung des Grossen Baeren*, 1956), частично переведённых на русский язык, и были извлечены символы, послужившие материалом для настоящей статьи.

Прежде чем начать писательскую деятельность, Бахман прошла через серьезное увлечение идеями М. Хайдеггера и Л. Витгенштейна. «Она... всегда верила, что каждый раз, когда слова произносятся, они участвуют в формировании некоей данности, реальности, мира. Слово отождествлялось ею с Творцом»⁶. Слово, очищенное от наслоений, «универсальный» язык становится главным объектом её творческих поисков.

Выбор именно водной символики неслучаен. Вода как один из древнейших символов с огромным набором значений и вне текстов может быть рассмотрена в гендерном аспекте. Традиционно (в мифах различных культур о сотворении мира) вода является символом женского порождающего начала: она выступает источником жизни⁷, праисточником всех грехов⁸. Символу воды приписывается амбивалентность: с одной стороны, она несёт оживление и плодородие, с другой же – избыток её представляет опасность. В христианской традиции вода – очищающая стихия. Весь этот набор значений символа воды и связанных с ним символов моря и реки сложен и неоднозначно функционирует в поэтических произведениях Бахман.

Прежде всего, следует отметить, что исследуемые символы не сосредоточены в стихотворениях определённой тематики. Они настолько широко представлены в творчестве Бахман, что важность данного элемента в художественной картине мира поэтессы не под-

вергается сомнению. Вода в текстах предстает как хранитель бессознательного, с одной стороны; с другой же – это средство очищения⁹:

...мяч, скользнув мимо детских рук,
падает в воду, на дно...
Окрестности Вены.
Пер. А. Исаевой

im Wasser
sinken die Bälle vorbei an der Kinderhand
bis auf den Grund...
Grosse Landschaft bei Wien
(... в воду
падают мячи из детских рук на самое дно...)

Вода обладает свойством отталкивать дурную энергию, и это ее мистическое качество нашло свое применение во времена инквизиции: девушку, подозреваемую в ведовстве, бросали в реку. «При такой проверке невинной является та, что утонула... , в то время как... ведьмы должны всплыть на поверхность воды, как пробки»¹⁰. В данном отрывке вода с готовностью принимает в себя мяч, что противоречит законам физики, но символизирует непорочность детства.

Итак, водные символы в стихотворениях Бахман – одно из средств создания сложной и противоречивой картины мира, в котором эта стихия занимает далеко не последнее место. Анализ данных символов в гендерном аспекте позволяет выявить связь между семантикой символов «вода», «море», «река» и гендером автора. В тех стихотворениях, где описываются взаимоотношения мужчины и женщины, данные символы раскрывают состояние, внутренний мир лирической героини, а значит – характеризуют женскую сущность. Можно сказать, что семантика символов в данных текстах зависит от гендера автора. При обращении к философским темам на семантику тех же символов уже в меньшей степени влияет гендер поэтессы: она как бы «забывает», скрывает свой пол как субъекта речи. Это связано, возможно, с желанием постичь объективную истину в данных вопросах, для чего важно абстрагироваться от себя самой как уникальной личности. Такое явление вполне допустимо, так как «биологический пол – лишь предпосылка женского письма (то есть, были и есть... женщины, саморепрезентирующиеся по мужскому типу, и были и есть мужчины, могущие выражать себя по типу женскому)»¹¹.

Примечания

¹ Рюткёнен М. Гендер и литература: проблема «женского письма» и «женского чтения» // Филологические науки. – 2000 – №3. – С. 8.

² Трофимова Е. Словарь гендерных исследований // Высшее образование в России – 2001. – №3. – С. 77.

³ Рюткёнен М. Гендер и литература: проблема «женского письма» и «женского чтения» // Филологические науки – 2000. – №3. – С. 14-15.

⁴ Бовуар С. Из книги «Второй пол» // Иностранная литература – 1993. – №3. – С. 152.

⁵ Купина Н. Слово в контексте художественной речи // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. – Свердловск, 1984. – С. 3-13.

⁶ Бовуар С. Из книги «Второй пол» // Иностранная литература – 1993. – №3. – С. 134.

⁷ Biedermann Hans. Lexicon der Symbole. Мюнхен: Droemer Knauer, 1989.

⁸ Herder. Lexicon Symbole. Freiburg, Basel, Wien, 1991.

⁹ Все цитаты из поэтических текстов далее приводятся по: Ingeborg Bachmann. Sämtliche Gedichte. Мюнхен: Piper, 2004; Ингеборг Бахман. Воистину. Стихи. М., Независимая газета, 2000; Ингеборг Бахман. // Иностранная литература. №3. 1974; а также с сайта www.ingeborg-bachmann.cc.

¹⁰ Biedermann Hans. Lexicon der Symbole. Мюнхен: Droemer Knauer, 1989. С. 472.

¹¹ Пушкарёва Н. Гендерная лингвистика и исторические науки // Этнографическое обозрение – 2001. – №2. – С. 33.

Крюкова Л.Б., ТГУ

Лингвистическое моделирование процессов восприятия в поэтическом тексте (на материале поэзии Н.Гумилева)¹

Огромное влияние на формирование языковой картины мира оказывает восприятие. Это не простая регистрация чувств и сенсорных раздражителей, это основной механизм, с помощью которого осуществляется взаимодействие человека и мира.

В предлагаемой работе рассматриваются способы языкового представления процессов восприятия в поэтических текстах Н. Гумилева. Индивидуально-авторские репрезентации позволяют говорить об особенностях лингвистического моделирования исследуемой ситуации в русском языке в целом.

При исследовании метафор в лексической структуре поэтических текстов Н. Гумилева², было выявлено, что основанием для них является ассоциация представлений, относящихся к различным сферам чувственного восприятия: а) зрительное основание: *Он оборвавшись упал / В зыбкие, бледные дали / Венецианских зеркал* (с. 139)³; б) слуховое основание: *От того и солнце дышит / А земля говорит, поет* (с. 153); в) обонятельное основание: *Они забыли о своей благоухающей легенде* (с. 135). Часто встречаются метафоры по комплексу оснований: а) зрительное и слуховое: *Тайные думы поэта / В сердце его прихотливом / Стали потоками света, / Стали шумящим приливом* (с. 95); б) обонятельное и вкусовое: *Ах, здесь слишком много бубнов гремящих, / Слишком много сладких, пахучих тел* (с. 218).

Анализ семантической структуры высказываний, репрезентирующих ситуацию восприятия в стихотворениях Н. Гумилева, проводится с опорой на понятие пропозиции. Структура пропозиции задается предикатом. Набор актантов и сирконстантов определяет семантикой предиката.

Базовыми глаголами зрительного восприятия (ЗВ) в современном русском литературном языке являются *видеть*, *смотреть*, *глядеть*. Они образуют оппозицию с точки зрения активности/пассивности восприятия. Базовый глагол *видеть* в значении «иметь зрение, обладать способностью зрения» и «воспринимать зрением» обозначает пассивное ненаправленное восприятие. К нему примыкают лексемы *видать*, *видно*, *виднеться*. Глагол *смотреть* – «устремлять, направлять взгляд куда-либо», «иметь глаза, направленными на кого-либо, что-либо, глядеть» – обозначает направленное активное восприятие⁴.

Ситуация зрительного восприятия в поэтических текстах Н.Гумилева структурируется базовыми глаголами ЗВ:

- *видеть* (*увидеть*, *завидеть*) – *И люди увидят бродягу / С бескровным, землистым лицом* (с. 264); *Я вижу, как южное солнце пылает* (с. 199);

- *смотреть* (*посмотреть*) – *И из этой беседки / Я смотрю на зорю* (с. 162), *Иногда ты смотрела на море* (с. 262);

- *глядеть* – *Я гляжу: ничто в нем не поблекло / И не сделалось чужим* (с. 160), *Глядит печальная жена / В молчанье строгом и безмолвном* (с. 21).

Два глагола ЗВ используются в одном контексте с целью актуализации процесса и результата восприятия: *Я смотрел в глаза ее большие, / И я видел милое лицо* (с. 228).

Регулярно пропозиция зрительного восприятия представлена глаголами мгновенного действия *взглянуть*, *заглянуть*, *глянуть*: *И крадучись, я подойду к окну, / На дымный луг взгляну и на луну* (с. 117), *И, взойдя на плиты алтаря, / Мы заглянем в узкое оконце* (с. 48), *И сдернула маску. / И глянула в очи* (с. 41). Как видно из приведенных примеров, глаголы мгновенного действия используются в высказываниях, в которых процесс восприятия представлен как равноправный по отношению к другому действию (состоянию, движению).

Автор использует глагол активного направленного восприятия *заметить* (обратить внимание, отметить в уме какие-либо признаки, запомнить): *Кого заметил тусклый взгляд* (с. 75), *Я заметил в нем тот же укор, / Тот же ужас измученной птицы* (с. 44).

При помощи глаголов *слепить*, *ослеплять* репрезентируется процесс воздействия на субъект восприятия: *Ослепляли соленые брызги волны* (с. 202); *Меня слепит твой взгляд упорный* (с. 70).

В соответствии с принципом метафорического осмысления ситуация ЗВ может быть представлена при помощи предикатов, которые в своем прямом значении представляют другую ситуацию. Тем самым происходит сопоставление разных ситуаций, моделирование одной по образу другой. Предикат может быть представлен:

- глаголами движения, перемещения в сочетании со словами *взор*, *взгляд*, *глаза*. Движение может быть направленным: а) по вертикальной плоскости вниз или вверх: *Устанет и к небу возводит свой взор* (с. 105); б) по горизонтальной плоскости: *И помню, что глаз я не мог отвести / От ее золотого пути* (с. 200).

- глаголами физического действия в сочетании со словами *взор*, *глаза*: *Надежды знак. Но, милый друг, / Я взора на него не кину* (с. 264), *Как она, когда поднимет / На тебя свой взор?* (с. 115), *Я так часто бросал испытующий взор* (с. 121). *Взор* подобен материальной сущности, конкретному предмету, его можно *бросить*, *поднять*.

Особо следует отметить глагол *вперить* (*вперять*), репрезентирующий интензивность зрительного восприятия. Этот глагол следует отнести к стилистически маркированным. В тексте он используется в сочетании с лексемами *глаза*, *взор*: *В меня вперил взор призывный / Могучей негой полный взор* (с. 13); *Глаза вперяются в окрестный мрак, / Ища давно знакомые виденья* (с. 169).

При исследовании высказываний со значением восприятия в стихотворениях поэтов «серебряного века» было выявлено, что именно в поэзии Н. Гумилева лексемы *глаза*, *взгляд*, *взор* занимают одно из ведущих мест. Они могут входить в состав предикативного компонента, репрезентировать объект и субъект восприятия.

Базовыми глаголами слухового восприятия (СВ) являются лексемы *слышать/слушать*. Они характеризуют процесс СВ с двух взаимодействующих сторон. Для глагола *слушать* характерна направленность на объект восприятия, а для *слышать* – на результат восприятия.

Функционируя в прямом значении, глаголы *слышать/слушать* обуславливают событийную интерпретацию объекта: *В каждом шуме слышал звоны лир* (с. 205), *Вот я слышу сдержанный клеток* (с. 147), *И кто-то слушает и ждет* (с. 110).

Названные глаголы регулярно используются в переносном значении: *Кто лежит в могиле, / Слышит дивный звон* (с. 86), *Я слышу, как воздух трепещет от гнева проклятья* (с. 10), *И слышу, как волны лепечут без силы / Слова рокового укора* (с. 86).

В высказываниях СВ, где отсутствует субъект восприятия (безличных структурах), используются лексемы *слышно*, *слышаться*. Такие конструкции ориентированы на объект восприятия. Субъект восприятия не имеет принципиального значения для выражения авторской мысли. Внимание читателя акцентируется на звучании: *Слышно веянье конца* (с. 81); *Слышен зов. Это голос Помпея* (с.

147); Слышен голос, гортанный и резкий (с. 56); *И будет твой услышан зов* (с. 21); *А в оазисе слышится ржанье коня*, / *И разносится вейные нарда* (с. 194); *Под маской мне слышался смех ее юный* (с. 41); *В тихом голосе слышались звоны струны* (с. 36); *И вдруг за ветвями / Послышался голос, как будто не птичий* (с. 223).

Глагол *внимать* используется как для репрезентации предикативного компонента, так и для обозначения добавочного действия: *Она прекрасна и тиха*, / *Не внемлет радостному пенью* (с. 23); *Кто дерзко хохочет, насмешливо свищет*, / *Внимая заветам седых мудрецов* (с. 101).

Метафорический способ представления процесса СВ имеет место в случаях, когда последний репрезентирован глаголом физического действия: *И ухо ловит каждый звук* (с. 69), *Как звуки райского напева*, / *Он ловит быстрые слова* (с. 143). Объект СВ уподобляется материальному предмету.

Среди анализируемых конструкций встретилось несколько высказываний, в которых субъект восприятия представлен нематериальным органом восприятия – слухом: *Слух их жасаят злыми звоном осы* (с. 228) (способность осы ужалить человека переносится на звук, который она издает, то есть мы имеем дело с метонимическим переносом); *И как слух мой помнит пенье* (с. 45) (*слух* представлен как субстанция интеллектуальной сферы, которая способна *помнить*).

Активное целенаправленное восприятие запаха (ВЗ) в стихотворениях Н. Гумилева обозначается глаголом *нюхать* и его производными: *Даже Будда начал шевелиться / И понюхать розу попросил* (с. 235). Глагол *чуть* в одном из значений является синонимом к глаголу *нюхать* и обозначает результат непроизвольного восприятия запаха: *Чуть запах их странный, родной и зловещий* (с. 199).

В качестве предиката, представляющего процесс и результат восприятия запаха, в поэтическом тексте используется глагол слухового восприятия *слышать/услышать*: *Дай услышать страшный запах*, / *Темный, пьяный, как любовь* (с. 56).

При предикате, выраженном глаголом *пахнуть* (со значением «издавать запах»), всегда находится квалификатор запаха (в большинстве случаев представленный существительным в творительном падеже): *Сыростью пахнет и гадам* (с. 77), *И пахнет звездами и морем / Твой плащ широкий, Женеваева* (с. 151).

Процесс восприятия запаха может быть представлен глаголами движения: *И несет запах сладкий / От готовящихся блюд* (с. 102), *От цветов струится благовонье* (с. 164). Быстрота и стремительность – характеристики движения запаха. В значении глагола *струиться* присутствует указание на способ (форму) распространения запаха (подобно струям).

Таким образом, процесс восприятия в поэтических текстах Н. Гумилева представлен соответствующими глаголами и глагольно-именными сочетаниями. Базовые глаголы восприятия, выявленные на материале русского литературного языка, занимают ведущее место среди предикативной лексики в высказываниях зрительного, слухового и обонятельного восприятия. Метафорическое значение формируется на основании использования «чужих» предикатов, за счет взаимодействия субъекта с несвойственным ему предикатом, а также за счет согласования предиката с несвойственным ему объектом восприятия.

Примечания

¹ Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента РФ (МК- 2621.2005.6).

² Леонова И.Б. Метафора в лексической структуре поэтических текстов Н. Гумилева // Актуальные проблемы русистики. Часть 2. – Томск, 2003. – С. 198.

³ Здесь и далее цит. по: Николай Гумилев. Избранное. – Красноярск, 1989. – 709 с.

⁴ Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. - Томск, 2000. - С. 38.

Малюгина О.А., студ. ТГУ, 3 курс Науч. рук. Л.П. Дронова *Историческое развитие ЛСГ «развлечение, игра»*

Понятие «развлечения» является актуальным в любом обществе, так как жизнь практически каждого человека состоит из чередования трудовой/учебной деятельности и противопоставленной ей деятельности, связанной с проведением свободного времени и отдыхом. Анализ лексических средств выражения этого понятия позволяет сделать выводы о специфике представления носителей русского языка о данной сфере бытия, ее репрезентации в русской этнокультуре.

При привлечении лексикографических источников в настоящем исследовании мы зачастую сталкиваемся с взаимоопределением, т.н. «порочным кругом» (Ломтев), когда одно слово толкуется через другое, без выделения особенностей значения. Например, *забава* – «развлечение, игра, потеха / несерьезное времяпрепровождение»; *потеха* – «забава, веселье, развлечение»; *игра* – «забава, развлечение» *Развлечение, веселье, забава, игра* имеют в толковых словарях СРЯ по два одинаковых значения: 1) развлечение, забава, потеха, веселье; сущ. от соответствующих глаголов; действие; 2) то, что веселит, развлекает, служит потехой.

У слова *развлечение* существует дополнительное значение «то, что заставляет забытья, рассеяться, отвлекать». Слово *игра*, для которого значение «забава, развлечение» является основным, имеет кроме него в СРЯ еще 15, в основном образованных по метонимическому принципу. Зачастую они представляют собой дискретизацию второго, общего для всей группы, предметного значения (например, «набор предметов для к-л игры», «вид спорта»). Слова *шутка* и *потеха* определяются через *забава*, *веселье*, *развлечение* и, следовательно, тоже имеют вышеуказанные два значения. *Шутка* имеет также значение «небольшая комическая пьеса». *Потеха* помимо основного значения используется в роли восклицания, в значении «замечательно, интересно, забавно».

Согласно словарям синонимов под ред. Гурьевой (2003 г.) и под ред. Александровой (1968) внутри ЛСГ доминантным является слово *развлечение*. Для понимания процесса установления родовидовых отношений внутри ЛСГ, специфики тяготения ее участников либо к значению действия, либо к значению предмета и других формально-семантических особенностей, ставших причинами неоднозначного отражения значений членов группы в лексикографических источниках, следует обратиться к историческим и этимологическим аспектам.

Игра фиксируется в памятниках письменности со значением «забава» с ДРП (XI в.) и сохраняет его в СРЯ, развивая дополнительно новые значения, в основном предметные, образованные по метонимическому принципу. Имеет о.-с. происхождение и соответствия в ряде и.-е. языков, что свидетельствует об унаследованности этого слова из и.-е. праязыка.

Слово *веселье* так же функционирует с ДРП (первая фиксация – 986 г.) со значением «развлечение, увеселение». В старорусском периоде отмечено значение «свадьба», с XVII века до наших дней имеет значение «эмоции, настроение». Этимологически восходит к о.-с. семантической инновации – основе *vesel-. Имеет соответствия в балтийских языках, отличные по значению (лтш. *vesels* – «здоровый»).

Потеха имеет значение «забава, игры» с ДРП (1095 г.). На протяжении всего периода исторического развития слово имело частные значения. Например, в старорусском языке «дар», в XIX веке «охота». Происходит от о.-с. *tech (абляют *tich-).

Забава в значении «развлечение» включается в рассматриваемую ЛСГ в XVII веке. Ранее обозначало замедление, приостановку. В старорусский период и XVIII в. – значение «дело, занятие, предприятие» Имеет соответствие с первичным значением в славянских языках. Например, польск. *zabawa* – «задержка». Значение «развлечение» предположительно представляет собой старорусскую семантическую инновацию. По происхождению – общеславянское слово.

Шутка – во многих значениях акцентируется речевая природа явления развлечения. Имеет также значение «небольшая комическая пьеса». Производящий глагол отмечен в текстах с XVII в. О.с., имеет соответствия в балтийских языках. Например, лит. *sisusti* – «бесноваться, шутить, проказничать, играть». Т.е. слово является балто-славянской изоглоссой.

Развлечение вовлекается в рассматриваемую группу в XVIII веке. Заимствованное в ДРЯ из ЦСЯ первоначально означало «разволакивание, растаскивание в разные стороны». В XVIII веке оно усложняет свою семантическую структуру за счет калькирования из французского языка (фр. *devertisment* – «увеселение»). В СРЯ имеет также значение «то, что заставляет забыть, отвлекает».

Таким образом, мы наблюдаем, что все основные поворотные моменты в судьбе членов данной ЛСГ происходят в XVII веке, в переломную для всех сфер жизни России эпоху Петра I. Естественно, принципиальные изменения охватывают и предметную область досуга, и осмысление понятия «развлечение». Этот процесс закономерно находит отражение в языке. Появляется новая лексика с данным значением, или происходит переосмысление уже существующих в языке слов. Так, слово *забава* приобретает новое значение, постепенно перестает обозначать промедление (новое значение, вероятно, метонимично происходит из обозначения приостановки труда, активной деятельности, перерыва). В текстах отмечается глагол *шутить*, производящий для *шутки*. В это же время лексема *развлечение* получает современное значение (еще у Даля значение *развлечение* – «забава, потеха, игра» характеризуется как переносное). Завершение формирования понятия «развлечение», уже близкого к современному пониманию, требовало специального родового обозначения. Этим гиперонимом стало слово *развлечение* как обладающее наиболее широкой семантикой в ЛСГ. Слово *игра* долгое время обладало отрицательной коннотацией, связанной с его использованием для названия языческой обрядности (второе значение в ДРЯ – «ритуальные языческие песни и пляски»), негативно оцениваемой официальной, христианской культурой. К тому же со старорусского периода слово наращивало семантику предметности. Т.о. *игра*, являясь одним из первых по времени вхождения в данную группу, не смогло взять на себя функцию гиперонима. *Шутка* также обладало негативной оценкой (XIX век – «насмешка»; «злая проказа»; «грабеж») и не стало доминантой ряда. Равно как и *веселье*, тяготеющее к семантике действия и эмоционального состояния. Равно как и *забава*, не сразу потерявшее семантику замедления.

Анализ значений ЛСГ от древнерусского до СРЯ позволяет определить семантическую структуру членов группы в динамике. Компонентный анализ отражает различные аспекты понятия «развлечение» на протяжении всего исторического развития. Группу

интегрирует архисема «досуг как противопоставление труду». Это подтверждается данными «Тематического словаря русского языка», в котором слова *развлечение, игра, забава* включены в группу «отсутствие деятельности, отдых, сон» (слова *веселье* и *увеселять* относятся к группе «эмоциональные состояния и переживания»). Интегральными семами, общими для всех слов группы, являются «изменчивость», «зрелищность», «подвижность» (данная сема отражена на этимологическом уровне у слов *шутка, игра*), сема «несерьезное, ненастоящее дело». Дифференциальными семами являются: 1. «регламентация, наличие правил», характерная для *игры*; «действие с целью отвлечения от чего-либо», заложенная в значении слова *развлечение* и как потенциальная присутствующая у слов *забава* (диалектное *забавлять* – «заглушать, подавлять горе, развлечением, гульбой»), *потеха*; 2. «моделирование ситуации» (предполагает и обучение), сема, актуальная для слова *игра* и потенциальная для слова *потеха* (*потешные полки* – XVIII век); 3. «соревновательность» – характерная для значений *игры, потехи* (XIX век) – «ристанье»; «любовные, брачные, сексуальные отношения» (диал. *забавничек* – «любовник»; *веселье* – «свадьба»).

Практическое значение данного исследования заключается в возможном уточнении дефиниций при определении слов ЛСГ со значением «развлечение» в толковых словарях РЯ через историческое выстраивание семантической структуры членов ЛСГ.

Маслова Н.В., студ. ТГУ, 3 курс

Науч. рук. Л.П. Дронова

Языковая история понятия «забота»

В русском языковом сознании важное культурное понятие «забота» представлено рядом слов: *забота, попечение, опека, печаль, внимание* и др. Большая часть этих слов имеют прозрачную внутреннюю форму. Слова *попечение, опека, печаль* являются однокорневыми. Они восходят к о.-с. *ректъ. От этого корня в русском языке образован глагол *печь*. Этот глагол употребляется не только в своем основном значении «приготовление пищи», но и в переносном значении для передачи чувства жжения, сильного жара¹. Перечисленные слова являются производными от глагола *печь* в его переносном значении и выражают тем самым понятие «забота» как ощущение внутреннего жара. В отличие от этих слов, сосредоточенных, главным образом, на выражении внутреннего состояния человека, слово *внимание* передает исследуемое понятие через наиболее внешнее проявление беспокойства. Это слово – производное от глагола *внимать*, образованного от *чъп и *имати* «брать»². Слово *внимание* обозначает сосредоточенность мыслей или зрения, слуха на каком-либо объекте³.

Неясным остается формальное и семантическое членение (внутренняя форма) слова *забота*. В современном русском языке именно это слово является основным средством выражения данного понятия. А потому необходимо обратиться к историческому анализу этого слова.

Слово *забота* впервые было зафиксировано в письменных источниках в XVIII в. со значением 'попечение о ком-либо, связанное с беспокойством, хлопотами'. На протяжении XIX в. это слово продолжает употребляться в языке, сохраняя то же значение. В XX в. оно имеет следующие значения:

1. беспокойная мысль о чем-либо; сосредоточенность мыслей на исполнении чего-либо, на удовлетворение какой-либо потребности⁴;

2. внимание к потребностям кого-либо; попечение о ком-либо⁵;

3. *разг.* задача, неотложное дело⁶;

4. хлопоты (только во множественном числе)⁷. При этом Ушаков определяет слово *хлопоты* как суетливую и беспокойную работу, занятие.

Таким образом, слово *забота*, начиная активно употребляться в русском языке с XVIII в., сохраняет свое первоначальное значение в качестве основного и приобретает новые за счет специализации его семантики.

Но какова же внутренняя форма слова *забота*? На этот вопрос поможет ответить этимологический анализ.

По данным этимологических словарей обнаруживается, что слово *забота* образовано от глаголов *зобатися*, *зобитися* 'заботиться' при помощи суффикса *-ота*. Эти глаголы, в свою очередь, имеют о.-с. корень *zob. В древнерусском языке глаголы *зобати* и *зобити* употреблялись в значении 'есть, кормиться'. Впервые эти слова зафиксированы в письменных источниках в XII в.⁸. А уже с XVI – XVII вв. в текстах отмечено значение 'заботиться'⁹. Обращает на себя внимание изменение гласного в первом слоге. Предположительно это могло возникнуть по двум причинам, связанным с утратой внутренней формы слова:

1. *за* в сознании носителей русского языка воспринимается как приставка по аналогии со словами: *зависть*, *задача* и др.

2. слово «попало» под действие акающего произношения¹⁰.

Обратимся к генетическим связям слова *забота*. Внутренняя реконструкция через сравнение фактов литературного языка с диалектными подтверждает исходность значения 'есть, кормиться' для глаголов *зобатися*, *зобитися*. Инославянские соответствия также имеют сходный круг значений: укр. *зобати*, *дзюбати* 'клевать', пол. *zob* 'корм для птиц' и *zobaż* 'клевать', чеш. *zob* 'корм', н.-луж. *zob* 'клюв', болг. *zob* 'овес', словен. *zob* 'зерновой корм', ст.-слав. *зобати* 'есть' – продолжение праслав. *zobati 'клевать'¹¹.

Углубление реконструкции, выход на однокорневые слова других и.-е. языков обнаруживает устойчивость развития семантики однокорневых слов, начиная с и.-е. *g'ebh- 'есть', 'рот'. От этого корня образованы следующие слова: лит. *hebeti* 'есть, клевать', др.-англ. *ссаfl* 'щека', ирланд. *gop* 'рот', авест. *zafar* 'рот'. В числе однокорневых образований можно отметить и слова, образованные путем метафорического переноса, в балтийский языках: лит. *hibikas* 'мешочек', латыш. *zebenieks* 'мешок с овсом для коня'¹².

В русских народных говорах круг слов, образованных от о.-с. *zob- (zqb-) очень широк. Здесь можно выделить четыре семантические группы:

1. Слова, обозначающие еду, прием пищи и т.д. Например, *зобь* 'пища, еда', *зобед* 'корм для скота', *зобаться*, *зобить*, *зобти* 'есть' и др.

2. Слова, обозначающие птичий зоб, и слова, образованные от этого значения в результате метонимического переноса. Например, *зоб*, *зобчик* 'птичий зоб', *зобец* 'снегирь', *зобун*, *зобунья*, 'человек с зобом' и др.

3. Слова, используемые для обозначения корзины, лукошка, мешка. Например, *зобачка*, *зобелька*, *зобенка*, *зобница*, *зобинька*, *зобка* и др.

4. Слова со значением заботы, беспокойства. Например, *зобаться*, *зобиться*, *зоблиться*, *зоботься* 'заботиться, беспокоиться' и др.¹³

Таким образом, мы выяснили, что слово *забота* по происхождению связано с глаголами *зобатися*, *зобитися*, существительным *зоб* и, возможно, *зуб*. Внутренняя форма слова *забота* в таком случае определяется как 'желание кормить, беспокойство о прокорме'. Поскольку возникновение слова *забота* связано только с русским языком, возникает вопрос о том, в результате чего глагол, обозначающий процесс приема пищи, стал употребляться для обозначения отвлеченного понятия «забота». Слово *забота*, как было отмечено, стало употребляться для обозначения данного понятия только к XVIII в. До этого времени в русском языке понятие «забота» обозначалось, при помощи слова *печаль*. В период с XI по XVII вв. одним из значений этого слова было 'забота, попечение'¹⁴. С возникновением слова *забота печаль* перестает быть единственным актуальным осмыслением понятия «забота». Причины этого можно обнаружить в истории русского народа. Время, предшествовавшее XVIII в., – это время правления Ивана Грозного, опричнины, многочисленных восстаний и бунтов, польской интервенции и др. Вероятно, в тяжелых условиях этого времени главной заботой для человека из народа становится забота о том, чтобы не остаться голодным. В условиях демократизации литературного языка в XVI – XVII вв. слово *забота* пришло в литературный язык из народной, а не книжной речи.

Так глагол со значением 'есть' начинает употребляться в значении 'беспокоиться о прокорме'. Постепенно глаголы *зобати* и *зобити*, расширяя свою семантику, приобретают значение 'заботиться, беспокоиться'. Производное от них слово *забота* становится основным языковым средством выражения понятия «забота» и сохраняет эту функцию и в наше время.

Примечания

¹ Словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1983. Т. 3. – С. 119.

² Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – М., 1999. Т. 1. – С. 344.

³ Словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1999. Т. 1. – С. 189.

⁴ Там же, С. 495.

⁵ Там же.

⁶ Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 2000. Т. 1. – С. 890.

⁷ Там же.

⁸ Словарь русского языка XI-XVII вв. – М., 1979. Вып. 6. – С. 53 – 54.

⁹ Словарь русского языка XVIII в. – С.-П., 1995. – 219.

¹⁰ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – М., 1999. Т. 1. – С. 311.

¹¹ Этимологический словарь украинского языка. – Киев, 1985. Т. 2. – С. 272.

¹² Там же.

¹³ Словарь русских народных говоров. – Л., 1976. Вып. 11. – С. 322 – 325.

¹⁴ Словарь русского языка XI-XVII вв. – М., 1989. Вып. 15. – С. 32.

Мирошниченко А.А., студ. ТГУ, 2 курс **Науч. рук. О.В. Саржина** ***Способы лингвистического воздействия в*** ***англоязычной печатной рекламе***

Быстрое развитие рекламной индустрии в рамках мировой экономики обуславливает значительный интерес к исследованию данного способа воздействия на человека и общество в целом.

Однако в исследованиях не уделяется должного внимания способам лингвистического воздействия, которые, безусловно, играют важную роль в реализации поставленных перед рекламой целей и задач. Данное исследование выполнено в русле прагмалингвистического направления, которое изучает язык «в действии»¹.

В качестве объекта исследования выступают тексты англоязычной печатной рекламы из англоязычных журналов “Vogue”, “Rolling stone”. Предметом исследования являются способы лингвистического воздействия текстов англоязычной печатной рекламы.

Анализ материала показывает, что языковое воздействие в произведениях англоязычной печатной рекламы реализуется посредством следующих приемов.

I. Использование различных коммуникативных типов предложения.

1) Использование утвердительных высказываний (в 56 % изученного материала).

Прием реализуется путем выстраивания ряда тезисов, представленных в качестве фактов. При этом реципиент считает, что эти высказывания не требуют доказательств. Приведем в качестве примера рекламу шампуня Fructis: It's proven: the Garnier Fructis System makes hair up to 5x stronger and smoother (Проверено: система Garnier Fructis делает волосы более гладкими и до 5 раз сильнее).

2) Использование отрицания (в 14 % исследованного материала).

Как указывают многие специалисты, отрицание считается более «эмоциональным и экспрессивным, чем утверждение»². В рекламе постельного белья Brooklyn сказано: No sleep till Brooklyn (Никакого сна до Бруклина).

II. Манипулирование с информативным содержанием.

1) Использование «полуправды» или выборочный подбор информации.

Сущность приема заключается в преувеличении достоинств и замалчивании недостатков продукта рекламы. Средство против кожных инфекций представлено следующим образом: Treat any skin infection with just one pill? Just one pill is as effective as 7 days of a cream (Вылечить любую кожную инфекцию одной таблеткой? Всего лишь одна таблетка настолько же эффективна как 7 дней использования крема).

2) Использование псевдообъяснений (в 29% исследованного материала).

Потребитель хочет знать, почему и за счет чего рекламируемый товар обладает теми или иными свойствами, качествами, объявленными в рекламном тексте. И если реклама, в свою очередь, в той или иной форме дает потребителю ответ на вопросы, то потребитель рассматривает эту рекламу более достоверной и считает свой выбор более разумным. Из рекламы геля для мытья рук Matron: Kills MRSA, MSSA, E-Coli and many other harmful bacteria on your hands (Убивает бактерии MRSA, MSSA, E-Coli и другие виды бактерий на ваших руках).

3) Использование имплицитной информации.

Речь идет о таком способе передачи информации, при котором она в явном виде не выражается, но с необходимостью извлекается адресатом при интерпретации сообщения. Следующий пример рекламы персонального компьютера со встроенным модемом очень показателен: *Your connection is fast. But is it fast, and organized, and easy, and need we ask you about cool content?* (У Вас быстрое соединение. А является ли оно и быстрым, и организованным, и легким в общении, и стоит ли спрашивать, получаете ли Вы удовольствие?). Этот вопрос уже содержит оценочное суждение «Мы можем предложить Вам модем, который обладает лучшими показателями в быстродействии, обращении и настройке, чем тот модем, который есть у Вас».

III. Стилистические приемы.

1) Лексические стилистические приемы.

а) Метафора (в 68% исследованного материала). Пример из рекламы увлажняющей помады от Maybelline: *Shower your lips in diamonds* (Искупай свои губы в бриллиантах).

б) Гипербола (в 38% исследованного материала). Возможности телефона Samsung представлены следующим образом: *Today, you can have the world in your hands anytime, anywhere* (Сегодня, целый мир в ваших руках в любое время, в любом месте).

в) Сравнение (в 45% исследованного материала). В рекламе автомобиля Hyundai Nucson заголовком гласит: *Carries all sorts of odd things. Like your friends* (Предусматривает все случайности. Как и твои друзья).

г) Каламбур (в 8% исследованного материала). Из рекламы лака для ногтей Speed Shine от Revlon: *We want what we want when we want it. Even if we can't decide what that is* (Мы хотим то, что мы хотим, когда хотим этого. Даже если мы не можем решить, что это такое).

2) Синтаксические стилистические приемы.

а) Риторический вопрос (в 8% исследованного материала). Рассмотрим рекламу карандаша для глаз Parrot Green: *Want to try colored make-up without looking like you've had an accident in a paint factory?* (Хочешь попробовать макияж, не выглядя так будто с тобой только что случился несчастный случай на покрасочном заводе?).

б) Антитеза (в 11% исследованного материала). Разновидности одного сока – спиртосодержащего и чисто апельсинового – даны в противопоставлении: *Divine or devilish?* (Божественный или дьявольский?).

в) Градация (в 4% исследованного материала). Применение градации можно проиллюстрировать на следующем примере: *Your connection is fast. But is it fast, and organized, and easy, and need we ask you about cool content?* (У Вас быстрое соединение. А является

ли оно и быстрым, и организованным, и легким в общении, и стоит ли спрашивать, получаете ли Вы удовольствие?). Градация здесь усилена повтором союза and (и).

г) Цитация (в 2% исследованного материала). В рекламе часов Brequet цитируется А. Пушкин: A dandy on the boulevard (...) / Strolling at leasure / Untill its Brequet, ever vigilant, / reminds him it is midday (Онегин едет на бульвар / И там гуляет на просторе / Пока недремлющий брегет / Не прозвонит ему обед.).

Из выделенных способов воздействия чаще всего употребляется метод использования утвердительных высказываний – в 52% изученного материала. Далее следует прием использования псевдообъяснений, который был выявлен в 29% рекламных текстов.

Средства лексической экспрессивности в среднем используются в 28,5% текстов. Конкретность и образность ключевых слов стоит на четвертом месте и используется в 24% исследованного материала.

Стилистические средства используются в среднем в 22,9% текстов рекламы. Наиболее часто употребляется метафора – 58%, сравнение – 45%, гипербола – 38%. Реже всего рекламные тексты пользуются такими приемами как антитеза – 11%, каламбур – 8%, риторический вопрос – 8%, градация – 4%, цитация – 2%.

Примечания

¹ Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. – М., 2003. – С. 12–14.

² Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. – М., 2002. – С. 114–131.

Михеева А.В., студ. ТГУ, 3 курс
Науч. рук. О.И. Блинова

Психолингвистический эксперимент в форме компьютерного анкетирования

Психолингвистический эксперимент традиционно используется в рамках мотивологических исследований как основной приём сбора материала. Значение этого приёма обусловлено тем, что антропоцентризм – это один из основных принципов мотивологии, предполагающий ориентацию на обыденное языковое и метаязыковое сознание носителей языка. Органичность использования ПЛЭ при проведении мотивологического исследования неоднократно подчёркивалась такими лингвистами, как Ю.Н. Караулов, О.И. Блинова, А.Н. Ростова, И.В. Тубалова, А.Д. Адилова, А.С. Филатова и др.

Цель проведения психолингвистического эксперимента – получить суждения о языке в высказываниях его носителей. В процессе эксперимента осуществляется обращение к метаязыковому сознанию информантов, которое с помощью заданий направляется на

осмысление связи звучания и значения названий диких и домашних животных. Полученные в результате проведения эксперимента метатексты дают основание выделять в слове ту или иную внутреннюю форму, вычлняя мотивационную форму и мотивационное значение.

Использование такого материала при мотивологическом исследовании обусловлено самой сущностью мотивированности, понимаемой вслед за О.И. Блиновой как структурно-семантическое свойство слова, позволяющего *осознать* взаимообусловленность его значения и звучания на основе соотнесения с однокорневыми и/или одноструктурными лексическими единицами и с внеязыковой действительностью.

Работа посвящена подведению итогов пилотного психолингвистического эксперимента, проведённого на материале зоонимов русского языка. Эксперимент выявляет уровень осознания носителями русского языка мотивированности названий диких и домашних животных (взаимообусловленности их звучания и значения). В ходе эксперимента апробировалась новая форма его проведения – компьютерная анкета. Создание её было продиктовано тем, что при проведении психолингвистического эксперимента необходима представленность в сознании информантов тех реалий, наименования которых исследуются, так как только при этом условии информант адекватно определит мотивировочный признак лексической единицы. Ранее в подобных экспериментах использовались дополнительные технические средства: видео- и аудиозаписи птиц, демонстрация их изображений, но это затрудняло проведение эксперимента.

Разработанная автором компьютерная анкета должна была, во-первых, обеспечить представленность в сознании информантов тех животных, названия которых предлагались в заданиях анкеты; во-вторых, упростить пути распространения анкеты (электронная почта, установка в местах коллективной работы на ПК); в-третьих, обеспечить психологический комфорт при её заполнении.

Анкета ориентирована на выявление как лексической, так и структурной мотивированности слов. Соответственно, она делится на две части. В первой части предлагается ответить на вопрос «Почему животное так называется?», направленный в большей степени на установление лексического мотиватора зоонима. Перед информантом поочередно появляются 15 зоонимов, сопровождающихся изображениями соответствующих животных. Вторая часть анкеты предполагает работу с формантной частью зоонима и осознание его структурной мотивированности. Лексические единицы расположены в виде столбцов по 4 зоонима. В каждом столбце имеются 2-3 зоонима с одинаковой правой, формантной, частью, остальные – с иной. Информанту предлагается исключить одно или несколько «лишних» слов.

Анкета не предусматривает возможности вернуться к какому-либо вопросу; фиксируются первые показания МЯС. В конце анкеты выражается просьба к информанту оставить данные о себе: сведения о гендерной принадлежности, возрасте, роде деятельности и родном языке информанта. Условия заполнения анкеты и цель эксперимента объясняются в преамбуле:

Уважаемый информант!

Большое спасибо за Вашу отзывчивость и готовность принять участие в нашем эксперименте. Он проводится с целью выявления национальных особенностей отражения в русском языке окружающего нас мира.

Пожалуйста, при заполнении анкеты полагайтесь только на своё языковое чутьё. В случае затруднения щёлкайте на кнопку «не знаю» и переходите к следующему слову.

Помните, что ответить неверно в данной анкете **невозможно**.

Эксперимент был проведён на материале семидесяти зоонимов с привлечением шестидесяти двух информантов, которыми было оставлено около двухсот реакций. В результате анализа этих метатекстов выявлено, что носителями языка осознаётся лексическая мотивированность двенадцати зоонимов, проведённых через эксперимент (*норка* – ‘живёт в норке’, *землеройка* – ‘роет землю’, ‘роет норы’, *дикобраз* – ‘его образ – дик’, *рысь* – ‘рыскает по лесу’, ‘рычит’, *броненосец*, *ленивец*, *ехидна*, *муравьед*, *белуха*, *утконос*, *белка*, *вонючка*). Наблюдается проявление тенденции к мотивированности языкового знака в окаzionaliальных случаях мотивировки, например, в качестве ответов на вопрос «Почему животное так называется?» были получены следующие реакции: «*тушканчик* – за маленькую тушку», «*мангуст* – живет в густых манговых зарослях», «*мангуст* – маленький и шерсть густая», «*рысь* – бегаёт рысью», «*ехидна* – морда ехидная», «*кошка* – когти и шипит», «*горилла* – черная, как горевшая», «*росомаха* – она живет в России», «*буйвол* – буйный вол», «*мартышка*: любит мясца март», «*бегемот*: бегаёт как-то», «*бизон*: двойная зона защиты». Такие метатексты иллюстрируют тенденцию, но не позволяют сделать вывод о лексической мотивированности зоонима.

Выявление структурной мотивированности зоонимов с помощью компьютерной анкеты оказалось проблематичным, т. к. при заполнении второй части анкеты почти все информанты работали с семантикой лексических единиц. Они исключали слово/слова из ряда не в соответствии с формой зоонима, а на основании знания о внеязыковой действительности. Например, из ряда *гibbon* – *бизон* – *слон* – *лошадь* информант исключил зооним *слон*, а из ряда *кошка* – *норка* – *вонючка* – *динго* было исключено слово *кошка*.

В ходе проведения пилотного эксперимента вторая часть анкеты подверглась изменению. В зоонимах была визуально выделена фомантная часть с целью обратить внимание информанта на звуко-

вую оболочку слова и направить ход мысли в языковое русло, однако это не изменило реакций информантов: выполняя задание, они по-прежнему оперировали внеязыковыми фактами. Это позволяет сделать вывод о некорректности второй части апробированной анкеты.

Таким образом, в ходе пилотного эксперимента была выявлена релевантность первой части анкеты, ориентированной на поиск лексических мотиваторов зоонимов, и необходимость выбора иных приёмов исследования для определения структурных мотиваторов.

Мороз И.А., студ. ТГУ, 2 курс
Науч. рук. Н.А. Тихонова
Языковая реализация женского представления о счастье в русской и немецкой культурах

Во всех науках последних десятилетий в центре внимания стоит человек. Наука о языке также не осталась в стороне. Антропоориентированная лингвистика направлена на постижение специфики национального восприятия мира, определение значимости тех или иных фактов картины мира, зафиксированной в языке. Подобная постановка научных задач предполагает расширение предмета исследования и включение в него таких важных моментов бытия языка, как его участие в процессах человеческого сознания и мышления.

В этом плане одним из наиболее ярких и показательных ментальных феноменов, нашедших отражение в языке, является представление о счастье. О счастье писали всегда, все поколения людей во всех странах и культурах. Что такое счастье и что делает людей счастливыми или несчастными – извечный вопрос человечества, ответить на который пытались философы, ученые, писатели, художники, деятели культуры и религии, политики, публицисты. Вопрос о счастье находил отражение и в народном творчестве: в сказках, легендах, пословицах и поговорках, афоризмах и изречениях. В предлагаемой статье эта философская, этическая, психологическая категория рассматривается в рамках лингвокультурологического подхода.

Каждая языковая личность, независимо от принадлежности к национальной культуре, переживает одни и те же базовые эмоции, и это роднит людей разных культур. Однако интенсивность и проявление базовых эмоций у того или иного народа имеют свои особенности, что делает любого представителя определенного этноса уникальным. Эта уникальность, индивидуальность состоит не

только в особенностях переживания тех или иных эмоций, чувств, но и в различии представлений о них. К их числу относится и понятие счастья.

Концепт счастья в русской языковой картине мира является одним из ключевых. Традиционная для русского сознания моральность с ее многосторонними, многотрудными поисками абсолютного добра и духовного смысла во всем, что затрагивает основы бытия и человеческого существования в мире, в полной мере обнаруживают себя и в отношении счастья – несчастья. При этом можно выделить вслед за А.Д. Шмелевым¹ два круга употреблений слова «счастье»: 1) удача; 2) состояние, когда человеку так хорошо, что у него не остается неудовлетворенных желаний.

Первое значение принадлежит целиком сфере «бытового», оно не зависит от личных усилий и заслуг человека. Главная особенность второго значения заключается в том, что оно принадлежит воображаемому миру. Отнесенность к реальной ситуации возможна, но, в основном, когда речь идет о счастье в семейной и личной жизни, а также в особо эмфатической речи. Наиболее характерны в этом отношении высказывания о несостоявшемся счастье, мечты о будущем счастье, пожелания кому-либо счастья, общие рассуждения о том, что такое счастье или чего кому-то не хватает для полного счастья.

В отношении российских традиций и российского менталитета специфичной представляется присущая русским доброжелательная тональность при восприятии несчастья и тех, кто несчастен. В этом восприятии нет никакого унижающего или осуждающего контекста, каких-либо намеков на неполноценность или ущербность личности.

Представление немцев о счастье связано с понятием «путь хорошей жизни», которое уходит корнями в античную этику. В настоящее время это понятие ставится под сомнение, так как представления о счастье и о хорошей жизни предельно индивидуальны. Пытаясь формализовать понятие «счастье», немецкие философы в итоге пришли к необходимости понимания индивидуальных путей к счастью.

В немецком языке слово «Glück» (счастье) в основных своих значениях или благоприятный случай, или состояние благополучия. Понятие «быть счастливым» формально выражается двумя способами: «Glück haben» и «glücklich sein». Принципиальная разница между ними в том, что первый способ выражает определенную жизненную ситуацию, а второй – внутреннее ощущение человека. Но они объединены ключевым для понимания счастья в немецком менталитете понятием «Wohlergehen» (благополучие). Необходимые факторы человеческого счастья у немцев – относительная уве-

ренность, безопасность, относительное здоровье и свобода. Определение «относительный» очень важно, так как оно передает личностную, индивидуальную составляющую счастья.

На представление человека о счастье влияет целый ряд факторов: возраст, пол, национальная и религиозная принадлежность, географическая, социальная, духовная среда. Женское счастье – понятие особенное, отличное от формалистических теорий и философско-этических интерпретаций. Оно связано с психологией женщины и ее ролью в обществе и семье.

С древнейших времен женщина была хранительницей домашнего очага – источника пищи, тепла и жизни вообще. В патриархальном обществе женщина всегда находилась в тени своего мужчины. Но процесс эмансипации изменил акценты в общественной жизни многих стран. В России борьба женщин за свои права началась гораздо позже, чем в развитых западноевропейских странах. Этот фактор необходимо рассматривать как один из наиболее важных в изучении представлений о счастье русских и немецких женщин на материале женских журналов, которые отражают интересы, увлечения и жизненную позицию современных женщин.

Названия как немецких, так и русских журналов условно делятся на две группы:

1) в название вынесено какое-либо женское имя, например, «Лиза», «Marie Clair», «Allegra»;

2) названия типа «Glamour», «Cosmopolitan», «Shape», отражающие в себе интересы женщин.

Проанализировав рубрикации журналов, можно сделать вывод, что для немцев более интересными темами в порядке убывания являются работа и карьера, секс, красота и здоровье, спорт и отдых; для россиянок – личная жизнь, отношения мужчины и женщины, любовь, мода и красота, здоровье, спорт.

По наполняемости самыми объемными являются рубрики, посвященные карьере, красоте и здоровью, сексуальным взаимоотношениям в немецких журналах; личной жизни, моде и красоте – в русских. Сексу в русских журналах уделяется небольшая рубрика из 2-3 статей с названиями типа «Ночь нужна», «И невозможное возможно», «Нарушая запреты» и т.п. Немецкие статьи, посвященные сексу, гораздо больше по объему, с названиями: «Schon verliebt diesen Sommer?», «Erotische Phantasien», «Ein Mann packt aus!», «Sex Talk» и т.п. Сравнив эти заголовки, видно, что отношение немцев к сексу гораздо более легкомысленное; кроме того, тема любви и взаимоотношений, так или иначе, сводится к их физиологической составляющей. Отдыху немки уделяют больше внимания, о чем говорит наполняемость рубрики, посвященной отдыху и путешествиям. Карьера – одна из ведущих тем немецких журналов. Это говорит о том, что для немецких женщин определяющим моментом

в жизни является профессиональная состоятельность, возможность карьерного роста, а обязательными условиями этого является здоровье и внешний вид.

Для русских женщин важно, как на них смотрят мужчины, как оценивают их достижения в профессиональном отношении и в семейном плане. Несмотря на то, что волна эмансипации захлестнула российское общество, внимание русских женщин сохраняет направленность на мужскую половину общества. Напротив, внимание женщин Западной Европы, в том числе и Германии, сосредоточено на успехах своей личности. Отсюда и различные представления о счастье у русских и немецких женщин.

Само слово «счастье» и «Glück» в журналах встречается крайне редко. Сейчас это понятие заменяется множеством его составляющих: для русских женщин – семья, дом, здоровье, любовь, работа, карьера; для немок – карьера, работа, здоровье, красота (дом и семья остаются на второстепенных ролях).

Но что бы ни являлось приоритетом в жизни современных женщин, интегративная тенденция в мире и стремление к межкультурной коммуникации содействуют представителям разных культур и менталитетов в понимании друг друга.

Примечания

¹ Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М., 2002. – 496 с.

Нечаева А.В., студ. ТГУ, 2 курс **Науч. рук. Н.А. Тихонова** ***Оппозиция «добро – зло»*** ***в семантическом пространстве русской и*** ***немецкой волшебной сказки:*** ***опыт лингвокультурологического анализа***

Жизнь человека, и в частности его язык, основывается на культурных ценностях, сохраняемых и передаваемых из поколения в поколение. Любой этнос, в свою очередь, живет традициями не просто в физической среде, он живет в символической вселенной, и, значит, фольклор, рассмотренный в работе в ракурсе сказки, имеет для каждого народа собственное значение и смысл. Причем символы существуют не сами по себе, они – продукт сознания человека, создающего образ, картину, символ мира.

Символы добра и зла являются наиболее значимыми для человека, так как они пробуждают в нем позитивное или негативное отношение к миру. Здесь следует отметить, что добро и зло «существуют только в процессе взаимоотношения людей, отношений человека к другим людям, к тем или иным социальным группам, к

обществу в целом. Если представить себе невозможное, а именно человека, полностью изолированного на протяжении всей жизни от общества, то он не сможет быть ни добрым, ни злым!»¹. Именно поэтому добро и зло взяты в работе в совокупности, а вернее, в отношении противоположности. Материалом исследования избраны русская сказка Одоевского «Мороз Иванович» и аналогичная ей немецкая сказка братьев Grimm «Frau Holle» («Госпожа метелица»).

В рассмотренных сказках нельзя однозначно разделить героев на добрых и злых, так как образ падчерицы нельзя отнести ни к злым, ни к добрым. Корректнее деление на положительных и отрицательных, принимая во внимание, что трудолюбие, преданность, гостеприимство, щедрость и широта натуры могут рассматриваться как символы добра, а неорганизованность, погоня за деньгами, беспечность, легкомыслие и леность – как символы зла.

Доминантное положение в тексте обычно занимает ключевое слово, выносимое в заголовок, поэтому образ Мороза Ивановича в русской сказке и Frau Holle (Госпожи метелицы) в немецкой являются центральными. Первое, что обращает на себя внимание – различие главных героев по гендерному признаку: в русской сказке – мужчина, в немецкой – женщина. Возможно, это объясняется тем, что в русской традиции мужчина с древних времен считается защитником и покровителем, охраной и опорой не только для семьи, но и для Родины в целом. Женщина воспринимается как нежное существо, занимающееся воспитанием детей и присмотром за хозяйством. Немецкое же отношение к роли женщины в обществе представили Братья Grimm, отразив процесс эмансипации немецких женщин, первая волна которого прошла уже в начале XIX века, их стремление ощутить себя отдельным от мужчины «институтом» и проявить собственную мужественность и силу духа.

Показательно и само обращение к главным героям: «Мороз Иванович» и «Frau Holle». Если в России принято обращаться к старшему по возрасту по имени и отчеству, что является фактом уважительного отношения к человеку, то в Германии *Vatersname* (отчество) при обращении отсутствует, и на первый план выдвигаются более официальные формы обращения *Frau* и *Herr* и реже встречающиеся *Frdulein*, *Kamerad*, *Genosse*, *Genossin*.

В сказках показана социальная природа человека, поэтому к числу центральных персонажей относятся и образы Ленивицы и Рукодельницы, в которых отражается культурное представление народов о трудолюбии и лени. Заметим, действующие героини не носят женских имен, это собирательные персонажи, вбирающие в себя мнение всего этноса о труде и лени.

В сказке семантика труда вербализуется в образе Рукодельницы. Анализ лексикографических источников показал, что для обеих культур слово «рукоделие» означает одно и то же, причем главное значение – «работа, выполненная руками». Однако, если следовать

контексту сказок «Мороз Иванович» и «Frau Holle», то оказывается немаловажным тот факт, что нарицательное имя Рукодельница берется еще и в ином значении – в значении «работница». Надо полагать, подчеркивается тот факт, что положительная героиня обладает не только мастерством ручного труда, но она и трудолюбива, и прилежна, и ответственна.

В статье героини русской и немецкой сказок называются Рукодельницей и Ленивицей, но обратим внимание на следующий момент: если в русском варианте Одоевского используются именно эти обозначения, то братья Grimm опускают нарицательные имена *die Handarbeiterin* и *die Faulenzerin* и описывают своих героинь следующим образом: «*davon, war die eine schön und fleißig, die andere häßliche und faule*» (из них одна была прекрасная и прилежная, другая безобразная и ленивая). Из этого можно сделать вывод, что немецкая сказка создает не просто обобщенный образ, а показывает неправильное поведение на примере одного какого-то человека, хотя и подразумевается, что на месте этого какого-то, безмянно-го человека может оказаться каждый. В русском тексте автор пытается воплотить в образе одного героя целую группу людей с определенными качествами.

В разговоре о системе ценностей разных культур, обратимся не только к лексикографическим источникам, но и к национальным особенностям психологии и мировоззрению. Лениность и легкомыслие принадлежат к символам зла в обеих рассматриваемых культурах, и человек должен стремиться исправить эти недостатки посредством наказания и страдания. Вот почему как в русском, так и в немецком варианте сказки Ленивица наказана Морозом Ивановичем и Frau Holle соответственно. При этом следует сделать акцент на различии степени наказаний. Если в русском варианте «*что я заработала; не сестре чета, не горсточку пятачков да не маленький брильянтик, а целый слиток серебряный, вишь, какой тяжёлый, да и брильянт-то чуть не с кулак... Не успела она договорить, как серебряный слиток растаял и полился на пол; он был не что иное, как ртуть, которая застыла от сильного холода; в то же время начал таять и брильянт*», то в немецком «*Da kam die Faule heim, aber sie war ganz mit Pech bedeckt... Das Pech blieb aber fest an ihr hängen und wollte, solange sie lebte, nicht abgehen*» (Вернулась Ленивица вся в смоле... А смола на ней так на всю жизнь и осталась, и не смыть ее было до самой смерти). В немецкой сказке, а значит и культуре, наказание является более тяжелым, чем в русской, что обусловлено разным мировоззрением. Дело в том, что менталитет немецкого народа определяют такие его устойчивые характеристики, как прилежность, любовь к порядку, бережливость, даже лозунгом нации всегда был и остается «порядок». Все, что идет не в соответствии с порядком, является отклонением от норм, и, следовательно, должно жестоко наказываться. Для рус-

ского же человека добродушие первостепенно, а агрессия и месть отодвигаются на задний план. Именно русское всепрощение позволяет быть человеку снисходительным и не быть мстительным и злопамятным.

Различный генезис сказок предопределяет частные лингвистические особенности изложения. Немецкий текст совершенно точен, сжат и четок, русский переполнен метафорами, эпитетами, художественными приемами, что приводит к наибольшей образности, эмоциональности излагаемого текста. Таким образом, доброта и душевная мягкость русских людей находят отражение и в самом языке. В частности, слова с деминутивным значением встречаются довольно часто в русской сказке. Сравним: «*Едва спустилась, смотрит: перед ней печка, а в печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает, да приговаривает*» и «*Auf diese Wiese ging es fort und kam zu einem Backofen, der war voller Brot; das Brot aber rief*» (Она пошла по лугу дальше и пришла к печи, которая была полна хлеба, и хлеб кричал). Это объясняется тем, что немецкому культурному сознанию присущ рационализм, а русскому человеку свойственны мягкость и душевность.

Сказка представляет собой художественный текст и выполняет эстетическую функцию в системе традиционной фольклорной культуры. Это один из самых ярких и достоверных источников познания символов и образов, формируемых в сознании того или иного народа на протяжении веков.

Николаенко Г.П., студ. ТГУ, 5 курс

Науч. рук. Н.С. Жукова

***О некоторых особенностях вербализации
концепта «девушка» в молодежном
социолекте русского и немецкого языков***

Человек участвует в познании мира как осознанно, так и неосознанно. Осмысливая поступающую информацию, человек концептуализирует ее, то есть выделяет минимальные единицы опыта в их идеальном представлении. Познание об окружающем мире откладывается в сознании в виде концептов. В лингвистической литературе представлено большое разнообразие определений концепта. Автор статьи вслед за Е.С. Кубряковой понимает концепт как оперативную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. «Самые важные концепты выражены в языке. Любой концепт – это прежде всего ментальная (мыслительная) сущность, некий чувственный образ»¹. Концепт как элемент сознания автономен от

языка, так как мышление человека может быть невербально, но язык необходим для объективации концептов. Языковое значение всегда уже концепта, т.к. репрезентирует какой-то его признак².

В данной статье рассматриваются особенности вербализации концепта «девушка» в молодежном социолекте немецкого и русского языков. Для вычленения признаков данного концепта был использован традиционный словарный метод, основанный на анализе словарной дефиниции лексем, составлении картотеки примеров с этими лексемами и выявлении круга их лексической сочетаемости с другими словами. В результате было установлено несколько групп лексических единиц, вербализующих общие признаки концепта «девушка».

Например, в словаре русского жаргона зафиксирована лексическая единица *чува* со значением «девушка легкого поведения». Ср.: *Если чува садится в тачку добровольно, она, как пионер, – всегда готова*³.

Как следует из приведенной дефиниции лексемы *чува* и примера на ее лексическую сочетаемость, данная лексическая единица репрезентирует концептуальный признак «девушка легкого поведения». Аналогичный признак объективируют лексемы *вешалка, молчалка, ватрушка*.

В молодежном социолекте немецкого языка представлены лексемы *Schlampe, Flittchen*, также имеющие аналогичную семантику и, соответственно, актуализирующие аналогичный концептуальный признак. Ср.: *Halt die Klappe, du, Flittchen!*⁴

Следующую группу составляют лексемы с семантикой «привлекательность»/«непривлекательность», а также указывающие на особенности роста, веса и т.д. В русском молодежном социолекте лексема *зажигалка* имеет значение «привлекательная девушка», *медуза* – «непривлекательная девушка», *мотыга* – «высокая, долговязая, неловкая девушка», *велосипед* – «худая девушка». Ср.: *Симакова – велосипед, а ты с сайзами, но если ребра торчат – все равно «стиральная доска»*.

Перечисленные лексические единицы репрезентируют в русском молодежном социолекте концептуальный признак «внешние данные». Словарь немецкого молодежного жаргона показывает, что в немецком молодежном социолекте аналогичный концептуальный признак актуализируется в лексемах *Tonnentdubchen* – «полная девушка», *Puschi* – «девушка с большой грудью»⁵ и т.д. Ср.: *Danach sind wir in den Zappelbunker gegangen, wo dann jede Menge verluderte Puschi waren*⁶.

К третьей группе относятся лексические единицы русского молодежного социолекта *мумина* – «робкая, несообразительная девушка» и *шкица* – «бойкая, озорная девушка». Ср.: *И эта мумина стоит – не мычит, не телится*. Данные лексемы объективируют концептуальный признак «особенности характера», вербализован-

ный в немецком молодежном социолекте лексемой *Rotzschleuder* – «плаксивая девушка». Ср.: *Du heulst ja schon wieder, was bist du denn für eine Rotzschleuder?*⁷

Лексемы русского молодежного социолекта *маруся*, *шанель*, *клава* объективируют концептуальный признак «глупость». Ср.: *Вчера одну герлу подклеил. Редкий наивняк, прямо шанель номер нять.*

Аналогичный концептуальный признак в немецком молодежном социолекте репрезентируется лексемами *Tusse*, *Mantalette*. Ср.: *Die Tussi haben wir total abgefüllt und danach abgeschleppt*⁸.

Лексические единицы русского молодежного социолекта *опайка*, *клюшка*, *телка* актуализируют концептуальный признак «возраст». Ср.: *У тебя одни опайки перезрелые собираются, пойду лучше на булкотряс.* В словаре немецкого молодежного жаргона не зафиксированы лексемы, вербализующие данный концептуальный признак.

Лексема русского молодежного социолекта *мармеладка* объективирует концептуальный признак «возлюбленная». В немецком молодежном социолекте аналогичный признак репрезентирует лексическая единица *Schwarm*. Ср.: *Dein erstes Rendezvous mit deinem Schwarm. Wie bereitest du dich darauf vor?*

Проведенный сопоставительный анализ особенностей вербализации концепта «девушка» в немецком и русском молодежном социолектах показал, что его репрезентация в анализируемых языках имеет как сходства, так и различия. При объективации данного концепта в немецком и русском молодежных социолектах выявлены следующие общие когнитивные модели: «девушка – внешность», «девушка – сексуальные отношения», «девушка – глупость», «девушка – любовь», «девушка – характер». Лакунарной для носителей молодежного социолекта немецкого языка является когнитивная модель «девушка – возраст», вербализуемая в русском молодежном социолекте. Особенно продуктивными в молодежном социолекте как для русского, так и для немецкого этносов являются когнитивные модели «девушка – внешность» и «девушка – сексуальные отношения».

Примечания

¹ Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1996. – С. 56.

² Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова //Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С.26-27.

³ Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. – Санкт – Петербург: Норинт, 2000. – 717с. Все примеры русского жаргона по этому изданию.

⁴ *Lexicon der Jugendsprache.* – Режим доступа: <http://www.du.nw.schule.de/>

⁵ Wörterbuch der Jugendsprache. Deutsch – Englisch/Französisch/Spanisch – von Schülerinnen und Schülern aus ganz Deutschland. – Stuttgart, 2004. – 120 S.

⁶ PONS Wörterbuch der Jugendsprache 2005. – Режим доступа: <http://www.pons.de/>

⁷ Wörterbuch der Jugendsprache. Deutsch – Englisch/Französisch/Spanisch – von Schülerinnen und Schülern aus ganz Deutschland. – Stuttgart, 2004. – 120 S.

⁸ Немецкий сленг. – Режим доступа: <http://deutsch-best.by.ru/index>

Николаенко О.Н., студ. ТГУ, 2 курс **Науч. рук. С.А. Толстик** ***Историко-этимологический анализ*** ***заимствованного слова «косметика»***

История каждого языка неразрывно связана с историей общества, развитием его культуры, как материальной, так и духовной, поэтому каждое слово следует рассматривать прежде всего с точки зрения истории реалии. Косметика является неотъемлемой частью жизни современной женщины, мужчины, ребенка, всех. Этот так быстро сменяющийся мир уже не может обходиться без косметики как основного средства гигиены и украшения тела. А ведь трудно представить, что косметика появилась еще в далекой античности.

Этимологическим источником слова **косметика** является древнегреческое существительное **κοσμητική** f со значением «искусство украшения», корни которого, в свою очередь, восходят к древнегреческому глаголу **κοσμέω** «приводить в порядок»¹, «украшать», значение «искусство украшения» было известно еще во времена Гомера. Древнегреческое прилагательное **κοσμητικός** имело значение «придающий красивый вид», а в сочетании слов **κοσμητική τέχνη**, позже и просто **κοσμητική** означало «искусство украшения». Именно здесь и находятся истоки русского слова **косметика** и производных от него.

Что касается путей проникновения слова в русский язык, мнения ученых схожи. Исследователи (В.В. Виноградов, Н.М. Шанский, Н.В. Юшманов) полагают, что **косметика** было заимствовано непосредственно из французского языка; от франц. **cosmétique** в следующих значениях:

- средства ухода за лицом, за кожей лица и тела, применяемые с целью гигиены или для придания красоты;
- искусство приготовления и применения этих средств².

Это французское слово, известное с XVI века, восходит к др.-греч. **κοσμητική** «искусство украшения», проникает в русский язык еще в петровские времена в XVIII в., когда в соответствии с

европейской модой женщины употребляли белила и румяна, жирно сурьмили брови, пудрили волосы или парики, интенсивно использовали духи с резким запахом³.

Примерно в то же время в русском языке появляется слово **косметик** m (также от франц. *cosmétique*) в следующих значениях:

- притирание, косметическое средство. Напр.: «...в угождение прекрасному полу учился он свойствам **косметиков** (притираний) и изобрел многие роды румян и составов для крашения волос» (Ант.пут. II42);

- о человеке, употребляющем косметику в большом количестве (ироничн.). Напр.: «Но кто ж вам не велит, / Ударил как в набат, / Подслушав нашу рѣчь... / Ходячий косметик, / Простеган весь на ватѣ, / Мурашки не стряхнет / Без лайковой перчатки».

Таким образом, от одного слова *cosmétique* в русский язык проникает два слова со сходными значениями, как вариант заимствования. Уже в конце XVIII в. **косметик** выпало из употребления.

В XVIII в. слова **косметика** и **косметик** преимущественно были распространены в светских кругах, но в XIX в., когда из социальных верхов употребление косметики переходит в социальные низы, включая крестьянство, куда эти товары поступают в коробах офеней, слово **косметика** становится общеупотребительным и на протяжении всего века не меняет своего основного значения.

В XX в. развиваются новые значения слова **косметика**, основанные на принципе метафорического переноса, происходит процесс расширения основного значения. Так, в «Словаре новых слов русского языка 1950–1980 гг.»⁴ отмечаются новые значения слова **косметика**:

- косметический ремонт (переносно). Напр.: «...некоторые города и поселки еще имеют неприглядный вид. Можно увидеть явно нуждающиеся в косметике фасады, покосившиеся заборы...»;

- о том, что внешне придает чему-либо более привлекательный вид (переносно). Напр.: «речь идет о так называемой «пищевой косметике»... Торговцы стали подкрашивать этот скоропортящийся импортный продукт чем-то вроде жидкого крема, делающего клубнику очень привлекательной».

Итак, в семантической структуре заимствованного слова **косметика** происходили следующие изменения.

В XVIII в. слово имело значения «средства ухода за лицом, за кожей лица и тела, применяемые с целью гигиены или для придания красоты», «искусство приготовления и применения этих средств».

В XIX в. слово употребляется в том же значении.

В XX в. происходит расширение семантики слова от «косметического ремонта» до «придающего чему-либо более привлекательный вид».

Примечания

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – М., 1964. – Т. 2. – С. 104

² Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1972. – С. 181.

³ Беловинский Л.В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории. – М., 2003. – С. 363.

⁴ Словарь новых слов русского языка 1950–1980 гг. – СПб., 1995. – С. 314.

Новикова Ю.В., студ. ТГУ, 5 курс

Образ времени

в поэтических текстах А. Костюшкина:

ЛСГ «Короткий промежуток времени»

Настоящая работа выполнена в русле проблематики языковой картины мира (КМ). В данном случае субъектом восприятия мира является конкретная творческая языковая личность – Алексей Костюшкин, автор песенных поэтических текстов.

Так как путь к описанию любой КМ лежит через изучение ее фрагментов, в представленной статье исследуется фрагмент языковой картины мира – **образ времени**. Категория времени представляет для лингвистики особый интерес, поскольку она не только входит в ЯКМ, но и, наряду с пространством, является универсальной, исходной для формирования образа мира.

Предмет, на который направлено исследование, – образ времени, который находится в языковом сознании и репрезентируется в поэтических текстах. Объектом исследования являются поэтические тексты, созданные данной языковой личностью (ЯЛ). Единицей анализа выступает слово со значением времени, которое рассматривается на трех уровнях – лексическом, контекстуальном, дискурсивном.

Цель работы заключается в описании и анализе образа времени конкретной творческой языковой личности, выраженного языковыми формами.

Как показало предшествующее исследование материала, категория времени занимает значимое место в индивидуальной КМ. Единицы времени присутствуют в контекстах, содержащих основные мотивы творчества (например, трагической любви, расставания). Время для автора – это вовсе не недостижимая абстрактная категория. ЯЛ достаточно свободно обращается со временем, наполняет его различным содержанием, обнаруживает свои предпочтения. Выход на равноправную со временем позицию или даже на некую «надвременную» позицию – отличительная особенность автора текстов.

Кроме того, временные единицы используются не только для фиксации и измерения времени, но и получают специфические роли. Время может быть и предметом, и веществом, и живым существом, функции и свойства которого не ограничиваются традиционными.

Весь анализируемый материал представляет собой лексико-семантическое поле времени, в котором по лексико-семантическому критерию можно выделить значимые группы. Нами выделено 5 лексико-семантических групп (ЛСГ) единиц времени:

- ЛСГ «Время»;
- ЛСГ «Время суток»;
- ЛСГ «Время года»;
- ЛСГ «Короткий промежуток времени»;
- ЛСГ «Длительный промежуток времени».

В данной работе предметом рассмотрения является лексико-семантическая группа «Короткий промежуток времени», представленная следующими единицами: *миг, мгновение, момент, секунда, минута*. Каждая из них обозначает промежуток времени определенной длины. Протяженности данных единиц неодинаковы, но сами лексемы являются единицами одноуровневого порядка, поскольку в лексических значениях имеют общую сему – сему краткости.

Группа единиц кратковременности характеризуется несколькими разноаспектными **свойствами**:

- Способность временных единиц являться мерой времени. Посредством них человек измеряет протяженность временных периодов. В данном случае лексемы выступают в своем прямом, основном значении, например: *Они мерили жизнь не по часам и минутам.*

- Емкость, насыщенность временных единиц. Короткие отрезки времени оказываются способными вмещать намного больше событийные пласты, чем это возможно в объективной действительности: *Этот мир, что бывает таким огромным, Он порой даже пары секунд не вместит.*

- Большая значимость временных единиц. Единицы приобретают значимость для лирического героя, если они заполнены чем-либо важным – событиями, действиями и т.д. Важность короткого отрезка может подчеркиваться сопоставлением с объективно более значительными промежутками: *Твои дожди умирают рядом, их смерти миг целой жизни стоит.*

- Представление времени в виде самостоятельного героя, который способен выполнять собственные действия. Но в этих случаях время предстает не в качестве абстрактной сущности, которая может воздействовать на человека. Скорее наоборот, время снижает

ется до уровня человека, осуществляет действия, принадлежащие человеку: *Зажгутся свечи, открывая вечер, / И умрет мгновенье, превратившись в вечность.*

Все ЛСГ могут быть типологизированы по разным основаниям. Эти типологизации соотносимы друг с другом, они применимы и к данной ЛСГ. Нами осуществлены типологизации по следующим признакам: отрезок / точка во времени; время, заполненное эмоциями / событиями.

1. Поскольку все исследуемые единицы, входящие в данную группу, обозначают промежуток, для всей ЛСГ характерна трактовка как **отрезка времени**.

Временные единицы обозначают отрезки, в течение которых совершаются определенные действия. Это может быть:

- непосредственная констатация прохождения временного отрезка (*И птичий крик, и вздох пустых небес, / И звон об пол разбитого бокала / Секундой позже грянули окрест...*);

- небольшой отрезок, в течение которого длится недолгое действие (*Закрываются двери в вагоне метро, / Потому не поверю на пару минут*);

- короткий отрезок, за который очень быстро происходит какое-либо действие, хотя в действительности подобные события заняли бы гораздо больший временной промежуток. (*Я все позабуду, я миг протрезвею; И зал в момент опустеет, и свет на сцене погасит*). Этот короткий отрезок можно назвать насыщенным.

С другой стороны, единицы данной группы могут трактоваться не только как отрезки, но и как временные **точки**. Таких контекстов меньше, и они представляют особенный интерес, поскольку изначальное значение единицы, как мы уже сказали, – промежуток. Встречаются временные точки, представленные двумя номинациями времени – миг и момент.

Мы интерпретируем единицу как точку во времени, если в контексте показан некий результат, финальный момент времени, к которому действие получает свое завершение, либо, наоборот, точка, дающая старт, с которой все начинается, например: *Девочка давит крик в горле, в душе, в ночи. / Близок уже тот миг, когда не раскаяться.* Миг здесь представлен как финал, рубеж, после которого поздно будет совершать другие действия, в данном случае, раскаиваться. *Ты не вернешься сюда никогда, и, выбирая момент для разбега, / Ты крикнешь мне запоздалое «да» и позабудешь родимое небо.* Выбирается время, точка, подходящая для начала совершения, реализации задуманного события.

2. Проанализируем время с точки зрения его заполненности. Мы выделяем единицы, заполненные событиями объективной действительности (т.е. связанные с реальной сферой) и заполненные внутренними человеческими эмоциями (т.е. связанные с чувственной сферой).

Е.С. Яковлева выявляет следующую закономерность: единица кратковременности «минута» преимущественно относится к миру эмоций, а единица «момент» делает «акцент на событиях в описываемый отрезок времени»¹. Данный вывод в общем виде находит подтверждение и в нашем языковом материале.

В первую очередь единицы кратковременности в индивидуальном образе времени связываются с **событийными** фактами (которые довольно часто также имеют отношение к миру эмоций, но не непосредственное, а косвенное). В контекстах зафиксированы следующие события, выраженные предикатами: воскреснуть, победить, грянуть, опустеть, протрезветь и т.д.

Как было сказано выше, среди единиц, связанных с событиями, присутствует единица «момент» как удобное, подходящее время для совершения задуманного действия, например: *Я буду ждать тебя, буду искать тебя, буду ловить момент*. Непосредственного выражения чувств в контекстах с единицей момент не встречается.

Единицы кратковременности могут быть связаны с разными событиями – как с реальными, так и с абстрактными, метафорическими, являющимися плодом авторского воображения. Для текстов данной ЯЛ в целом характерно метафорическое осмысление категории времени, что отразилось и на данной ЛСГ, например: *Эта вечность секундами лупит в глаза*. Подобные контексты можно трактовать как стремительное течение времени, которое застаёт человека врасплох. В данном случае, мелкие отрезки времени – секунды, возникающие из бесконечного запаса времени – вечности, летят навстречу человеку, причем так быстро, что он не успевает закрыть глаза.

Единиц, обозначающих время, связанное с эмоциями, в данной ЛСГ меньше. Возвращаясь к выводу Е.С. Яковлевой, скажем о том, что основная единица в данном случае – «минута». Актуализирующие ее контексты отражают эмоциональные состояния людей (или абстрактных субъектов действия), среди которых «любовь», «доброта», «раскаяние», «вера», например: *В этой музыке жизнь была, вовсе не смерть, / Они и в эти минуты продолжали любить*.

Исследуя материал, мы пришли к следующим выводам. Единицы кратковременности, назначение которых – измерять время, в индивидуальном образе времени реализуют преимущественно другие свойства.

В дихотомии отрезок / точка преобладающее большинство принадлежит отрезкам, точек же во времени значительно меньше. Точка только констатирует временную единицу, не показывая при этом ее заполненность, отрезок же характеризуется заполненностью чем-либо. Можно сделать вывод, что автору интереснее не просто констатировать прохождение времени, а показывать, чем оно запол-

нено – его содержательную сторону. Время интересно не само по себе, а с точки зрения изменений, действий, происходящих в течение временного отрезка.

Временные отрезки, заполненные событиями, преобладают над отрезками, заполненными эмоциями. Это говорит о динамическом восприятии мира – даже короткие временные промежутки автор стремится заполнить действиями.

Среди единиц, заполненных эмоциями или событиями, наблюдается специализация. Главенствующую позицию среди единиц, заполненных событиями, занял момент. Он связан исключительно с миром событий и не встречается при передаче эмоциональных состояний. Такая же картина наблюдается среди единиц, заполненных эмоциями, в связи с единицей минута, которая также занимает приоритетное положение в своей группе.

Итак, в первую очередь автора интересуют не точки, а временные *отрезки*, среди которых выделяются отрезки, заполненные *событиями*. Несмотря на меньшее количество, единицы, заполненные *эмоциями*, также играют важную роль, поскольку и самим эмоциям автор уделяет большое внимание. Единица *момент* принадлежит миру событий, единица *минута* – эмоциональной сфере. Хотя ЛСГ «Короткий промежуток времени» не стоит в фокусе творчества автора, все единицы получают *субъективное наполнение*, как и все ЛСП времени.

Примечания

¹ Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира. Модели пространства, времени и восприятия. – М., 1994. – С. 110.

Носатова Т.С., студ. КемГУ, 3 курс ***Концептуальная структура имени «хлеб»*** ***в зеркале ассоциативного поля***

Познавательный опыт человека кодируется совокупностью знаков языка, понимаемого и как система, и как деятельность, поэтому важность установления соотношения языковых и ментальных категорий состоит в их взаимообратимом раскрытии: «именно знание языковых категорий позволяет выявить те ментальные структуры знаний, которые находятся в их основе. Целью данного исследования является представление концептуальной структуры многозначного слова «хлеб» на основании данных ассоциативного эксперимента, описание первого значения данного полисеманта как вероятностной структуры.

Лексическая полисемия, являясь фундаментальной языковой универсалией, реализует отражательную и обобщающую способность мышления и языка. Благодаря этой категории, на основе принципа когнитивной экономии, разрешается противоречие меж-

ду беспредельностью реального мира и конкретного опыта, бесконечностью человеческого познания, с одной стороны, и ограниченными возможностями языка, памяти – с другой. В последнее десятилетие активно разрабатывается теория полисемии, основанная на когнитивных принципах (Беляевская, Лещева, Ольшанский). И в свете такого подхода к полисемии неизбежно встает проблема структуры многозначного слова: как ее следует рассматривать? Как совокупность разных концептов или же, как представителя только одного концепта? Некоторые лингвисты, в частности Стернин, Беляевская, Ольшанский, полагают, что многозначное слово представляет собой реализацию одного концепта. «Статус полисеманта как единого целого обеспечивается тождеством его звуковой формы, а также единством смыслового содержания всех ЛСВ, в основе которого лежит единая когнитивная модель»¹.

Для своего исследования мы избрали концепцию М.В. Никитина, который определяет структуру многозначного слова как совокупность нескольких концептов, и в своем анализе основываемся на тезисе, что «многозначное слово представляет собой концептуальную структуру, которая в свою очередь является структурой различных концептов»². И одним из доводов в пользу такого понимания структуры многозначного слова является, по мнению М.В. Никитина, наличие метафорических переносов в структуре.

Далее переходим к представлению многозначного слова «хлеб» по данным САЭ. «Хлеб» манифестируется в среде ассоциативного поля четырьмя значениями. Наиболее представительным для носителей языка оказалось первое значение: «пищевой продукт, выпекаемый из муки». Об этом свидетельствует, во-первых, наибольшее количество слов-ассоциатов, относящихся к этому значению – 128 слов, во-вторых, именно этот ЛСВ характеризуется представлением слов-реакций всех частей речи, которые вошли в ассоциативное поле, то есть наиболее полно отражает грамматическую разнонаправленность ассоциатов. Следовательно, ЛСВ данного имени обладают разной степенью психологической значимости.

Структура данного полисеманта выглядит следующим образом: ее компоненты последовательно связаны, первым элементом является значение «зерно, которое перемалывается в муку», которое на основании метонимического переноса по семе «мука» связано со значением «пищевой продукт, выпекаемый из муки». Далее это значение также на основании метонимического переноса связывается со следующим «пища, пропитание» по семе «пища». Затем это значение «пища, пропитание» связывается с последним, четвертым, значением «средства к существованию, заработок», но уже на основании метафорического переноса, данное значение является результатом метафоризации по функции.

Как было сказано ранее, наиболее значимым для носителя языка является первый ЛСВ имени «хлеб»: «пищевой продукт, выпекаемый из муки», и теперь мы рассмотрим данный элемент концептуальной структуры. Указанный ЛСВ репрезентируется 128 ассоциатами, из

которых 75 – существительные, 39 – прилагательные и 14 – глаголы. Были определены основные проявления данного концепта в обыденном сознании личности:

1) хлеб – единственное условие существования человека (ассоциации: «незаменимая часть нашего рациона», «основа питания», «все», «первооснова», «ценность», «драгоценность»), и человек испытывает каждодневную в нем потребность («каждый день», «завтрак», «надо купить»);

2) хлеб – основной продукт питания именно в России, подчеркивается его национальная принадлежность (русский, Россия, родина);

3) хлеб непосредственно связан с обрядовой традицией (хлеб – соль, свадебный хлеб).

Также мы выявили ядерные признаки хлеба как пищевого продукта, «принимаемые за обязательные для всех сущностей данного класса и являющиеся интенционалом концепта, то есть ядром»³. Критерием выделения была избрана частотность признака.

1. Самым активным признаком для носителя языка является признак «мука, которая используется для выпечки» (161), сюда входят такие слова-реакции, как «ржаной», «пшеничный», «гречишный». Таким образом, в языковом сознании личности «хлеб» одновременно выступает «как выпеченный из пшеничной муки» и как «выпеченный из ржаной муки».

2. Также широко представлен в ассоциативном поле концепта признак «форма хлеба», в который входят реакции «буханка», «батон», «круглый», «калач». Наиболее «популярным» ассоциатом в данной семантической группе является «каравай» част. 35ц.

3. Следующий актуальный признак – признак «мягкий/немягкий» (71), входят реакции: «пушистый», «жесткий», «пышный». Наиболее частотным в этой группе является ассоциат «мягкий», имеющий частотность 6ббца, а его антоним «черствый» был употреблен участниками эксперимента 26 раз, то есть хлеб в первую очередь воспринимается как мягкий.

4. Следующая семантическая группа «вещества и жидкости, употребляемые вместе с хлебом», характеризующаяся высокой степенью значимости, репрезентируется в ассоциативном поле 84 реакциями. Входят следующие ассоциаты: «с солью» (10), «масло» (19), «молоко» (15). Самая высокая частотность у слова «соль» (33), что свидетельствует также и о наличии связи с обрядовой традицией подносить «хлеб – соль» гостям.

Таким образом, мы приходим к выводу, что данный концепт представляет собой вероятностную структуру. Ядерными для данного концепта являются признаки: форма; мука, используемая для выпечки, мягкость; свежесть; вкус. На основании данных признаков можно вывести наиболее обобщенное представление о хлебе среди носителей языка. Хлеб (в первом значении) – это мягкий све-

жий вкусный каравай, выпеченный из пшеничной или ржаной муки. Анализ данных ассоциативного эксперимента показал разную степень значимости ЛСВ данного слова, наиболее актуальным для носителей языка является первое значение «пищевой продукт, выпекаемый из муки». Данный полисемант представляет собой совокупность последовательно связанных метонимической и метафорической связью ЛСВ

Примечания

¹ Беляевская Е.Г. Проблема когнитивных исследований: принципы моделирования семантики языковых единиц // Когнитивная семантика. Материалы II Международной школы-семинара. – Ч. I. – Тамбов, 2000.

² Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – СПб., 1996.

³ Там же.

Образцова М.Н., студ. КемГУ, 4 курс

Науч. рук. Л.А. Араева

Реклама в зеркале когнитивной лингвистики

Реклама в современном мире занимает все более значимое место. Проникая во все сферы жизни человека, она отражает специфику его мышления. Основным компонентом любой рекламы является слово, именно языковой материал составляет ее ядро. В силу этого мы можем рассмотреть рекламу как своеобразную комплексную языковую единицу.

К концу XX века в лингвистике оформляется новый подход в изучении языка – когнитивный, при котором язык понимается как особый способ познания и категоризации мира. Слово устанавливает множество связей в языковом пространстве, оно может контактировать, пересекаться с другими словами, образуя определенное смысловое поле.

Комплексные языковые единицы представляются некой прототипичной ситуацией, неким определенным видением мира, неким «кусочком» бытия. Носитель языка фиксирует наиболее прототипичные ситуации (фреймы), и уже затем языковое мышление осуществляется в пространстве этих ситуаций. Категоризация мира посредством связей в языке осуществляется в пределах фрейма, который выступает как элемент или определенная единица категоризации. Фрейм – это одновременно и результат категоризации, результат первичный, не укладывающийся в четкую схему, наиболее абстрактный. Фреймы по своей природе прототипичны, они

постоянно направляют наше мышление, обеспечивая связное мировидение¹. Реклама также предстает своеобразной ситуацией, выделенным фрагментом действительности.

«Извечный» характер фреймов объясняется отчасти тем, что фрейм реализуется в пропозиции, в первичной и фундаментальной организации человеческой мысли. Для представления ситуации, как и для оформления высказывания, нам необходимы, как минимум, субъект, действие и объект. Пропозициональная организация мысли находит свое воплощение в языке. Так, любое производное слово, являя собой свернутое суждение, пропозиционально. Пропозиции реализуются и в комплексных единицах языка (например, в синтаксисе – предложении).

Пропозиция в переводе с латинского «propositia» – предложение, высказывание, суждение. В «Логическом словаре-справочнике» дается следующее определение пропозиции: «предложение, суждение, высказывание. Логическое высказывание, область, значение которого составляют истинностные знания»². Таким образом, пропозиция – некое высказывание, имманентно утверждающее истину, направленное на истинность.

Например, «Сократ – человек» или « $y=xI$ » – это тоже пропозиции. В пропозиции важен сам синтаксис, сама ее структура, это определенный «сценарий». Так, в математической пропозиции заданы определенные отношения между единицами, мы можем вместо переменной « x » подставить любые цифры и получим верное выражение. Категория истинности становится определяющей и для рекламы. Именно формирование восприятия рекламного утверждения как истинностного является идеальным для ее создателя.

С точки зрения логики, если рассуждение протекает по всем законам, пропозиция верна, направлена на истинность. Для выяснения истины важно само рассуждение. Рассуждение же состоит из посылов и выводов, если нет посыла – нет и вывода. Тот же механизм лежит в основе рекламной кампании: посыл – акцентирование тех или иных потребностей человека, и вывод – рекламируемые товар или услуга для удовлетворения указанных потребностей.

Ч.С. Пирс в работе «Начала прагматизма» отмечает, что никакая мысль не существует отдельно. Всякая мысль ценна лишь в своей связи с другими мыслями. Так, «вымысел представляет собой продукт воображения, свойства которого определены тем, что запечатлевает в нем мысль. То, в чем таковые свойства независимы от того, как мыслям их, есть внешняя реальность. В нашем сознании, однако, имеются феномены, зависящие от нашей мысли и вместе с тем обладающие реальностью в том отношении, что мы их реально мыслим»³ (внутренняя реальность).

Реальность – это определенный набор догм, суждений, которые не подлежат сомнению, это набор пропозиций. Ч.С. Пирс, подчеркивая, что для пропозиции важен критерий утверждения истины,

указывает на то, что «... «вероятно» не имеет значения, так как это только может быть. Утверждая же, мы высказываем пропозиции, которые в гораздо большей степени касаются особенностей нашего языка, нежели значений наших идей»⁴. Целью же рекламной кампании как раз и является воздействие на нашу внутреннюю, мыслимую реальность, привнесение в нее нового видения, формирование новой пропозиции, в итоге которой появится ощущение необходимости, потребности в предлагаемом товаре (в широком смысле этого слова).

Итак, язык человека – это, в первую очередь, воплощенная в форму система мыслительной деятельности, особый способ анализа и познания мира. Язык позволяет выразить как конкретную, так и абстрактную мысль, что обусловлено его символической функцией. Представляя собой семиотическое явление, язык провоцирует системное мышление, одновременно мыслительная деятельность способствует развитию языка. Языковые связи, являясь пропозициональными по своей сути, вскрывают причинно-следственную упорядоченность мира. Наше видение бытия происходит сквозь призму такого рода связей. Уже в период античности Аристотель отмечал, что связи мыслей человека отражают объективно существующие отношения в мире вещей в аспекте видения их человеком. Эксплицировать их как раз и представляется возможным через язык.

В любой человеческой деятельности, как мы уже отметили, есть место рекламе. Для успеха любого мероприятия важна его подача, его представление в сознании окружающих. В аспекте же когнитивной лингвистики язык – средство познания, категоризации мира посредством пропозиций и фреймов. На эти глубинные модели человеческого восприятия действительности и опираются рекламные проекты. В процессе познания, постижения реклама пыгается внести дополнительные сведения, дополнительную информацию об отдельных фрагментах бытия, чтобы сознание, таким образом, реагировало на рекламные бренды как на одну из установок в процессе познания, как на одну из моделей упорядочивания, систематизирования окружающего мира.

Реклама, номинация различных торговых объектов отражает сознание людей, основные присущие ему стереотипы, на которые и ориентируются предприниматели. Ментальность, мировидение отдельных объединений людей (по территориальному, социальному принципу) эксплицируется через подобного рода номинации. Предпринимателю необходимо заинтересовать, привлечь покупателей. Название провоцирует первое впечатление, реакцию, оценку, от которых, по существу, в большой степени и зависит успех торгового предприятия. Так, желание зайти в тот или иной магазин довольно часто объясняется необычным, заинтересовывающим названием объекта. Поэтому представляется значимым вскрыть механизм подобного рода номинаций.

Любой город, имеющий несколько районов, не однороден по своему населению. Каждый район представляет собой несколько замкнутое, целостное территориальное и социальное простран-

ство, обладающее своими специфическими чертами. Данное явление можно наблюдать как раз через названия торговых объектов, стремящихся, как уже было сказано, в наибольшей степени отразить психологические особенности, сознание, потребности своих покупателей и клиентов. Так, на примере г. Кемерово мы можем говорить о принципиально различной торговой ориентации центрального и периферийных районов.

Рекламный рисунок Центрального района наиболее соответствует западному, мировому стандарту. Магазины с мировым именем рассчитаны на состоятельных граждан, которые стремятся к доказанному и проверенному качеству, не придавая значения цене. Точнее, фактор низких цен становится не определяющим. Здесь и United Color of Benetton, и Chanel, и Mexx, и многие другие. Столь популярные торговые марки на подсознательном уровне уже внушают доверие. Это своего рода торговая и рекламная элита, которой не страшны конкуренты именно в силу ее мировой популярности и престижности. Вокруг известных торговых марок посредством рекламных брендов создается со временем своего рода миф, в истинности которого, а это есть основное свойство мифа как познания мира, не приходится сомневаться.

Характерны и уже устоявшиеся наименования с выраженным оценочным компонентом. Например, магазин «Элита», меняя свое содержание, сохраняет долгие годы данное название.

Появляющиеся торговые объекты, чтобы не отстать от столь популярных соседей, стараются вписаться в уже сформировавшийся прототип. Например, «Арбат-обувь» отсылает нас к центральному и довольно дорогому проспекту столицы. В этом отношении интересно изменение наименования одного из магазинов женской одежды на улице Васильева. Со своим первоначальным названием «Полынь» данный торговый объект просуществовал довольно не долго и превратился в «Броско». Проведя ассоциативный эксперимент (было опрошено 138 человек в возрасте от 18 до 56 лет), удалось выявить следующие соответствия: полынь – либо что-то горькое, неприятное; ненужное, неправильное, мешающее (сорняк), либо очень дорогое (некоторая дорогая элитная парфюмерия содержит в себе нотки аромата полыни). В свою очередь, название «Броско» не вызывает подобных противоречивых ассоциаций, обладая практически однозначным толкованием (то, что бросается в глаза, выделяет из толпы, отличает от всего остального, типичного).

Таким образом, все изменения, происходящие в человеческом сознании, воплощаются в языке. В настоящее время происходят взаимообуславливающие друг друга смена экономической формации и смена современной ментальности. Реклама, направленная на человеческое мировидение, мировосприятие, отражает происходящие процессы. В интересах предпринимателя создать такую номи-

нацию, так подать свой торговый, предлагаемый на рынке потребителем объект, чтобы заинтересовать, привлечь к себе покупателя товаров или услуг. Для рекламных брендов, слоганов характерно использование языковых и мыслительных стереотипов, того, что срабатывает максимально на уровне человеческого сознания и подсознания. Рекламное слово является ядром фрейма, определенной прототипичной ситуации. Задавая некий стимул, оно провоцирует и последующие ассоциативные связи, наталкивая, в итоге, человеческое мышление на определенные выводы, естественно, в пользу рекламируемого объекта. Именно когнитивная лингвистика позволяет рассматривать подобного рода образования как комплексные языковые единицы, в центре которых находится слово, а на периферии – невербальные компоненты.

Примечания

¹ Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. – М., 2004.

² Кондаков М.И. Логический словарь-справочник. – М., 1975. – С. 482–483.

³ Пирс Ч.С. Начала прагматизма. – М., 2000. – С. 148.

⁴ Там же. – С. 153.

Пак И.Я., аспирант ТГУ **Науч. рук. О.И. Блинова** ***Зоны пересечения образного семантического*** ***поля растение***

Более 100 лет назад была высказана мысль о возможности объединения слов в концептуальные (понятийные) поля (Ипсен, Й.Трир). Эта идея постепенно развивалась и во второй половине 20 века оформилась в виде теории семантических полей. Под семантическим полем понимают «совокупность слов, имеющих хотя бы одну общую сему и находящихся по отношению друг к другу в разнообразных связях»¹.

Образное поле является типом так называемых вторичных полей. Оно объединяет лексические единицы в непрямых, образных, значениях, обладает двоякой структурой (номинативное поле и собственно образное) и воплощает представления о предмете, признаке, действии.

Образное семантическое поле Растение включает 247 слов в прямом значении и 500 образных единиц. Все единицы поля имеют семантическую связь с образом растения, но у слов в прямом значении она выражена в ядерной части содержания, у образных единиц она находится на периферии.

Образное поле «дерево/растение» может быть представлено несколькими микрополями, среди которых:

1) **виды деревьев/растений:** *дуб* (о глупом человеке), *пальма первенства* (главенствующее положение), *бесплодная смоковница* (человек, деятельность которого не приносит никаких результатов), *с бору да с сосенки* (о случайном подборе людей), *обдирать как липку* (отнимать все), *куст* (групповое объединение людей) и т.д.;

2) **части дерева/растения и его составляющие:** *ветвь* (отрасль, линия железной дороги), *корень* (начало), *как банный лист пристал* (о назойливом человеке), *это только еще цветочки* (о чем-либо, что только начинает проявляться), *хуже горькой редьки* (в высшей степени) и т.д.;

3) **предметы из дерева:** *короб* (множество), *все на одну колодку* (одинаковые), *лапти* (невежественные люди), *не хватает одной клепки в голове* (о глупом человеке), *спичка* (о худом человеке) и др.;

4) **обработанная часть дерева:** *бревно* (о грубом, бесчувственном человеке), *кряж* (крепкий, коренастый человек) и др.;

5) **совокупность деревьев/растений:** *дебри* (трудно понятные слова), *лес* (о большом количестве чего-либо), *копна* (масса пышных, густых волос на голове человека) и др.;

6) **определения, указывающие на принадлежность к виду дерева/растения:** *деревянный* (неподвижный), *еловая голова* (глупый человек), *тернистый путь* (трудный) др.;

7) **характерные состояния дерева/растения:** *зреть* (постепенно появляться), *вянуть* (лишаться свежести), *отпочковаться* (выделиться из чего-либо целого);

8) **характерные свойства дерева/растения:** *зрелый* (достигший мастерства), *ветвистый* (со множеством переплетающихся линий), *сочный* (выразительный, яркий), *неотесанный* (некультурный), *скороспелый* (рано развившийся), *плодовитый* (много пишущий), *цветистый* (излишне украшенный, витиеватый) и др.;

9) **действия человека, связанные с деревом/растением:** *вбивать клин* (разобщать кого-либо), *наломать дров* (наделат глупостей, ошибок), *косить* (уничтожать, убивать), *сеять* (распространять), *вырывать с корнем* (причинить непоправимый вред в самой основе) и т.д.

Микрополя имеют большие зоны схождения с частями других образных полей, что не противоречит теории семантического поля, а лишь указывает на системный характер языка. Случаи, когда новая образная единица возникала бы за счет внутренних резервов системы и не выходила бы за ее пределы, редки (морская капуста (о водорослях), гриб (нарост на стволе дерева), веник, сноп (о букете цветов), хворостина (о тонком растении)).

Образные единицы описывают не сами растения, их признаки (в этом случае поле имело бы абсолютно закрытый характер), а явления окружающей действительности, процессы, свойства, и в первую очередь человека, что неудивительно, поскольку в коммуника-

тивной сфере люди говорят прежде всего о себе: своих поступках, чертах характера, поведении, внешнем виде, внутреннем состоянии, – а не о предметах действительности. Если рассматривать в целом поле Растение, то можно заметить, что оно примерно на 60 процентов пересекается с образным полем Человек. Образные единицы с семантикой растения присутствуют во многих его микрополях:

Внешность: *сморчок* (маленький, невзрачный), *нос картошкой* (круглый), *глаза как васильки* (голубые), *дубина, жердь, оглобля, стичка* (высокий).

Физическое состояние: *в самом соку, огурчик* (в полном расцвете физических сил), *вялый как парниковый овощ, выжатый лимон* (физически слабый), *ягода* (здоровая, крепкая женщина), *кряж* (низкий и плотный), *вянуть* (лишаться сил, бодрости).

Физиологические характеристики: *задеревенелый* (утративший чувствительность), *луковица* (расширенная часть какого-либо органа), *миндалина* (орган лимфатической системы), *яблоко* (тело глаза), *корень* (зуба).

Возраст: *поросль* (молодое поколение), *зеленый* (молодой), *цвети* (быть в расцвете молодости, красоты), *сморчок* (пожилой), *зрелый* (в среднем возрасте), *недозрелый* (не достигший совершеннолетия).

Эмоциональное состояние: *как об стенку горохом* (невосприимчивый к информации), *зацветать* (становиться радостным).

Характер: *тише воды, ниже травы, божий одуванчик, ромашка* (скромный), *мимоза* (обидчивый), *репейник, пристал как банный лист, смола, заноза* (надоедливый), *колючка, перец, редька* (злой).

Умственные способности: *пень, лопух, дубоватый, кочан, дубинголовый, лапти, дремучий* (глупый).

Социальные характеристики: *на бобах сидит, ни кола ни двора* (бедный).

Общественные характеристики: *нашего поля ягода* (сходный по воззрениям, характеру), *все на одну колодку* (равны по интересам, мнениям).

Совокупность людей или организаций: *куст* (группа организаций, имеющая одну основу), *ядро* (определяющая группа людей), *дубьё* (бестолковые люди), *поросль* (молодое поколение).

Следующее образное поле, пересекающееся с полем Растение, – Цветообозначения. Яркая окраска растений и их частей дает основание для образных переосмыслений. Одни образные единицы, обозначающие цвет, имеют структуру «прилагательное, обозначающее цвет + КАК + название растений, плодов»: *желтый, как лимон, зеленый, как трава, желтый, как солома, голубой, как васильки, алый, как мак, красный, как пион*. Другой тип образных единиц представлен метафорами-прилагательными, связанными с расти-

тельными образами: *вишневый, малиновый, лимонный, персиковый* и др. Нужно отметить, что в современном русском языке наблюдается тенденция активного обозначения цвета через названия плодов: дикий виноград, спелая вишня, слива, орех, апельсин, ананас и др.

Помимо описания многообразного цветового спектра (от белого (*белеть, как одуванчик*) до черного (*смоляной*)), образные единицы обозначают качество цвета: *сочный* (ярких, глубоких и чистых тонов). Характерное использование определенных образных единиц при описании цвета конкретных предметов: *румяный* (только о лице человека), *в яблоках* (только о масти коня: серый в белых пятнах).

Следующее образное поле, в которое попадают единицы с семантикой растения, – поле Количества², более конкретно – группа Множество чего-либо. В первую очередь в него входят образные единицы микрополя «Совокупность растений, частей», поскольку во входящих словах содержится эта сема: *лес рук, ворох дел, урожай оценок, копна волос, букет болезней*. Как известно, семантическое поле включает слова разных частей речи, главным при объединении слов является наличие общих сем в значении. Потому в поле Количества можно внести образные единицы *плодиться* (появляться во множестве), *косить, перекосить* (уничтожить в большом количестве). В группу Малое количество входит единица *зерно* (отдельная крупинка чего-либо), *семенить* (идти мелкими шагами).

Также можно составить поле с именем Основа чего-либо, куда войдут единицы: *зерно*, ЯМ (зародыш, исходное начало; ядро, сущность чего-либо), *корень*, ЯМ (начало, источник чего-либо), *коренной*, СОЛЕ (загравивающий основы, сущность чего-л., главный, основной, наиболее важный среди других), *вырывать с корнем*, ФЕ (причинить, нанести непоправимый ущерб в самой основе), *семена*, ЯМ (зародыш, начало, источник чего-либо), *ядро*, ЯМ (основная группа коллектива, определяющая и организующая его деятельность), *ось*, ЯМ (то основное, главное, вокруг чего развиваются какие-либо события), *за деревьями леса не видеть*, ФЕ (проявляя внимание к мелочам, забывать о главном, основном), *корениться*, ЯМ (происходить от чего-либо, иметь что-л. своим корнем, глубоко и прочно таиться в ком-либо).

Другим образным полем, которое имеет зоны пересечения, является поле Животные. В его состав могут быть включены образные единицы поля Растения *свинья под дубом, как сорока на колу вертеться, любить, как собака палку*. Безусловно, доминирующим образом в этих фразеологических единицах является образ животного, который сравнивается в первом случае в неблагоприятным человеком, во втором – с беспокойным и в последнем случае – с человеком, особенно не любящем что-либо. Но в составе этих образных единиц

также есть и образы, связанные с растением – дуб, кол и палка, вместе с образами животных они воссоздают ситуации, которые в дальнейшем образно переосмысляются: избивание палкой собаки, поедание корней дуба свиной, ерзание сороки на колу.

Если представлять поле Животные так же широко, как и поле Растение, то в нем, например, можно выделить еще группу Предметы, связанные с животными. В этой группе находятся единицы поля Растение: *ярмо* (деревянный хомут для упряжки рабочего крупного рогатого скота), *оглобля* (одна из двух жердей, укрепленных концами на передней оси экипажа и служащих для запряжки лошади). Первая метафора имеет значение «непосильный, тяжелый труд», вторая – «высокий, худой человек».

Рассматриваемое поле Растение имеет зоны пересечений с полем Вода (*тише воды, ниже травы*), Огонь (*вспыхнуть, как маков цвет*), Мифические существа (*бояться, как черт ладана, бежать, как черт от ладана*) и др.

Единицы могут пересекаться двумя способами. Во-первых, на основании общих сем в образных значениях (номинативное слово имеет «растительные» семы в ядре, но возникающие с его помощью образные единицы описывают другие предметы (в широком смысле) – человека, категорию количества, цвет). Наименования этих предметов являются именами других семантических полей. В этом случае пересекаются только образные части полей. С другой стороны, образные единицы могут входить в состав соседних полей на основании какого-либо элемента (слова) в структуре единицы. Собака, свинья, сорока – эти слова в прямом значении называют виды животных, при их участии возникают фразеологизмы *любить, как собака палку* и т.д. Поэтому эти образные единицы входят в поле Животное. В этом случае пересекаются обе части полей – и номинативная, и образная. Кроме того, у данных полей есть еще зона пересечения с полем Человек, поскольку в образных значениях содержится характеристика человека.

Помимо семантических полей, именем которых является существительное (конкретное (человек, животное), абстрактное (количество)), существуют так называемые признаковые поля³. Объединение образной лексики происходит на основании общности какого-либо базового признака, имеющего метафорический способ воплощения: твердый, мягкий, острый, тупой (Юрина), сладкий, горький и т.д. Образные единицы поля Растение передают многие базовые признаки и включаются в поля с именами:

Длинный: *жердь, орясина, палка* (высокий человек), *ходули* (высокопарность).

Короткий: *кряжистый, кряж* (о невысоком человеке).

Тонкий: *спичка, палка* (худой человек), *соломинка* (последняя, призрачная надежда).

Круглый: *бочка, колода* (о полном человеке).

Легкий: *пристал как банный лист* (о назойливом человеке), *дрожит, как осиновый лист* (о трусливом человеке).

Твердый: *деревянный* (равнодушный), *дерево* (глупый), *орех* (глупый), *кондовый* (старинный).

Колючий: *кактус, чертополох, крапива, репейник* (злой), *тернистый* (тяжелый).

Горький: *попынь, хуже горькой редьки* (о чем-либо неприятном), *редька* (о женщине), *горе луковое* (незадачливый).

Острый: *перец* (злой), *заноза* (надоедливый).

Кислый: вот так клюква! (о неприятной ситуации).

Сладкий: *малина* (о чем-либо хорошем).

Темный: *темный лес, дебри* (непонятные места).

Также строятся поля, именем которых является словосочетание, в таких семантических полях главным является не образ какого-либо предмета, явления, признака, а ситуация, например, поле «хождение в гости»⁴.

Если рассматривать примеры под таким углом зрения, то на основе собранного материала можно построить образное поле «развитие, рост растений» и включить в него следующие единицы: *заронить семя*, ФЕ (вызвать подозрение), *семена, зерно* (отдельная крупинка чего-либо, а также основа, источник), *корень* (источник, начало чего-либо), *скороспелка, ЯМ* (человек, слишком рано развившийся), *цвести* (быть в прекрасном состоянии), *зреть* (достигать мастерства, совершенства), *плод* (результат, порождение чего-либо), *увядать* (становиться слабым) и др. Все единицы этого нового поля входят в поле Растение. В этом случае поля находятся не в отношениях пересечения, а в отношениях включения.

Таким образом, мы видим, насколько значительными являются зоны пересечения поля Растение, что не противоречит теории семантического поля, а лишь указывает на системный характер языка.

Примечания

¹ Кезина С.В. Семантическое поле как система // Филологические науки, №4, 2004. – С. 85.

² Рябцева Н.К. Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка. Языки пространств. – М., Языки русской культуры, 2000. – С. 108-117.

³ Юрина Е.А. Лексическая структура ассоциативно-образного семантического поля // Вестник ТГУ, №227. Сер. Философия. Культурология. Филология. Томск, 2002. – С. 198 – 204.

⁴ Березович Е.Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей // Вопросы языкознания, №6, 2004. С. 3-23.

Петрова Л.А., студ. ТГУ, 4 курс
Науч. рук. О.И. Блинова
Модели лексической ремотивации
в литературном языке

В русском языке действуют две противоположно направленные тенденции. Одна из них – тенденция языкового знака к произвольности – обуславливает утрату мотивационных связей слов (демотивацию). Другая – тенденция языкового знака к мотивированности – является причиной существования такого явления, как лексическая ремотивация (далее ЛР), под которой понимается «процесс обретения словом лексической мотивированности на основе установления им отношения лексической мотивации»¹. Между ранее никак не связанными, гетерогенными единицами возникают связи, аналогичные мотивационным отношениям, существующим между гомогенными единицами. Это связано с тем, что ЛР – процесс «подравнивания» под языковую систему, вписывающий ранее демотивированные слова в систему мотивационных отношений.

Закономерен вопрос: на каких основаниях происходит это «подравнивание»? При сравнении становится ясно: основанием этого являются схемы установления отношений между лексическими единицами, которые можно обозначить термином «модели».

Слово «модель» принадлежит к числу терминов с весьма широким значением. В современном языкознании модель – это «искусственно созданное лингвистом реальное или мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее своим поведением (обычно в упрощённом виде) поведение какого-либо другого («настоящего») устройства (оригинала) в лингвистических целях». Модель выступает как абстрактный идеализированный объект, отражающий существенные черты оригинала и представляет собой «функциональный анализ оригинала, что позволяет переносить знания с модели на оригинал»².

Как показывает наблюдение, модели ЛР принадлежат к аналитическим функциональным моделям речевой деятельности: при анализе материала, собранного в ходе психолингвистического эксперимента, выявляются общие черты, которые затем систематизируются и типизируются, давая на «выходе» определённые модели. При этом конструирование моделей ЛР не только является одним из средств отображения языкового процесса, но и выступает как «средство углубления познания скрытых механизмов речевой деятельности»³.

Самыми общими составляющими внешнего мира являются **вещи, свойства и отношения**, вступающие в тесные взаимосвязи друг с другом. Соответственно ведущими, основополагающими категориями языка являются **предметность, признаковость и про-**

цессуальность. Любой предмет действительности может быть охарактеризован с позиции того, какие **признаки** у него присутствуют, какие **действия** способен совершать этот предмет либо какие **действия** можно совершить с ним, с какими другими **предметами** он соотносится. Именно эти характеристики ложатся в основу наименований. Это объясняется устройством человеческого мышления, стремящегося при назывании предмета «выявить для него нечто характерное»⁴.

В языке вычленение отдельных признаков базируется на способности человека к ассоциативному мышлению, фиксирующему реальную зависимость явлений и предметов окружающего мира, что находит непосредственное отражение в мотивационных моделях «предмет < признак», «предмет < действие», «предмет < предмет». ЛР действует по тем же принципам, характеризуя предмет и мотивируя его название признаком (**сморчок** < *сморщенный*, **калина** < *калёная*), действием (**рысь** < *рычит*, **рыщет**, **полынь** < *полоть* <её нужно>), предметом (**косынка** < *косу* <прикрывает>, **ворота** < *от* <воров <нужны>). На основе подобной характеристики выделяются следующие модели (далее М) ЛР:

М¹ «предмет < признак»

М² «субъект действия < действие»

М³ «объект действия < действие»

М⁴ «предмет < предмет»

Анализ показывает, что из-за специфики тематических групп (далее ТГ) ремотиватов активность моделей неодинакова. Наиболее активны:

1) в ТГ «артефакты» – М³ (15 из 44), напр. **капитал** < <его нужно> *копить*, **стекло** < <по нему вода> *стекает*; М⁴ (19 из 44), напр. **бальзам** < <лечит> *боль*, **камин** < <из> *камней*;

2) в ТГ «натурфакты» – М² (5 из 11), напр. **гроза** < *грозит*, *грохочет*, **изумруд** < *изумляет*; М⁴ (5 из 11), напр. **радуга** < <как> *дуга*, **раковина** < <жилище> *рака*;

3) в ТГ «зоонимы» – М² (10 из 18), напр. **воробей** < *ворует*, **цапля** < *цапает*;

4) в ТГ «фитонимы» – М¹ (5 из 9), напр. **осока** < *сочная*, **черёмуха** < *чёрная*;

5) в ТГ «грибы» – М¹ (2 из 2), напр. **сморчок** < *сморщенный*, **груздь** < *грузный*;

6) в ТГ «статусы человека» – М⁴ (4 из 8), напр. **замухрышка** < <маленький, как> *муха*, **парень** < <ищет> *пару*;

7) в ТГ «части тела» – М³ (3 из 6), напр. **висок** < <на него волосы> *висают*, **крыло** < <им можно> *укрыть*.

Все модели по своей активности примерно одинаковы, кроме М⁴, отличающейся большей активностью (37 из 107 случаев ремотивации).

Итак, проведённый анализ обнаруживает существование моделей ЛР, соответствующих основным принципам номинации, отражающим познание человеком окружающего мира. Функционирование моделей достаточно активно, каждая из них охватывает приблизительно равную часть от общего числа случаев ремотивации. В то же время активность моделей в каждой из ТГ неодинакова, что связано с различными способами познания человеком окружающей его действительности и с особенностями реалий, обозначаемых словами той или иной ТГ.

В целом исследование позволило глубже и полнее понять процесс ЛР и вписать его в языковую систему. Это, в свою очередь, подтверждает мысль о том, что ЛР – процесс не патологический, как утверждали некоторые учёные, а вполне закономерный.

Примечания

¹ Блинова О. И. Русская мотивология: Методическое пособие. – Томск, 2004. – С. 47.

² Большой энциклопедический словарь «Языкознание» / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М., 1998. – С. 304.

³ Там же. С. 304-305

⁴ Арутюнова Н. Д. Номинация и текст // Языковая номинация (Виды наименований). – М., 1977. – С. 334.

Петровичева Е.В., студ. ТГУ, 2 курс **Науч. рук. Н.А. Тихонова** ***Образ России глазами американских журналистов (по материалам журнала «The Economist»)***

Россия, будучи одним из самых крупных и влиятельных государств, всегда занимала ведущие позиции на мировой арене. Ее политическая, экономическая и социальная жизнь привлекала и привлекает внимание международной общественности, что обуславливает повышенный интерес зарубежной прессы к ситуации в России. Западные обозреватели прежде всего обращаются к проблеме власти и отношения к личности президента, а также тесно связанной с этими вопросами проблеме демократизации российского общества.

В данной статье изложен опыт анализа образа России, формируемого журналом «The Economist» – печатным изданием, целевую аудиторию которого составляют представители среднего и крупного бизнеса США. Тем самым, по сути, рассмотрено представление о России в сознании американской экономической элиты.

Тематика всех публикаций прямо или косвенно затрагивает три вопроса:

1) демократия в России (Существует ли она?);

2) личность президента В.В. Путина (Как согласовываются дела и слова президента? В чем причины популярности Путина?);

3) злободневные проблемы российской действительности (СПИД, наркомания, демографический спад, ситуация в российской армии).

На основании обсуждения этих тем создается образ современной России. При этом складывается впечатление, что на сегодняшний день Америка не рассматривает Россию как потенциального врага и не видит в ней угрозы для себя, поскольку считает ее ослабленной внутренними противоречиями.

В целом авторы статей склонны к отрицательной характеристике России, что находит выражение на лексическом уровне следующим образом. Для создания общего впечатления от статьи употребляются лексические единицы, вызывающие у читателя определенные негативные ассоциации. Например, статья «Putting up with Putin» от 22 января 2005 г. содержит ряд лексических оборотов, имеющих негативную семантику: *rip-off* (обдираловка), *rigged elections* (подтасованные результаты выборов), *impenetrable politics* (недоступная для понимания политика). Далее в этой же статье деятельность российского президента охарактеризована глаголами *suppress*, *imprison*, *manipulate*, *increase* (соответственно: подавлять, заключать в тюрьму, манипулировать, усиливать). Концентрированное использование в одном контексте лексических единиц с негативной семантикой способствует созданию общего отрицательного образа российского президента. Автор дает достаточно резкую, даже дерзкую, оценку действиям Путина, открыто обвиняя его в подтасовке результатов выборов, устранении неудобных ему людей.

Следует учитывать, что журналисты, как правило, выражают мнение определенной группы людей. Часто речь идет о государственной политике, т.е. журналист оценивает ситуацию как посредник между властью и народом. В то же время он представляет в прессе общественное мнение.

Многие исследователи склоняются к мысли о том, что современной прессе свойственна отрицательная оценка событий и явлений. Возможно, это связано с тем, что за последнее десятилетие в обществе резко возросло критическое отношение к действительности.

Н.Г. Мартынюк выделяет несколько способов выражения оценки¹. Обозначим те из них, которые наиболее частотны в публикациях «The Economist».

1. Прием раскрытия мотивов действия. Журналист может выразить отношение к человеку в фамильярном тоне посредством субъективного толкования его действий: «*Putin established M. Fradkov as a prime-minister to make everybody guess why he did it*» – «Путин назначил Фрадкова премьер-министром, чтобы все гадали, почему он это сделал»².

2. Показ действий человека «до» и «после». Автор демонстрирует изменение характера действий героя публикации, затем переносит оценку непосредственно на него самого: «*Mr. Putin called himself a democrat. And yet he recently declared that the collapse of the Soviet Union was the greatest geo-political catastrophe of the 20th century*» – «Путин называл себя демократом. И он же недавно заявил, что распад Советского Союза является величайшей геополитической катастрофой XX века»³. В данном случае журналист показывает несогласованность слов В.В. Путина и его поступков. Можно сделать вывод, что автор находит В.В. Путина непостоянным и ненадежным человеком.

3. Использование аллюзий, намеков на известные обстоятельства, тексты. Журналистские оценки, содержащие аллюзии, помимо буквального смысла имеют второй план, вызывающий у читателя определенные ассоциации. Несомненно, аллюзия является эффективным средством активизации интеллектуального восприятия информации читательской аудиторией: «*Playing the good tsar disappointed by his bad advisers he blamed ministers and regional administrators*» – «Играя роль хорошего царя, разочарованного плохими советниками, он (Путин – Е.П.) обвинил во всем министров и региональную администрацию»⁴.

Таким образом, при помощи изложенных выше способов создания оценки, применяемых журналистами, в сознании американских бизнесменов формируется образ России.

На основании изученного материала, можно сделать вывод, что образ России, представленный в издании «The Economist», неоднозначен. Очевидно стремление журналистов показать американцам проблемы России, описать личность президента Путина, проанализировать его политику.

Интересным представляется выявленный факт, что в сознании американского человека понятия президент – политик и президент – человек отождествляются. Политика президента, по мнению американцев, неразрывно связана с его нравственными качествами. Американская пресса, в частности журнал «The Economist», возлагает на президента страны всю ответственность за политику государства. Видимо, именно поэтому осуждение политической ситуации в России, высказываемое в материалах журнала, чаще всего относится только к деятельности президента В.В. Путина, а не правительства страны в целом. Как следствие, образ современной России, формирующийся в американском сознании, находится в неразрывной связи с образом российского президента. Несмотря на недовольство некоторыми моментами в его политике, американская пресса представляет Президента России сильным, харизматичным лидером. В Америке опасаются, что Россия вернется к авторитарному строю. При этом Путин не отождествляется в глазах Америки со

Сталиным, но он имеет в своих руках власть и не всегда, по мнению американских журналистов, распоряжается ею в соответствии с демократическими принципами.

В заключение отметим, что публикации американских журналистов о России представляют богатый материал для дальнейшего изучения вопроса российско-американских отношений в контексте проблемы диалога культур.

Примечания

¹ Мартынюк Н.Г. Оценка в журналистском тексте // Язык и власть: межвуз. сб. науч. трудов. – Саратов, 2003. – 210 с.

² The Economist. – 2005. – January 8th. – P. 36.

³ The Economist. – 2005. – May 7–13th. – P. 12.

⁴ The Economist. – 2005. – January 22th. – P. 41.

Пономарева Т.Ю., студ. ТГУ, 2 курс Науч. рук. О.В. Саржина *Семантика оценочных существительных в английском молодёжном жаргоне*

Термины **жаргон**, **арго**, **сленг** представляют собой разные пласты нелитературной лексики, характерной для разговорной речи, которая отличается образностью, экспрессивностью и оценочностью. Эти черты особенно ярко проявляются в речи молодёжи.

Целью данной работы является исследование оценочной лексики в современном американском молодёжном жаргоне. Актуальность исследования заключается в том, что слой рассматриваемой нами лексики является мало изученным и систематизированным.

Жаргон – это «разновидность речи, используемой преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии, положения в обществе, интересов или возраста»¹.

В нашей работе мы остановимся на трёх группах жаргонной лексики: подростковый (*teenage*), уличный (*street*) и студенческий (*college students*) жаргоны.

Уличный и студенческий жаргоны – это варианты молодёжного жаргона. В зависимости от условий одна и та же группа людей может пользоваться разной лексикой, например, в колледже или университете одной, на улице другой.

В молодёжной лексике можно выделить несколько тематических групп жаргонизмов, отражающих интересы и род занятий молодёжи.

1. Лексика, связанная с учебной деятельностью (*blob* – ошибка, *prof* (*professor*) – профессор).

2. Развлечения (*crawl* – танец, *drag* – танец или вечеринка с танцами).

3. Наркотики и алкоголь (*blotter* – наркотик ЛСД, *hooter* – сигарета с марихуаной).

4. Слова, употребляющиеся на территории университетского общежития (*bunkie* – сосед по комнате).

В значении слова выделяются два основных компонента: дескриптивный и оценочный. Дескриптивный компонент – это объективные свойства предмета речи, например, *frail* (молодая девушка). Оценочный компонент значения выражает только отношение субъекта к объекту, например, *pig* (отвратительная, уродливая девушка).

При изучении жаргона следует обратить внимание на коннотативное значение слова. И.В. Арнольд² выделяет четыре компонента коннотации: эмоциональный, оценочный, стилистический и экспрессивный. Большая часть молодёжного языка имеет ярко выраженное оценочное значение, которое является одним из определяющих черт данного пласта разговорной лексики. Оценочные слова можно разделить на две группы:

1) лексика, обозначающая предметы или явления, которым даётся оценка (*howl* – что-либо весёлое, забавный случай, *scuzz* – грязь, что-либо гадкое, непристойное);

2) лексика, используемая для названий лиц (*grind* – «зубрила», скучный, прилежный студент, *pig* – уродливая девушка).

Оценки могут быть даны по различным признакам:

красивый (*P. F. D.* (potential formal date) – человек, который хорошо выглядит, с кем не стыдно «показаться на люди», *twinky / twinkie* – привлекательный, остроумный человек);

некрасивый (*cromagnon* – уродливый мужчина, *roach* (cockroach) – непривлекательная женщина);

умный (*shark* – очень способный студент, особенно такой, который не очень прилежно учится);

глупый (*conehead* – «интеллектуал», глупый человек, *cretinoid* – кретин, идиот, *droid* – глупый, медлительный или лишённый воображения человек);

неаккуратный (*dip* – неряшливый, неаккуратный человек, *fish* – беспорядочная женщина);

весёлый (*twinky / twinkie* – привлекательный, остроумный человек);

скучный (*grunge* – скучный человек, *Melvin* – скучный человек);

ненормальный / неадекватный (*j-cat* – сумасшедший, ненормальный человек, *wombat* – странный человек);

приятный, по отношению к человеку или вещи (*boodle* – сладости, лакомства, *suave / swave* – изысканность и привлекательность человека);

неприятный, отталкивающий, по отношению к человеку или вещи (*hodad* – неприятный, отталкивающий человек, *loady* – пьяница, алкоголик).

Можно выделить группу существительных, которые имеют значение «прилежный, серьёзный ученик», но употребляются с иронией или презрением, как, например, «зубрила» (*Melvin* – прилежный, непривлекательный студент, *squib* – серьёзный студент, «зубрила»).

В соответствии с классификацией Н.Д. Арутюновой³ рассматриваемые нами существительные имеют следующие частнооценочные значения.

1. Сенсорно-вкусовые оценки (*P. F. D.* (potential formal date) – человек, который хорошо выглядит, с кем не стыдно «показаться на люди», *gross-out* – отвратительное действие или ситуация).

2. Психологические оценки: а) интеллектуальные (*shark* – очень способный студент, *meat* – глупый человек); б) эмоциональные (*boodle* – сладости, лакомства, *hodad* – неприятный, отталкивающий человек).

Вышеперечисленные оценочные значения Н.Д. Арутюнова объединяет в группу оценок, связанных с чувственным или психическим восприятием человека. Оценочные предикаты этой группы характеризуются субъективной оценкой.

3. Эстетические оценки, которые являются синтезом синтез сенсорно-вкусовых и психологических оценок (*twinky / twinkie* – привлекательный, остроумный человек, *scuzz* – грязь, непристойность, нечто отвратительное, гадкое).

4. Этические оценки (*lame / lane / laine* – честный справедливый человек).

Этические и эстетические оценки объединяются Н.Д. Арутюновой во вторую группу частнооценочных значений и составляют «ядро духовного начала человека». Данные оценочные значения часто встречаются в речи американской молодежи.

Молодёжный жаргон можно распределить по двум основным сферам употребления: уличный (*street*) и студенческий (*college students*) жаргоны. Для первой группы характерен ряд слов, которые можно услышать от молодежи на улице (*deb* – девушка, входящая в уличную банду, *lard, pig* – полиция (грубо), *meth* – денатурированный (этиловый) или метиловый спирт).

Для студенческого жаргона характерны слова, связанные с учебной деятельностью (*anchorman* – студент, занимающий последнее место в учебном рейтинге, *prof* – профессор, *shwench* – первокурсника).

Большая часть оценочных существительных несёт отрицательное значение (примерно 85% существительных). Отрицательная оценка направлена, прежде всего, на физические и умственные способности человека и представлена разными видами частной оценки.

Молодёжный жаргон постоянно изменяется благодаря пополнению и обновлению своего запаса, что происходит за счёт метафорического употребления общеизвестных литературных слов и различных способов словообразования.

Примечания

¹ Поливанов Е.Д. Жаргон / Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 151.

² Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. – М., 2002. – С. 153.

³ Арутюнова Н.Д. Обще- и частнооценочные значения // Язык и мир человека. – М., 1999. – С. 198–200.

Постникова Е.А., студ. ТГУ, 3 курс Науч. рук. Г.Н. Старикова *Функционирование слов с общеславянским корнем *golv- в разностилевых памятниках XI–XVII вв.*

В языке данного периода наблюдалась ситуация сосуществования двух близкородственных языков – русского и церковнославянского, который представлял собой систему, сформировавшуюся на базе старославянского языка и ощутившую на себе влияние последнего в плане орфографии, грамматических норм и т.д. Данная языковая ситуация разными учеными называется по-разному – диглоссией и двуязычием. Под диглоссией принято понимать одновременное сосуществование в обществе двух языков или двух форм одного языка, применяемых в разных функциональных сферах.

Одним из ярких языковых различий, позволяющих однозначно квалифицировать лексемы как церковнославянские или собственно русские, являются полногласные/неполногласные морфемы в составе слов названных языков. Так, русское *голов-* и старославянское *глав-* восходят к общеславянскому корню *golv-. Как показал материал “Словаря русского языка XI–XVII вв.”, этот корень весьма продуктивен в образовании дериватов, на материале которых в ходе работы были построены словообразовательные гнезда (далее СГ) с вершинами ГОЛОВА и ГЛАВА для XI–XII, XII–XIV, XV–XVI, XVII вв.

Состав, структура гнезд с полногласными и неполногласными вариантами корней имеет свою специфику в каждом из обозначенных периодов¹. Это также подтверждает частотный словарь А.А. Грузберга, построенный на источниках XVI–XVII вв., где ранг слова ГОЛОВА равен 121, а частота – 451. Аналогичные данные для слова ГЛАВА составляют 168 и 339 соответственно. СГ с вершиной ГЛАВА на первых этапах имеет больший потенциал по сравнению с СГ ГОЛОВА. Например, мощность гнезда равна 7 для XI в., в то время как в СГ ГОЛОВА 1, но к XVII в. наблюдается спад в образовании неполногласных дериватов, упрощение их в частеречном плане.

На данном этапе удалось выявить тяготение ряда аффиксальных морфем к той или иной огласовке корня в словопроизводстве. А.В. Исаченко в своих трудах пишет о двух регистрах (бытовом и

отвлеченном, «возвышенном»), связанных с двумя славянскими системами (исконно русской и церковнославянской), и говорит о характерном для каждого из них особом инвентаре словообразовательных средств, которые находятся в отношениях дополнительного распределения. Исследователями выделяется эталонная модель суффиксов имен существительных для церковнославянских текстов, включающая суффиксы -ниј(е), -изн(а), -ств(о), -ствиј(е) и ряд других. Таким образом, вышеназванные аффиксы тяготеют к неполногласному варианту корня, например: *воз-глав-иј-е*, *глав-изн-а*, *из-главл-ениј-е*. При этом древнерусская огласовка аффиксов тяготеет к полногласному корню, например, *под-голов-ј-е*, *голов-щин-а*. Полногласный корень более «предметен» в своей семантике, он номинирует такие бытовые реалии, как «убитый» (*голова*₃), «изгородь» (*голова*₁₀), «передняя часть обуви» (*головка*₁), а неполногласный корень тяготеет к обозначению абстрактных денотатов, например, «начало, первопричина» (*глава*₄), «раздел книги или документа» (*глава*₇).

Тенденцию к закреплению того или иного варианта корня в русском или церковнославянском языках подтверждают и привлеченные к исследованию источники, в которых были найдены производные, составляющие группы параллельных образований. Слова с неполногласием встречаются в тех видах памятников, язык которых обозначен как образцовый книжно-славянский или как разновидность, отразившая процесс сближения церковнославянского и русского языков. Так, слова *главня* (обожженный предмет), *глава*₃ (начальник), *главство*¹ (первенничество, избранничество), *безглавие* (церковное учение) употребляются летописях, Великих Минеех-Четьих. Например, *главня*: Той первѣе храбродушие храняше въ глубинѣ сердца, яко главня въ пепелѣ събма огня храня. *Никоновская летопись*. *Глава*₄: Но саму главу идольскаго бѣсованя и низложи и сокруши. *Великие Минеи-Четьи*. *Безглавие*: Маму же нѣкоего еже съ Севгиромъ нѣкоимъ начатоу безглавию ... поимъ съ собою отць нашъ Савва во Иерслмѣ, моляшесе отступити от безглавия вѣры и к соборнѣи общеватися цркви. *Великие Минеи-Четьи*. Согласно русской агиографической литературе XVI в., частотность употребления неполногласных слов сравнительно высока по сравнению с частотностью употребления полногласных вариантов. Например, *безглавный* – 5, *главизна* – 6, *главный* – 14, *главна* – 5 и *головной* – 3, *головщина* – 1, *наголову* – 1.

Слова же с полногласием отмечаются в памятниках, где имеет место разновидность, отразившая процесс сближения книжного языка с деловой речью, а также язык делового общения. Например, *головник*² (список, перечень), *головизна* (часть рыбы), *поголовье*_{2,3} (пол, род, племя), *головица* (растение) встречаются в Травнике³, приходно-расходных книгах, деловых актах. Например, *головник*²: А за розходом осталос денег по головнику и по кабанам сто сорок восемь рублей. *Приходно-расходные книги Корнильева Комельского*

монастыря. Головизна: А въ среду каша съ головизнами, ли лопша съ перьцем. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Поголовье; Тамо (в земле) нЪту нЪкакового розпознания поголов<ь>я, точию дЪбство обоихъ такъ самца, что и самицы, в самой землѣ замыкается. Назиратель. Головица: Трава есть былие, а растет по дубровам, а цвѣт его яко конопляная головица. Травник.

Рассмотренные дериваты принадлежат лишь к той или иной группе памятников, тогда как ГОЛОВА и ГЛАВА, будучи словами-полисемантами, встречаются в большинстве жанров источников. Тем не менее, знаменателен тот факт, что слово ГОЛОВА не зафиксировано в русской агнографической литературе XVI в².

Анализ позволяет сделать следующие выводы:

1) полногласное слово ГОЛОВА активнее участвует в словопроизводстве, что доказывается составом и структурой его СГ, материалами частотного словаря;

2) лексемы с полногласным/неполногласным вариантами корневой по-разному представлены в памятниках различных типов. Так, полногласные производные тяготеют к памятникам делового общения, к памятникам, где представлен разговорный язык. Неполногласные дериваты встречаются в книгах Священного Писания, летописях, документах.

Выводы не могут считаться окончательными, поскольку а) к анализу не привлекались сложные слова, где данный корень является вторым; б) исследование построено на материале словарей, а не их картотек.

Примечания

¹ Постникова Е.А. Лексико-словообразовательные гнезда с вершинами ГОЛОВА и ГЛАВА в XI–XVII вв.: сопоставительный аспект // Наука. Технологии. Инновации. Материалы Всероссийской научной конференции молодых ученых в 7-ми частях. – Новосибирск, 2006. – Ч. 7. – С. 63-64.

² Лексика и словообразование в русской агнографической литературе XVI в. – СПб., 1993. – С. 180.

Серкова М.А., Тюмень ***Функции имен персонажей в художественном произведении (на материале романа В.М. Шукшина «Я пришел дать вам волю»)***

Позитивными в художественном тексте представляют особую сферу ономастической действительности, выполняя различные функции. Роль имен персонажей «шире и многообразнее, чем в общенародном языке»: имя максимально развивает оттенки, незамеченные в реальной жизни. Именования персонажей в литературе приобретают особые смыслообразующие функции. Функция литературного антро-

понима – это «специфическая деятельность имени в создании образности художественной речи»¹. Эту особенность можно обозначить *эстетической* или *образовательной* функцией, ярко раскрывающейся в «говорящих» именах. Они создают образ без развернутых описаний внешности, поступков, образа мыслей поименованного героя². Например, в романе В.М. Шукшина «Я пришел дать вам волю»: «...*постеивал Семка-скоморох (Резаный, прозвали его казаки). ...не совсем оклемался после истязаний в страшной башне*»³. Имя в тексте сохраняет свое природное значение и приобретает новое, специфичное. В этом проявляется *текстобразующая* функция: «заключается в способности имени быть связующим, конструктивным элементом содержательно-смыслового пространства и формальной организации художественного текста»⁴. С текстобразующей соотносится *композиционная* функция, так как «имя в структуре художественного произведения способствует мотивированному расположению и организации образов, их связей и отношений».

Имена персонажей в рамках произведений словесного творчества выполняют собственно «литературно-художественные» функции. Приоритетной является *стилистическая*, выражаемая посредством нескольких функциональных подтипов художественного текста:

а) эмоционально-стилистический подтип обращен к чувствам читателя: «*Игнаха, тудыт твою!.. – орал. – Ты мне ребра-то выдавишь! Куда прешь-то?*»; «*Кипрюшка Солнцев, до шаха с письмом-то ездил. А пошто один, Курприян? Где же Илюшка, Федька?*» [С. 120; 315]. Сокращенные имена несут оттенок фамильярности, ласкательности, ироничности, шутливости. В художественной речи активны экспрессивные суффиксы образования, служащие для усиления коннотации (добавочного, вторичного содержания)⁵.

б) функциональный информационно-стилистический подтип позволяет характеризовать персонажа, установить «проекции» на действующие в языке антропонимические модели: «каждому времени свои особые имена». Поэтонимы *Степан, Василий, Михаил, Григорий, Федор, Петр, Алексей* соответствуют статусу донского казачества и времени восстания⁶.

Если антропоним указывает на какой-либо коммуникативно-значимый признак (возраст, пол, национальность и под.) своего носителя, то он выполняет функцию *характеризации*. Совмещаются две функции (информационно-стилистическая и функции характеризации): поэтоним выделяет одного из героев и «сигнализирует» читателю о главных свойствах, признаках его носителя. «*Писать в Астрахань, к князю Ивану Прозоровскому: остановить! Оружье, припас, грабленное – все отнять!*» [С. 39]. Антропоним *Прозоровский* семантически связан с «прозорливый», т.е. «умеющий предвидеть, проницательный»⁷.

Подтекстовые функции антропонимов в литературе делятся на «имя с подтекстом» и «имя в подтексте»⁸. Первые (имена прямой оценки) – это «непосредственная характеристика, отражающая смысловую связь с породившим ИС апеллятивом и раскрывающаяся либо с помощью контекста, либо на основе ассоциативных отношений звучащего имени с его общеязыковой семантикой»⁹. В тексте: «Там – Синбирск! Это не Саратов, не Самара. Там Милославский крепко сидит. И сказывают, Борятинский и Урусов на подходе» [С. 321]. Называются исторические деятели, под «начальством» которых велась борьба с разбоем Разина¹⁰. Вторые (имена косвенной характеристики) – это раскрытие образа литературного героя посредством этимологической интерпретации антропонима. У Шукшина: *Степан* – греч. «венок», *Василий* – греч. «царь», *Григорий* – греч. «бодрствовать»¹¹.

в) коммуникативно-стилистический подтип стилистической функции является одним из главных в поэтическом ономастиконе. Включает в себя следующие функции:

*апеллятивная функция возникает при обращении к слушающему, собеседнику: «*Не горюй, Кузьма! Высыпет вот воевода по одному месту – без шшарды весело будет*»; «*Старею, Ваня. Осталось мне выпить на этом свете всего... двадцать бочек вина*» [С. 22; 69]. Антропонимы являются средствами призыва, обращения одного персонажа к другому, привлекая его внимание и провоцируя на разговор или действие (без авторского «включения»).

*дейктическая функция обнаруживается, если имя при произнесении сопровождается указанием на объект: «*Это вам не Ивашка Кондырев. Не Ермак даже. Этот – похлеце будет, побашковитей*» [С. 82]. Указательные местоимения «это», «эта», «этот», предшествующие личным именам (предполагаемые в контексте) несут нагрузку вместе с антропонимами. Прием позволяет обозначить персонаж, обратить внимание читателя на него.

Репрезентативная функция в какой-то мере соотносится с дейктической: «*С Мишкой Ярославовым пришел молодой боярский сын Васька – они разложили, было писать «прелестные» письма...*»; «*Это мой думный дьяк, Матвей Иванов. Из мужиков... Башка! Завсегда при мне...*» [С. 306; 199]. Представление и характеристику автор доверяет самому персонажу или какому-то другому персонажу.

номинативно-экспрессивная характеризует и лежит в основе индивидуализации, конкретизации персонажа произведения: «...подал голос Прон Шумливый, казак, вырученный разинцами из царицынской тюрьмы – сидел там за воровство*» [С. 237]. Поэтом Шумливый от «шуметь», т.е. «издавать шум, громко выражать недовольство»¹².

В создании и раскрытии образа литературного героя участвует и особая *образная функция*, коррелирующая с эстетической и со всеми разновидностями стилистической функции. Учитывая исторический, этнолингвистический, социальный и др. аспекты онимопотребления, можно говорить о *культурологической функции*. В историческом романе В.М. Шукшина «Я пришел дать вам волю» имена легендарных лиц, номинации второстепенных участников повествования образуют антропонимическую систему, где все элементы соответствуют пространственно-временной действительности: «*Степан сидел на камне, несколько в стороне от бочонка. Рядом с ним – кто стоял, кто сидел – есаулы, сотники: Иван Чернойрец, Ярослав Михайло, Фрол Минаев, Лазарь Тимофеев и другие. Степан слушал Сукнина безучастливо...*» [С. 8; 6]. Таким образом, В.М. Шукшин ориентировался при выборе имен своим персонажам на реальный именной, учитывал их функциональную роль в раскрытии сюжета, в создании образности.

Примечания

¹ Калинин В.М. Поэтика онима. Донецк, 1999. С.279.

² Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте. Л., 1990. С. 25.

³ Шукшин В. «Я пришел дать вам волю»: Роман, повести. М., 2004. С. 130. В дальнейшем ссылки по этому изданию в тексте с указанием номера страницы в скобках.

⁴ Липихина Е.Л. Структура и функции поэтонимов в художественных текстах для детей: Дисс... канд. филол. наук. Тюмень, 2003. С.100.

⁵ Там же. С.101.

⁶ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн.2. М., 1991. С. 325.

⁷ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. С. 610.

⁸ Магазаник Э.Б. Ономапозтика, или «говорящие имена» в литературе. Ташкент, 1978. С.27.

⁹ Липихина Е.Л. Структура и функции поэтонимов в художественных текстах для детей: Дисс... канд. филол. наук. Тюмень, 2003. С.104.

¹⁰ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн.2. М., 1991. С. 338.

¹¹ Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М., 2000. С. 250.

¹² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. С. 727.

8. Фролов Н.К. Функции антропонимов в художественном тексте // Духовная культура Сибири. Тюмень, 1994. С. 157 – 164.

Смирнова И.Ю., студ. ТГУ, 5 курс
Науч. рук. О.И. Гордеева
***Специфика коммуникативных неудач в
речевом жанре просьба***

Среди многочисленных императивных жанров просьба занимает одно из центральных мест. Данная работа выполнена в русле исследования коммуникативно-прагматического аспекта категории вежливости (на материале речи студентов, живущих в общежитии). Важной стороной является также изучение специфики коммуникативных неудач (далее КН) и способов их избегания в речи. Несмотря на то, что речевой жанр (далее РЖ) просьбы не является императивом в чистом виде (им являются директивы, обслуживающие РЖ приказа, команды, запрета, распоряжения), а представляет класс волюнтаривов, он относится к РЖ с высокой степенью категоричности. Поэтому в практике речевого общения встречаются случаи, когда просьба не достигает нужного перлокутивного эффекта, что дает право говорить о КН.

Целью данного исследования является выявление тех особенностей в функционировании языка и речевом поведении, которые могут быть источником КН, а также способов их избегания, преодоления. Коммуникативной целью императивных жанров, и в частности РЖ просьбы, является осуществление каких-либо действий, событий, включение в волевою эмоционально-личностную сферу собеседника. Под КН в данном исследовании понимается «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, т.е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» (Е.А.Земская, О.Н. Ермакова), возникновение нежелательного эмоционального эффекта (обиды, раздражения, удивления и др.), а также «отсутствие взаимодействия, взаимопонимания и согласия между участниками общения» (А.Ю. Маслова). Говорить о КН в РЖ просьбы можно тогда, когда перлокутивный эффект не достигнут: просьба Говорящего не выполнена или оставлена без внимания, возникло противодействие (прямое или косвенное) или изменение эмоционального состояния адресата.

При возникновении КН существенное значение имеют психологические и другие характеристики собеседников: стремление к лидерству, уравновешенность, вспыльчивость, разность в картинах мира, миропонимании и т.д.

В данной статье представлены примеры II класса по классификации О.Н. Ермаковой и Е.А.Земской (порождаемые различиями коммуникантов в каком-либо отношении), самого интересного и обширного по материалу. Во внимание берутся только те КН, которые порождены неадекватным восприятием правильно услышан-

ного текста. Не рассматриваются КН, которые вызваны шумовыми помехами, разной языковой подготовкой коммуникантов и другими подобными факторами.

Приведенный ниже пример демонстрирует положение РЖ просьбы относительно такого конститутивного признака РЖ, как образ будущего. Реакцией на просьбу может быть упоминание неисполненной просьбы Слушающего к Говорящему в прошлом (роли коммуникантов указаны в данной ситуации общения): «Лен, дай мне, пожалуйста, свои лекции, я почитаю. – Да? А когда я у тебя тогда просила, ты мне дал? Ты что сказал? «Они мне нужны». Хотя сам их даже в руки не брал! И сделал это из вредности! Вот и я не дам, хотя они мне сегодня не нужны! Вот так-то!» Реакцией на просьбу является речевое образование в жанре упрека. Как выяснилось позже в диалоге с первым коммуникантом, он посчитал нормальным обратиться с просьбой к девушке, которой отказал недавно только потому, что у него было плохое настроение. «Зачем было истериковать? Мы же друзья. Я совсем про тот случай забыл и не хотел ее обидеть тогда». Девушка же посчитала такое поведение молодого человека наглым. «Даже если бы я так сделала, у меня хватило бы совести не подходить потом с подобной просьбой». Таким образом, причиной КН явилась разница в миропонимании коммуникантов.

К данному классу относятся КН, порождаемые разным пониманием форм выражения вежливости. Таких примеров большое количество, приведем лишь один из них: «Привет, дай ключ от душа, Серега его найти не может... – Да? А вот не дам. – А че? – Как попросил, так и дала... – Ну ты даешь... – А ты еще повозмущайся, вообще можешь у меня больше ничего не просить. Если б я тебя так когда-нибудь попросила, ты бы еще хуже отреагировал».

Во-первых, к неправильному, с точки зрения правил вежливости, построению первой фразы, прибавляется один из экстралингвистических факторов – интонация говорящего, не соответствующая РЖ просьбы. Во-вторых, автор просьбы не выдержал паузу после приветствия, тем самым сделал акцент на том, что пришел только для того, чтобы попросить, получить и удалиться. В-третьих, говорящий не использовал ни один из существующих способов построения вежливого выражения: не обратился к адресату по имени, не использовал таких слов и выражений как, например, «пожалуйста», «будь добра», «ты не занята?» и т.д. Говорящий не позаботился об эффективности коммуникации, соответственно не достиг цели и заявил о себе как невежливым и невоспитанным человеке. Лица женского пола менее склонны выражать просьбу в виде императива, предпочитая использовать смягченную форму косвенного вопроса «Не могла бы ты зайти сегодня к Наташе за деньгами?». А лица мужского пола нередко на косвенную просьбу раздражаются, расценивая ее как уловку. Реакцией на подобную просьбу может стать выражения типа «А нормально/русским языком попросить нельзя?» или «А что, если я отвечу: нет, не мог бы?». В ответ на

вопрос типа «Могу я тебя попросить...» часто можно услышать шутовское «Давай, проси, разрешаю». Обратные примеры, касающиеся растолкования косвенных вопросов-просьб как прямых вопросов встречаются редко. Как правило, это проявление невоспитанности, грубости или языковая игра. Но не всегда просьба.

Иногда косвенное выражение может быть непосредственно вопросом, и расценивание его в качестве просьбы ведет к КН: «А ты могла бы обменять свою любимую фотку, ту, с пляжа, [имеется в виду художественная фотография], на диск с вальсами? – Давай, только она сейчас не у меня. – Да я и не собиралась меняться. Я просто спрашиваю, мне казалось, ты ей так дорожишь, что не променяешь ни на что на свете».

Явление вежливой (непрямой) просьбы смыкается с другими видами косвенных речевых актов, например с манипуляцией – просьбой, намеком. Этот вид КН несколько сложнее вышеприведенных. Их можно характеризовать как КН, возникающие в манипулятивных речевых актах. Сложность его заключается в том, что КН возникает, когда Слушающий разгадывает манипуляцию Говорящего, но не «выдает» себя (как в вышеприведенных примерах), а просто не подыгрывает собеседнику.

В заключение хотелось бы отметить, что сдвиги в сторону «ухудшения» смысла порождают КН, а в сторону «улучшения» – нет. Тем не менее, непонимание, так или иначе, снимается в ходе общения, беседы. В среде студенческого общения отсутствует строгое деление по возрасту или статусу, поэтому говорящему представляется возможным достигнуть намеченной коммуникативной цели посредством смены речевой стратегии или тактики, попытки понять требования к речевому общению адресата. Данная работа демонстрирует, какие недостатки общения стоит избегать.

**Сташкевич Е.А., ОГУС (Омск), соискатель
Науч. рук. Н.Г. Нестерова**

Приемы речевого воздействия в региональной радиорекламе: лексикологический аспект

Настоящая публикация представляет собой попытку выявить лексические особенности региональной радиорекламы в контексте исследования приемов речевого воздействия. Материалом для исследования послужили расшифровки радиозаписей рекламных текстов, сделанных на основе прослушивания Омских радиовещательных каналов «Радио-Сибирь», «Серебряный дождь», «Авто-радио», «Иртыш».

Наблюдения показали, что в региональной радиорекламе в качестве приемов речевого воздействия используются практически все лексические средства языка: полисемия, синонимия, антонимия

мия, гипонимия, конверсия, омонимия, паронимия. Однако, к числу наиболее своеобразных средств воздействия, на наш взгляд, можно отнести использование архаичной лексики, заимствований, фразеологизмов, сленговых единиц. Прием интимизации, который активно используется в радиорекламе, обуславливает включение в создающиеся диалоги разговорных и просторечных элементов.

Как правило, рекламодатели прибегают к этим средствам воздействия, чтобы сделать рекламу выразительной и доходчивой, иногда для создания юмористического эффекта, помогающего формированию положительного отношения к услуге, товару.

– Милая, я готов сделать для тебя всё, что ты захочешь. Возьми эти ключи. Моё сердце давно отдано тебе, и пусть моя машина тоже будет твоей.

– Дорогой, ты же говорил, что никогда непустишь меня за руль?!

Голос информатора: У Вас еще есть время, чтобы избавиться от своей машины. Потому что «Евротехцентр» – официальный дилер Фольксваген в Омске – представляет Вам новый Фольксваген Джетта. Это по-взрослому! Подробности по телефону 56-06-36.

Первая часть рекламы – диалог мужа и жены – строится в разговорно-бытовом стиле: употребляются просторечия (субстантив-вы-обращения *милая, дорогой*, разговорные штампы *мое сердце отдано тебе; все, что ты захочешь; пусть за руль*).

В поясняющей части, несмотря на общий информационный строгий стиль сообщения, содержится неожиданная рекомендация (*избавиться от машины*) и оценка (*это по-взрослому*), что усиливает воздействующий эффект.

На приеме смысловой непредсказуемости строится следующий рекламный диалог:

– Она не двигается совсем. Я-то думаю – сдохла. Палочкой в нее потыкал, а она глаз открывает – и опять дохлая! Я подумал, это они переваривают так или холодно им...

– Новый год на носу, а ты про ящериц по мобильному.

– Ха-ха. Дак, а что? У меня Tele 2.

Голос информатора: Они могут себе позволить говорить о чем угодно. Tele 2 всегда дешевле.

Наличие просторечий: *сдохла, дохлая, на носу, мобильный*; инверсионный порядок слов, эффект непредсказуемости делают рекламу нестандартной и запоминающейся.

К приемам, используемым при построении рекламных радиотекстов, на наш взгляд, можно отнести включение в радиорекламу стихотворных фрагментов:

– Кого-то любовь как в сказке находит,
К кому-то в служебном романе приходит,
И всех, кому это чувство знакомо,

Встречают в «Березке» с низким поклоном.

«Березка» – ювелирный салон для тех, кто любит и любим. Маркса, 38.

– Люб я тебе девица, аль не люб?

– Люб, батюшка, люб!

– И дедуля мой там был, и колечко мне купил!

Концепт «Березка» многозначен: с одной стороны, березка – символ Руси, России; с другой, это название связано с популярным в советское время московским валютным магазином – символом избранности, элитарности. Таким образом, в тексте сочетаются фольклорные мотивы: встреча уважаемых, желанных гостей *с низким поклоном*, наличие архаизмов *люб, аль, батюшка*, просторечия *дедуля* и современные реалии (в рекламном тексте легко прочитываются ассоциации с популярным фильмом Э. Рязанова «Служебный роман» и валютным магазином «Березка»).

В лингвистической литературе многократно отмечалось, что визитной карточкой времени стал поток в русский язык иноязычных слов, и прежде всего англицизмов. Материал свидетельствует о том, что заимствованная лексика наиболее ярко представлена в молодежной рекламе, где сочетается значительное количество заимствованных и сленговых единиц. Такое речевое поведение создателей и продуцентов рекламы обусловлено, как нам представляется, идеей избранности, «кастовости» потребителя, которому адресована реклама, поскольку у данной категории ярко выражена потребность самовыражения, отграничения от «чужих», которыми, как правило, признаются взрослые. Ср.: рекламу развлекательного центра: – *Каждую ночь в центре города кипит XL life. Три этажа праздника открыты для всех. Красногвардейская, 7. XL – весь день.*

В тексте рекламы присутствует англицизм *XL life*. XL означает самый большой из стандартных размеров одежды. Словосочетание *XL life* – метафора, обозначающая полнокровную, интересную, бурную жизнь, жизнь на все 100.

К лексическим особенностям рекламы можно отнести также использование экзотизмов – слов, характеризующих этнические особенности жизни и быта отдельных народов. – *10 февраля в 9 часов вечера вся экзотика Востока на Пятой авеню. Кейши, оригами, хайку. Пришедшим в кимано – коктейль в подарок. Арт-кафе «Пятое авеню».*

В тексте представлены экзотизмы из области японского искусства, быта: *кейши, оригами, хайку, кимоно*.

Отличительной чертой современной радиорекламы, и региональной в частности, является переструктурирование, обыгрывание, разрушение фразеологизмов и других прецедентных текстов. – *Чем сто раз рассказать о тех местах, где вы побывали, лучше один раз показать фотографии. Снимки – отличные. Проявка –*

качественная. Фотостудия «Ракурс». (Адрес); Берегите зуб молодую!; Вам это по зубам!; Лучше предупредить, чем лечить!; Капли «Светофор» – с ними можно идти в разведку.

Исследования региональной рекламы на материале Омских радиокompаний предполагается провести на всех языковых уровнях, но уже предварительные наблюдения свидетельствуют о том, что региональная специфика есть, и она разноплановая. Рекламные тексты озвучивают известные в городе люди, голоса их легко узнаваемы. К примеру, спортивные товары рекламируют спортсмены – хоккеисты команды «Авангард» и чемпионка мира по художественной гимнастике Ирина Чащина; в длительное путешествие, предваряемое приобретением всего необходимого, приглашает участник телевизионного проекта «Последний герой» Б. Иванов; медицинские препараты рекламируют известные в городе врачи-специалисты; на премьеры и спектакли приглашают артисты Омских театров. Иногда реклама звучит на фоне известных песен о городе. Привлечение к озвучиванию рекламы известных в регионе лиц, как нам представляется, является одним из эффективных приемов воздействия на радиослушателя. В этом видится как творческий подход создателей рекламы, так и условие для появления качественной рекламы.

Фащанова С.В., студ. ТГУ, 2 курс
Науч. рук. Г.И. Климовская
Устойчивые словосочетания разных частеречных, функционально- и экспрессивно-стилевых типов в русском литературном языке I половины XIX века.
На материале «Словаря языка Пушкина»

В данной работе исследуется русский литературный язык I половины XIX века в аспекте устойчивой лексической сочетаемости. При этом решается ряд задач:

- 1) выработать стратегию выборки устойчивых словосочетаний разных типов из «Словаря языка Пушкина»;
- 2) выработать технику фиксирования этого языкового материала;
- 3) подвергнуть собранный фактический материал классификации по функционально-стилевому, экспрессивно-стилевому, а также частеречному основаниям.

В итоге будет получена общая картина устойчивых словосочетаний как обязательных и ярких номинативных и номинативно-выразительных единиц русской языковой картины XIX века.

Единицей проведенного исследования пласта устойчивых словосочетаний разной структуры и стилистических качеств является устойчивое словосочетание, зафиксированное в «Словаре языка Пушкина».

Устойчивость (по составу лексических элементов и порядку их следования) определяется по факту высокой встречаемости словосочетаний в текстах А.С. Пушкина. Такое исследование было проведено коллективом авторов-составителей «Словаря языка Пушкина», выдающимися отечественными лингвистами XX в. (В.В. Виноградовым, Д.Д. Благим, И.С. Ожеговым, Б.В. Томашевским и др.). Собранный фактический материал может быть классифицирован в рамках предвставленной работы по двум основаниям: 1) по частеречной отнесенности; 2) по отнесенности к так называемой синлексики или одному из видов так называемой конлексики. Определим используемые термины.

Синлекс – составная, устойчивая (по составу и по порядку следования элементов), стилистически нейтральная номинативная единица языка, функционально равная собственно слову (земной шар, земная ось, обратить внимание, записная книжка, бассейн реки, иметь в виду и др.)¹.

Оборот речи – раздельнооформленная, устойчивая по составу и порядку следования элементов, номинативно-выразительная единица, обладающая помимо собственно номинативного значения общепонятной, отчасти приглушенной выразительностью. Обозначают отвлеченные понятия, как правило, по своей стилистической природе являются метафорами и перифразами (зов предков, игра случая, бремя славы, эхо войны, переступить черту и др.)².

Беллетризм – устойчивая, раздельнооформленная, номинативно-выразительная единица языка, выработанная и употребляемая главным образом в литературно-художественном функциональном стиле языка, обозначают конкретные факты художественной действительности (стиснуть зубы, бросить взгляд, вскочить на ноги, вскинуть брови, производить какое-либо впечатление)³.

Источником фактического материала послужил, как отмечалось, «Словарь языка Пушкина». Форма фиксации – картографирование. В ходе сбора этого материала применялся метод сплошной выборки, но с двумя оговорками: 1) если составители не отметили словосочетание как устойчивое, мы не включали его в исследование; 2) исключались собственно фразеологические единицы, т.е. фразеологизмы в узком смысле термина (см., напр., работы В.Л. Архангельского и Г.И. Климовской).

В итоге обработки фактического материала получены следующие результаты. По частеречной отнесенности наиболее употребительными оказались так называемые **вербалы** (устойчивые словосочетания, в которых стержневым словом является глагол); их приблизительно 49,5%. Приведем примеры: *допустить к руке, ис-*

пытывать счастье, исполнять должность, исключить из службы, искать слов, искать глазами, иметь при себе, заступит место, кидать взор, кинуться на шею.

Следующими в порядке убывания идут субстантивы (стержневое слово – существительное), приблизительно 30%. Они подразделяются на **субстантив-субстантивы** (сочетание: *сущ.+сущ.*), их 4,5%, и **субстантив-атрибутивы** (сочетание: *сущ.+прил.*), их 25,5%. Примеры субстантив-субстантивов: *знамение креста, долг чести, всех и каждого, дело рук, закон судьбы, корень зла, мастер своего дела, крик сердца, друг сердца, перемена в лице*; субстантив-атрибутивов: *земский суд, казенное место, святые места, чистые деньги, домашний скот, железная дорога, мертвая тишина, драгоценный камень, кислое молоко, крестная мать.*

Далее идут **адвербиалы** (устойчивые словосочетания с наречным значением); их приблизительно 12,3%. Приведем примеры: *как зеницу ока, с ног до головы, в самом деле, на этих днях, долгое время, с места на место, по исключительной воле, в скором времени, время от времени, прежде времени, крест на крест.*

И, наконец, незначительную часть составляют так называемые **предикативы** (неполные предложения); приблизительно 8,2%. Примеры: *все кончено, дело что-то не ладно, легко ли дело, нет дела, кровь закипела, сердце замерло, я-те дам, дорого бы дал, какая досада, разговор коснулся, слыхано ли дело, не твое дело, не легкая несет.*

Второе основание нашей классификации фонда устойчивых словосочетаний из «Словаря языка Пушкина» – принадлежность их к синлексике или одному из видов конлексики. Здесь обнаружались такие результаты: большинство собранных единиц составляют синлексы (приблизительно 50,5%): *белая горячка, белый стих, зрелый возраст, заглавная буква, земной шар, законная часть, заднее крыльцо, классическое образование, печатный лист, играть роль* и т.д.

Далее идут обороты речи (приблизительно 32,7%): *с малых лет, с ног до головы, беречь как зеницу ока, привести в действие, запереть на ключ, держаться на ногах, довести до сведения, исполнять должность, брать на себя, застать в живых.*

Беллетризмы составляют приблизительно 17,3%: *кровь закипела, сердце замерло, в одно мгновение, в скором времени, залиться слезами, искать глазами, лишить жизни, кидать взор, дать волю, дать ход.*

Третьим основанием для классификации пласта устойчивых словосочетаний из «Словаря языка Пушкина» является их хронологическая характеристика. Устойчивых словосочетаний, отмеченных и в современном русском языке, приблизительно 83,2%: *слоновая кость, каждый раз, каждый день, лежать на совести, драгоценный камень, брать аккорды, дать цену, пустить в дело,*

мастер своего дела. Затем идет группа устойчивых словосочетаний, отмеченная знаком полплюса. То есть такие единицы используются в языке, но либо в частично измененной форме, либо с другим значением. Их приблизительно 11,4%: *крепкой сон, чистые деньги, записаться в службу, присутственное место, не чувствовать под собой земли, задохнуться со смеху, бить в ладони*.

Еще меньшую часть составляют историзмы, то есть словосочетания, обозначающие исчезнувшие реалии жизни. Их приблизительно 5%: *аспидная доска, таможенная застава, кланяться в пояс, засвидетельствовать почтение, допустить к руке, дворянская грамота, господский двор, недвижимое имение, земский суд*.

В заключение следует отметить, что 1) устойчивые словосочетания всех отмеченных разновидностей уже в языке XIX века составляли значительную часть номинативного состава русского языка; 2) А.С.Пушкин сумел отобрать из современного ему языка все наиболее ценные и актуальные составные номинативные единицы, использовать в своих текстах разных жанров и тем самым открыть им дорогу в последующие этапы развития русского литературного языка.

Примечания

¹ Климовская Г.И. Субстантив-атрибутивная синлексика современного русского языка. – Томск, 1978. – С. 15.

² Климовская Г.И. Оборот речи как композитивная номинативно-выразительная единица русского литературного языка // Актуальные проблемы русистики. – Томск, 2003. – Вып.2. – Ч.1. – С. 183-191.

³ Там же.

Цимфер Н.В., аспирант ТГУ Науч. рук. О.И. Блинова *Мотивационно-сопоставительный аспект анализа названий мясных продуктов питания в русском и немецком языках*

Сопоставление эквивалентных лексических единиц на уровне тематических групп двух языков даёт интересные материалы, иллюстрирующие особенности мышления народов – носителей языка, специфику восприятия людьми – носителями разных языков окружающего их материального мира, реалий внеязыковой действительности и специфику отражения этого восприятия в языковых знаках.

Анализ типов мотивированных слов в зависимости от средств создания их мотивированности позволяет увидеть специфику явления мотивации каждого языка, обнаруживая при этом как сходства, так и различия.

Типы мотивированности слова принято выделять в зависимости от способа и средства его мотивировки. Способ мотивировки определяется соотносённостью слова с языковой или внеязыковой действительностью, чем обуславливается соответственно относительный и абсолютный типы мотивированности слов. Средством создания мотивированности могут выступать фонемы, морфемы и слова¹.

При анализе типов мотивированности лексических единиц в данной работе применялся прием интроспекции.

В процессе исследования 21-ого наименования мясных продуктов питания и колбасных изделий, существующих в современном русском языке, в сопоставлении с названиями этих же изделий в современном немецком языке были получены следующие результаты.

С точки зрения происхождения, рассмотренные слова делятся на две группы: исконные и заимствованные.

Среди представленной 21-ой лексической единицы в русском языке 9 являются исконными. Только одно слово *мясо* имеет индоевропейское происхождение. Остальные лексические единицы исконного славянского происхождения хронологически делятся на две подгруппы: славянские образования, возникшие в результате семантической инновации, и собственно русские новообразования.

На синхронном уровне 5 лексических единиц воспринимаются как мотивированные (*жаркое, биток, студень, холодец, дичь*), 1 лексическая единица – как немотивированная (*сало*) и 2 лексические единицы – как частично мотивированные (*ветчина, окорок*).

По данным диахронного анализа 3 лексические единицы подверглись процессу демотивации (*сало, ветчина, окорок*). Остальные 5 лексических единиц (*жаркое, биток, студень, холодец, дичь*) сохранили свою мотивированность.

Среди исследованных названий мясных продуктов питания современного русского языка больше половины составляют заимствования (11 лексических единиц из 21).

У слова *сардель(ка)* в середине XX века произошёл перенос значения с наименования рыбы на обозначение толстой короткой сосиски.

Остальные слова сохранили значения, бывшие у них при заимствовании. При этом 3 лексические единицы воспринимаются как немотивированные (*фрикасе, салями, шпик*), а 7 – как частично мотивированные (*котлета, сосиска, паштет, фрикаделька, шинцель, ромштекс, сервелат*).

В исследованной лексической группе есть также одно слово неясного происхождения (*колбаса*), которое с древнерусского периода так и осталось немотивированным.

Рассмотренным названиям мясных продуктов питания в современном немецком языке соответствует 22 лексические единицы.

Немецкие наименования мясных продуктов питания также можно разделить на исконные и заимствованные. Для исконной лексики в немецком языке (9 лексических единиц из 22) характерно то, что ни одно слово не имеет индоевропейского происхождения. Лексические единицы исконного германского происхождения хронологически делятся на две подгруппы: германские ареальные образования, возникшие в результате семантической инновации, и собственно немецкие новообразования.

На синхронном уровне 6 лексических единиц воспринимаются как мотивированные (*Wurst, Schinken, Würstchen, Bockwurst, Fleischkøse, Schnitzel*) и 3 лексические единицы – как немотивированные (*Fleisch, Speck, Sülze*).

По данным диахронного анализа 3 лексические единицы подверглись процессу демотивации (*Fleisch, Speck, Sülze*) и 2 лексические единицы подверглись процессу ремотивации (*Wurst, Bockwurst*). Остальные 4 лексические единицы (*Schinken, Würstchen, Fleischkøse, Schnitzel*) сохранили свою мотивированность.

Заимствования в немецком языке составляют половину рассмотренных названий мясных продуктов питания (11 лексических единиц из 22).

У слова *Eisbein* в нововерхненемецкий период произошёл перенос значения с наименования костей бедра и таза на обозначение половины задней части туловища домашнего животного, а затем на обозначение блюда из свиного окорока. Первая часть слова *Eisbein* со времени заимствования претерпела фонетические изменения и стала омонимична слову *Eis* «лёд», что привело к ремотивации слова.

Остальные слова сохранили значения, имевшиеся у них при заимствовании. При этом 6 лексических единиц воспринимаются как немотивированные (*Pastete, Frikasse, Bulette, Salami, Frikadelle, Klops*), а 4 – как частично мотивированные (*Zervelatwurst, Rumpsteak, Kotelett, Mettwurst*).

В исследованной лексической группе имеются также слова неясного происхождения (*Braten, Wildbret*). Тем не менее, слово *Braten* с древневерхненемецкого периода подверглось процессу ремотивации в связи с тем, что в результате фонетических изменений стало омонимично глаголу *braten* «жарить». Вторая часть слова *Wildbret* с древневерхненемецкого периода подверглась процессу демотивации, поэтому на синхронном срезе слово *Wildbret* воспринимается только как частично мотивированное.

Характерно, что на мотивированность слова влияет тот факт, исконным или заимствованным оно является. Подавляющее большинство заимствованных лексических единиц – немотивированные, а если мотивированные, то только структурно. У единственного из рассмотренных заимствований слова *Eisbein* полная мотивированность объясняется произошедшими фонетическими изменениями, позволившими соотносить его с существующим в исконной лексике словом.

Все рассмотренные слова характеризуются относительным типом мотивированности.

Полная мотивированность исконных лексических единиц в русском и немецком языках реализуется в зависимости от наиболее характерных способов словообразования в данных языках. Результаты исследования показывают, что в рассматриваемых языках наиболее характерным способом словообразования для данной тематической группы является аффиксация, обуславливающая преобладание морфологического типа мотивированности, позволяющего увидеть структуру слова и осознать его значение через значение составляющих компонентов.

Соотношение мотивированных и немотивированных слов таково: 71,4% – 28,6% в русском языке и 59% – 41% в немецком языке. Этот факт говорит о тенденции к мотивированности языкового знака, действующей в этих языках с большей интенсивностью, чем тенденция к произвольности языкового знака, что свидетельствует о сходстве восприятия внеязыковой действительности в области продуктов питания и пищи носителями русского и немецкого языков. Этот вывод подтверждают и отдельные лексические единицы, при обозначении которых использовался один и тот же принцип номинации, например: *сало* в русском языке – изначально «то, что осело на мясо» и *Speck* в немецком языке – изначально «то, чторосло на мясо».

Примечания

¹ Блинова О.И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект: Учебное пособие для студентов филологических факультетов. – Томск, 1984. – 192с.

Черепанова М., ТюмГУ *Динамика развития лексического состава говора д. Коптилы Вагайского района Тюменской области*

Настоящий доклад посвящен изучению динамики развития лексического состава одного говора на материале словарного состава двух его носителей, которое позволяет не только проследить изменения, но и, тем самым, зафиксировать его основные черты, что особенно актуально в период прогрессирующей утраты народного языка. Результатом исследования стало составление дифференциального комплексного словаря диалектных личностей с описанием его в системном плане (тематика, собственно системные отношения, такие как синонимия, омонимия, антонимия, полисемия) и характеристикой входящей в него лексики с точки зрения отнесенности её к активному либо пассивному запасу идиолектов.

Объектом данного исследования служит собственно диалектная лексика, диалектная фразеология, авторские окказионализмы и прецедентные тексты фольклорного происхождения, встречающиеся в речи двух конкретных носителей одного диалекта: Птичиной

Александры Захаровны, 1923 г.р., и Черепановой Валентины Антоновны, 1949 г.р., уроженок д. Копотилы Вагайского района Тюменской области. Материал был собран методом включенного наблюдения в период 2001-2005 гг. Информанты, хотя и являются носителями диалекта, но, в силу социальных причин, владеют им не в равной степени: Александра Захаровна является типичным традиционным носителем диалекта (большую часть своей жизни провела в деревне, ей не удалось закончить даже начальную школу), Валентина Антоновна же владеет говором в форме литературно-диалектной разновидности (покинула деревню в возрасте 15 лет, получила высшее медицинское образование). Валентине Антоновне можно присвоить статус носителя полудиалекта. Для возможности анализа динамики развития лексического состава говора необходимо на материале дифференцированного комплексного диалектного словаря проследить изменения в объёме и характере лексических средств, являющихся достоянием словарного состава носителей диалекта.

Типичная статья в диалектном словаре дифференциального типа должна включать в себя следующие пункты: а) заглавное слово, б) грамматические, стилистические и другие пометы, в) толкование значений, г) иллюстративные примеры (в упрощённой транскрипции). Статью дифференциального комплексного диалектного словаря целесообразно, на наш взгляд, дополнить как за счёт приведения иллюстративных примеров из речи обоих информантов, так и за счёт характеристики слова с точки зрения его принадлежности к активному либо пассивному запасу идиолектов. В результате словарная статья может быть представлена в следующих вариантах:

1. В лексическом составе одного из информантов слово полностью отсутствует.

ДОКУЛЬ. До каких пор. *Тебе докуль подол-от обрезать?* (акт.з.) [А.З.]

ДИВЬя ТЕПЕрЬ. Нареч. хорошо, просто. *Дивья теперь празновать: пошел всего и купил.* (акт.з.) [В.А.]

2. В лексическом составе одного из информантов отсутствует одно из значений, имеющееся у слова в лексическом составе другого информанта, либо слово обладает дополнительным значением.

ЗА ЗДорОВО ЖИВЁТЕ. 1. Бесплатно (акт.з.) [А.З.] 2. Просто так (акт.з.) [А.З.] [В.А.] 1. *А куфайка-то мне так досталась – за здорово живете!* [А.З.] 2. *Ты вот с им за здорово живёшь – я бы так не стала!* [А.З.] *Манька-то с им чё ли так, за здорово живёт? Он ить спасибо не скажет!* [В.А.]

Постановка акцента при характеристике диалектного слова как достояния активного или пассивного запаса предоставляет возможным провести анализ и оценку процесса развития словарного состава говора. Целесообразность такого типа словаря подтверждает-

ся целью его составления: проследить динамику развития диалекта, что возможно при сравнительном анализе словарного состава минимум двух языковых личностей.

Вслед за В.Д. Лютиковой и Е.В. Иванцовой¹ к пассивному запасу диалекта мы относим недостаточно освоенные новые слова, устаревшую лексику, лексику, используемую информантом при цитации чужой речи и окказионализмы, а к активному – полностью освоенную новую лексику и лексику, не маркированную по признакам «своё – чужое», «новое – устаревшее».

При анализе лексического состава говора выяснилось:

- граница между активным и пассивным запасами обладает зыбким характером, т.е. лексика способна переходить из активного запаса в активный, и наоборот;

- одни и те же лексические средства могут относиться к активному запасу у одного диалектоносителя и к пассивному у другого (например, тематический пласт лексики, обозначающий особенности ткацкого ремесла, принадлежит к активному запасу традиционного носителя говора и к пассивному у носителя полудиалекта).

Если рассматривать прецедентные тексты фольклорного происхождения как достояние идиолектов рассматриваемых языковых личностей, то их также можно характеризовать с точки зрения отнесённости к активному либо пассивному запасу идиолекта. При этом наблюдается значительное доминирование фольклорного потенциала традиционного носителя говора и в качественном, и в количественном плане:

- носитель полудиалекта владеет лишь 40% фольклорного материала по сравнению с традиционным носителем,

- более 50% фольклорного потенциала носителя полудиалекта относится к пассивному запасу,

- фольклорные единицы образных средств, традиционный же носитель легко и непринуждённо воспроизводит в своей речи прецедентные тексты фольклорного происхождения.

Таким образом, в говоре можно наблюдать следующие явления:

- явление литературно-диалектной диглоссии у одного из носителей,

- уровень владения фольклорным материалом у диалектоносителей неодинаков (у традиционного носителя диалекта и фольклорный потенциал более богат и разнообразен, чем у носителя полудиалекта),

- способность к речетворчеству у традиционного носителя диалекта гораздо более представлена, чем у носителя полудиалекта.

Основываясь на данных дифференциального комплексного диалектного словаря (количественное соотношение (583 единицы – в идиолекте В.А., 1025 единицы – А.З. соответственно), принадлежность лексики к активному (пассивному) запасу: 66% лексики, до-

стояния идиолекта В.А., принадлежит к активному запасу (57 % у А.З. соответственно)), мы считаем возможным охарактеризовать процесс развития говора как регрессирующий.

Примечания

¹Лютикова В.Д. Языковая личность и идиолект. Монография. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1999. – С. 55; Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. – Томск: Изд-во ТомГУ, 2002. – С. 68.

Шабалина А.Н., Беловский институт КемГУ, преподаватель *Семантический критерий направления производности*

Системно-структурный подход предлагает организацию гнезда однокоренных слов, основываясь на принципе формально-семантической выводимости (А.Н. Тихонов и его ученики – на материале русского языка; П.А. Соболева и ее ученики – на материале английского языка). Деятельностный подход при этом учитывает функциональные роли денотатов в бытийной ситуации: субъекта или агенса, характеризующегося активным началом (*S*), предиката, обозначающего действие (*P*), объекта, на который направлено действие (*O*), инструмента или средства, при помощи которого выполняется / осуществляется действие (*I*), процесса протекания действия (*R_o*), результата или цели действия (*R*), локатива или места, где происходит действие (*L*) и времени протекания действия (*T*). Предложенные функциональные роли производящих и производных определяются структурой деятельности человека, естественное членение которой предполагает наличие вышеперечисленных членов / участников бытийной ситуации.

Одна из проблем, которая возникает при формально-семантическом оформлении гнезда – определение направления производности в парах *глагол-существительное*, образованных по конверсии. Для решения данного вопроса предлагается ряд критериев: словопорождающей силы омонимов, частотности употребления, семантической наполненности и другие. Г.Б. Антрушиной и П.М. Каращук был разработан семантический критерий, определяющий зависимость направления производности от значения производящего слова. В данном исследовании содержание семантического критерия рассматривается в его соотношении с функциональными ролями, которые выполняют однокоренные слова, основываясь на словообразовательно-пропозициональном значении производных.

По справедливому замечанию О.И. Блиновой на заседании секции «Актуальные проблемы современной и исторической лексикологии», при рассмотрении отношений между однокоренными словами на синхронном уровне следует говорить не о направлении

производности, а о направлении мотивационных отношений. Диахронное словообразование предлагает ответ на вопрос, когда и как было образовано слово, раскрывает этимологию слова, указывая отношения производности. Синхронный подход рассматривает готовые лексические единицы, функционирующие в современной речи и языке. Часто результаты диахронного и синхронного подходов к исследованию отношений между словами не совпадают, что определяется рядом процессов, действующих в языке: демотивация (потеря производным словом ранее существовавших связей с производящим словом), ремотивация (восстановление или приобретение словом мотивации), расхождение сфер функционирования ранее однокоренных слов, устаревание и выход из обихода производящего слова и т.д. Таким образом, вслед за О.И. Блиновой, мы считаем термин «направление производности» не вполне корректным, однако не исключаем возможность его использования при цитировании результатов исследования грамматических омонимов на основе семантического критерия.

Первый семантический критерий, выделенный Г.Б. Антрушиной, позволяющий представить направление производности N ® V «существительное называет инструмент или орудие, глагол обозначает действие, выполняемое этим инструментом»¹, определяет предикатно-инструментальные (P – I) отношения между существительным и глаголом. Функциональный критерий расширяет рамки указанного семантического критерия, включая в понятие инструментальной функции любое средство (артефакт, натурфакт), использование которого обуславливает данную предикацию. Так, существительное *oil* (*масло*) указывает на средство, при помощи которого возможно выполнение действия *oil* (*смазывать, пропитывать маслом*). Подобным же образом выстраиваются отношения в парах: *fund* (*фонды, денежные средства*) и *fund* (*финансировать*), *turf* (*дерн*) и *turf* (*покрывать дерном*).

Второй семантический критерий «существительное называет часть человеческого тела, глагол обозначает осуществляемое ею действие» с точки зрения выполняемых омонимами функций также указывает на предикатно-инструментальные (P – I) отношения между существительным и глаголом. Функциональный критерий позволяет расширить семантику производящих, называя не только части тела человека, но и животного. Например, в паре *nose* (*нос*) – *nose* (*нюхать, обнюхивать*) существительное обозначает часть тела человека, а в паре *tusk* (*клык*) – *tusk* (*ранить клыком, рыть землю клыком*) существительное обозначает часть тела животного.

Третий семантический критерий «существительное содержит наименование профессии или рода занятий – глагол обозначает типичную для этого занятия деятельность» сопровождается следующим иллюстративным материалом: *nurse* (*сиделка, медсестра*) ® *to nurse* (*ухаживать за больным, быть сиделкой, медсестрой*),

cook (*кухарка, повар*) ® **to cook** (*стряпать, готовить пищу*). В данных парах прослеживаются отношения субъекта действия и предиката. Однако функциональный критерий не ограничивает понятие субъекта только лицом по профессии, а включает в него любое одушевленное лицо, группу лиц, неодушевленный предмет (артефакт, натурфакт). Так, существительное **pilgrim** (*паломник*) обозначает лицо без какой-либо профессиональной соотнесенности, глагол **pilgrim** (*совершать паломничество*) обозначает действие, свойственное названному субъекту. Существительное **people** (*люди, население*) называет группу лиц, глагол **people** (*населять, заселять*) определяет генетически и социально свойственное данному субъекту действие.

Четвертый семантический критерий «существительное обозначает наименование места – глагол обозначает процесс занимания этого места или помещения чего-либо или кого-либо в это место» предлагает следующие примеры: **room** (*комната, квартира*) ® **to room** (*жить на квартире, занимать комнату*), **table** (*стол*) ® **to table** (*класть, ставит на стол что-л.*). Указанные пары слов вступают в отношения локатива или места и связанного с ним действия, причем с точки зрения функционального критерия глагол не всегда обозначает процесс «занимания» или «помещения». Так, существительное **pulpit** (*кафедра проповедника*) определяет место, с которого читается проповедь (*ср. pulpit (проповедовать, читать проповедь с кафедры)*).

Пятый семантический критерий «существительное содержит наименование емкости, сосуда, вместилища – глагол обозначает действие помещения чего-либо внутрь вместилища» сопровождается следующими примерами: **bottle** (*бутылка*) ® **to bottle** (*наливать в бутылку, хранить в бутылке*), **pocket** (*карман*) ® **to pocket** (*класть в карман*), которые, с точки зрения функционирования денотатов в бытийной ситуации, также можно рассматривать как отношения локатива или места и связанного с ним действия.

Шестой семантический критерий «существительное обозначает название приема пищи – глагол обозначает процесс принятия пищи» предполагает отношения предиката и объекта с точки зрения их функциональных ролей в пропозиции: **supper** (*ужин*) ® **to supper** (*ужинать*). Подобные отношения наблюдаются при рассмотрении семантического критерия, который был выделен П.М. Каращук «существительные называют конкретный предмет – глагол обозначает действие, которому подвергается предмет»: **trout** ® **to trout** (*ловить форель*)² Функциональный критерий под объектом подразумевает любой предмет (натурфакт, артефакт), на который может быть направлено действие. В подобные отношения вступают следующие пары грамматических омонимов: **psalm** (*псалом*) и **psalm** (*петь псалмы*), **nut** (*орех*) и **nut** (*собирать орехи*), **tyre** (*шина, покрышка*) и **tyre** (*надевать шину (на колесо)*).

Особое внимание следует уделить критерию «существительное называется животное, глагол обозначает действие или аспект поведения, который рассматривается как типичный для данного животного»: **wolf** (*волк*) ® **to wolf** (*заглатывать пищу с жадностью*), **fox** (*лиса*) ® **to fox** (*действовать ловко, хитро, обманывать*), где существительное и глагол вступают в субъектно-предикатные отношения. Но не все случаи настолько однозначны. Семантическое наполнение глагола и существительного, являющееся результатом внутрисловной и межсловной деривации, предлагает большое разнообразие выстраивающихся отношений. Так, от значения существительного **pig** (*свинья, свиноматка*) в результате межсловной деривации развивается значение глагола **pig** (*пороситься*), а в результате внутрисловной деривации – значение **pig** (*неряха, грязнуля*), которое в свою очередь способствует развитию нового значения у глагола **pig** (*жить по-свински, в грязи, в тесноте*). Функциональные отношения соотносимых лексико-семантических вариантов **pig** (*свинья, свиноматка*) ® **pig** (*пороситься*) и **pig** (*неряха, грязнуля*) ® **pig** (*жить по-свински, в грязи, в тесноте*) представляют субъектно-предикатные отношения, однако, вторая пара лексико-семантических вариантов существительного и глагола не может быть определена рассматриваемым семантическим критерием.

Глагол **to horse**, мотивированный существительным **horse** (1) *лошадь, конь*; 2) *жеребец, мерин*), развивает следующие значения: 1) *поставлять лошадей*, 2) *запрягать (лошадей)*, 3) *садиться на лошадь, вскочить на коня*, 4) *покрывать (кобылу)*. Первые три значения глагола развиваются от первого значения существительного и отражают предикатно-объектные отношения производящего и производного. Последнее значение глагола развивается от второго значения существительного и отражает субъектно-предикатные отношения между лексико-семантическими вариантами. Таким образом, мы видим, что глагол и существительное своими значениями могут вступать в различные функциональные отношения, которые, тем не менее, не нарушают направления мотивации N ® V от существительного к глаголу. Приведенный пример еще раз подтверждает мысль о том, что не все лексико-семантические варианты анализируемых слов могут подходить под один семантический критерий.

Существительные, обозначающие животных, наряду с субъектно-предикатными отношениями: **dog** (*собака, пес*) ® **to dog** (*ходить по пятам, выслеживать; преследовать*), также могут вступать в предикатно-инструментальные отношения: **dog** (*собака, пес*) ® **to dog** (*травить собаками*), что также не нарушает направления мотивации N ® V, так как предикатно-инструментальные отношения указывают на направление мотивации от существительного к глаголу.

Семантический критерий, определяющий производность (по терминологии Г.Б. Антрушиной и П.М. Карашук) от глагола к существительному, представляется менее разработанным и предлагает следующие основные семантические классы: глаголы движения (*to jump* ® *a jump*, *to step* ® *a step*); глаголы коммуникации (*to chat* ® *a chat*, *to talk* ® *a talk*); глаголы действия (*to cut* ® *a cut*, *to break* ® *a break*). На наш взгляд, предлагаемая классификация является не точной, так как класс глаголов действия: 1) естественным образом включает глаголы движения и глаголы коммуникации; 2) включает множество других семантических классов, особо не выделенных в данной классификации. Однако анализ представленных примеров пар существительных и глаголов с точки зрения функционирования их денотатов в бытийной ситуации позволил нам выделить критерий, на основе которого все они могут быть отнесены к словообразовательной модели V ® N.

Отношения, в которые вступают глагол и существительное, можно определить как предикатно-процессуальные и предикатно-результативные. Действительно, существительное **jump** (*прыжок, скачок*) обозначает процесс протекания действия и одновременно его результат (ср.: **to jump** (*прыгать, скакать*)); существительное **talk** (*разговор*) обозначает процесс протекания действия, выраженного глаголом **to talk** (*разговаривать*); существительное **cut** (*разрез, порез*) обозначает результат действия, выраженного глаголом **to cut** (*резать*).

Семантическая отнесенность мотивирующего глагола может быть разнообразной: начиная от физического воздействия на предмет до интеллектуальной деятельности. Так, в предикатно-процессуальные отношения вступают пары: **nurture** (*воспитывать, обучать*) и **nurture** (*воспитание, обучение*); **notice** (*замечать, обращать внимание*) и **notice** (*внимание*). В предикатно-результативные отношения вступают пары: **plan** (*составлять план, планировать*) и **plan** (*план*); **quilt** (*стегают, подбивать ватой, прошивать, простегивать*) и **quilt** (*стеганое одеяло, лоскутное одеяло*); **fray** (*протирает, изнашивать*) и **fray** (*протершееся место*). Лексико-семантические варианты некоторых существительных содержат указание как на процесс протекания действия, выраженного глаголом, так и на результат действия. Так, существительное **furl** обозначает процесс (*свертывание*) и результат (*сверток*) действия, выраженного глаголом **furl** (*завертывать, свертывать*); существительное **wriggle** обозначает процесс (*изгибание, выгибание*) и результат (*изгиб, извив*) действия, выраженного глаголом **wriggle** (*извиваться, изгибаться*); существительное **fold** обозначает процесс (*сгибание*) и результат (*складка, сгиб*) действия, выраженного глаголом **fold** (*складывать, сгибать*).

Таким образом, представленный нами функциональный критерий определения направления мотивационных отношений для грамматических омонимов: 1) снимает узкие рамки семантического критерия, который охватывает лишь небольшую часть лексики, и, следовательно, не способен являться основой для разграничения всех случаев; 2) позволяет учитывать не только отдельные значения слов, но всю совокупность лексико-семантических вариантов глагола и существительного. Функциональный критерий указывает направление мотивационных отношений: 1) N @ V, если анализируемые существительное и глагол вступают в отношения: субъекта и предиката, предиката и объекта, предиката и инструмента, предиката и локатива, предиката и времени протекания действия; 2) V @ N, если анализируемые существительное и глагол вступают в отношения: предиката и процесса протекания действия, предиката и результата действия. Представленные основания позволяют нам говорить об универсальности предложенного критерия, так как он разрешает определять направление мотивационных отношений в парах существительное – глагол любой семантической наполненности.

Примечания

¹ Антрушина, Г.Б. Лексикология английского языка / Г.Б. Антрушина, О.В. Афанасьева, Н.Н. Морозова. – М., 1999. – С. 92.

² Карашук, П.М. Словообразование английского языка / П.М. Карашук. – М., 1977. – С. 19.

Шевляков А.В., аспирант ТГУ **Науч. рук. Е.В. Иванцова** *Антропонимы в метаязыковом сознании* *диалектоносителя*

Языковое сознание активно изучается в целом ряде областей современного языкознания – психолингвистике, лингводидактике, лексикологии и т.д. Особенности показаний языкового сознания имеют немаловажное значение в антропологической лингвистике. По определению А.Н. Ростовской, языковое сознание в общих чертах – это «... механизм регуляции человеческих отношений с миром посредством языка»¹. Одной из форм выражения языкового сознания служит метатекст, т.е. «высказывание, содержащее суждение говорящего о языке»².

В настоящее время обычно изучается коллективное языковое сознание носителей русского национального языка. Предметом изучения в таких исследованиях служит преимущественно нарицательная лексика. Языковое сознание индивида является почти не исследованным. Отдельные наблюдения в этой сфере имеются в работах А.Н. Ростовской (представлена языковая характеристика не-

скольких носителей сибирского говора), Е.В. Иванцовой и В.Д. Лютиковой (рассматриваются формы выражения метаязыкового сознания у конкретных диалектоносителей). Целью настоящего исследования является описание проявлений метаязыкового сознания одного диалектоносителя в антропонимике. Некоторые наблюдения над проявлением метаязыкового сознания индивида в сфере именования лиц были сделаны Е.В. Иванцовой.

Материалом послужили записанные в условиях непринужденного общения тексты одного диалектоносителя – В.П. Вершининой, 1909 г.р., малограмотной жительницы с. Вершинино Томской области, и приложение «Антропонимы» к «Полному словарю языковой личности» под ред. Е.В. Иванцовой (рукопись).

I. Языковое сознание, как отмечает Е.В. Иванцова, может проявляться в явной и скрытой формах. Явные проявления языкового сознания реализуются в рассуждениях информанта о языке, провоцируются прямым или косвенным вопросом собирателя. Маркерами в данной ситуации служат глаголы речи (звать, называть, называться, говорить, сказать): *У Ага 'ни-то больша' квартира-то, они живут, с ей вместе, трёхкомнатна у их. Ага 'ня она вобще-то, они её Анной зовут.* Скрытые показания языкового сознания прямо не реализуются в развернутых суждениях о языке, хотя и отражают представления говорящего. Скрытые показания реализуются только в спонтанной, естественной речи. Маркерами служат интонация, понижение/повышение тона голоса, жесты, мимика, поправка при оговорках и т.д.: *А это... она вышла взагмуж, эта Лида... «Лида» говорю! Лариса. Лариска её зовут.* Явные формы проявления метаязыкового сознания диалектоносителя в сфере имен собственных отмечены чаще, чем скрытые. Последние немногочисленны и обычно присутствуют в сочетании с явными, как правило, в сочетании с осознанием употребления нарицательной лексики.

II. Антропонимы в показаниях метаязыкового сознания оцениваются диалектной языковой личностью с учетом формы того или иного имени, характера функционирования данного имени, соблюдения или нарушения нормы его употребления. Оценка подлежат:

1) изменение паспортного имени при назывании (*У Аганьки, они её Анькой зовут, а я Аганькой*);

2) нетипичная форма именования (для именования женщины используется форма, характерная для называния мужчины: *Та Александра Мефодьевна, а эта Графида Мефодьевна – Саней звали, «Саня»; Саня-то эта была – они звали «Саней» - Александра Мефодьевна, Физе Васильевнина мать*);

3) выбор формы имени с нарушением нормы:

а) именование взрослого человека ласкательным «детским» именем (*И меня Василий [брат], пока не умер, всё Верунькой звал – так привык, а Верунькой звали. Я уж, поди – сколько мне лет было, пиисят, наверно, всё «Верунькой» звал*);

б) именование невзрослого полным именем (*Ну и сёдня говорю Сергею: «Сергей», - всё зову Сергеем его [подростка, сына племянника], ага, я говорю: «Сергей, ты меня свози туды!»; Я говорю: «Коля, как его... Сергей, ты меня свози... - привыкла, так Сергеем зову его, не зову ни «Серёжка», ни «Серёжа», - Сергей, - говорю, - ты меня свози на это, на картошки на мотоцикле»;*

в) именование ровесника как более старшего (*А сам, как пригонит коров, так бежит [за вином]: «Пошёл до тётки Поли». [Усмехается]: «До тётки Поли» - сам чуть не с ей одногодочек;*

г) именование взрослого как ровесника (*А он это, заходит и говорит: «Папа?» [на фотографии]. Я говорю: «Нет, это дядя Миша». - «Мися? Мися?» Я говорю: «Зови дядя Миша». - «Мися!» А потом на меня говорит: «Ве'я?» Я говорю: «Зови баба Вера». - «Вея! Кофе'тки дай, кофе'тки!»;*

4) стилевая уместность формы имени при назывании:

а) именование лиц близкого возраста с суффиксом -К-, расценивающееся как неуважительное (*Н.Н. На Вальку и то [нёс] лаёт, ёлки. В.П. На кого? Н.Н. На нашу Вальку. В.П. Ну ты уж не зови «Валька»-то. Зови «Валентина». Пошто' «Валька»-то? Тридцать пять лет. Тридцать пять лет бабе - всё «Валька». «Генка» да «Валька»;*

б) неформальное именование близкого человека с суффиксом -ЮХ-, расценивающееся как фамильярное (*«Пойду я... я Катюхе позвонил» - не зовёт ни «Катя», ни «Катерина» - «Катюхе позвонил»;*

в) именование с употреблением пейоративных форм, расценивающееся как отклонение от этикетных норм (*Ну и вот, и... а они, Федосьюшка, свекровь-то моя, - Федосьюшкой называю её! Худо-го-то она мне ничё не делала, а из-за Степана так зову);*

г) различное именование человека при очном / заочном назывании (*А его Ильёй зовут, а в глаза-то Иглей. За глаза-то Ильё... Илья... ну куда и Игля назовут);*

д) ошибочный выбор формы имени, не соответствующий реальности (*Я ему: «Кака баба Шура-то? Баба Вера, говорю»;*

5) выбор формы имени при назывании ребенка. Имена оцениваются как часто / редко встречающиеся, модные / немодные. Информант отрицательно относится к именованию детей именами родителей, редкими и труднопроизносимыми именами (*И так прямо много всяких имя'н. «Анна» дак вовсе много. А Ива'нов, дак я не знаю, прям ши'бко много. А Коля гыт, Лекса'ндров всех больше - а Лекса'ндров мало в календаре. [И Коль много.] И Ко'лев тоже, угу. А тут таки' имена, дак даже я выговорить не могу. [У вас тоже были: Селифон...] Селифон. Селифон Иваныч был, надо же! А Еро'ния была, Николаевна - у этого... у Степана тётка. А потом... кто, Еропия Николаевна, Кирилл Николаевич, ну это тоже чеча'с дают Кириллом, а раньше-то... Я не люблю [это имя]. Ки-*

рилла Николаевич, Данила Николаевич, Опе'н Николаевич, Мирон Николаевич - от сколько таки', Никанор Ивановч - это сродный и'хний, Макар - это всё и'хня родня была. Нет, у нас таких не было имён. Ну, Прокофий, правда [звали отца В.П.] - оно тоже како'-то немо'дно имя тако'. [Коля хотел так внука назвать.] Ага. Я говорю: «О'споди, зачем?»; Дак тоже, а у их дети - Христи'ня да Никита. Я говорю: имена-то каки' дают! Худы'; У нас у Люды муж Толя, они сын родился, они тоже Толей дали, Анатолий Натол'льич. Ни к чему; Две Анны дали - неужели имено'в больше нет?); отрицательно диалектоносителем оценивается фоника некоторых имен (Я говорю: «Не могли меня [назвать] - там Вера, Надежда, Любовь. Надя бы назвали, ли Люба». Мне не гля'нется [имя «Вера»]. Теперь мало дают. Ста'ры имена мало дают; «Даша» дак кажется ласково, а как «Дарья», так кажется грубовато; Данилой назвали ~. А это... Я говорю: «Хрести'ть хоче... хо'чете, - говорю, - это? А мне не гля'нется ваше имя». ~ Я говорю: «Ну, хоть как-нибудь бы дали. Кирилл бы дали, и то бы лу'чче»);

б) особенности именования с использованием отчества:

а) именование только по отчеству, являющееся нетипичным для языкового коллектива, представителем которого информант (Вот называют там «Антоновна» - Лизавета Антоновна - «Антоновна», «Тимофевна, Якимовна», снохи если - «Александровна»; У нас была, гыт, свекровь - её «Ефимовна» всё звали: «Ефимовна»; А Володина мать Листратьевна была, Авдотья Листратьевна. Её всё «Листратьевна» звали);

б) уважительное именование по имени, отчеству, отвечающее нормам речевого этикета (Да какой же он славный был! Царствие ему небесное! Только через порог переступлю, он сразу стул берёт: «Садись Вера Прокофьевна, Вера Прокофьевна» - навелигчиват меня);

7) особенности именования с использованием прозвища:

а) наследование представителями младшего поколения семейных прозвищ старшего поколения (А вот Гордей - был отец Гордей, и это, и час Вовка, и эти Гордеи, так и зовут);

б) мотивировка происхождения прозвища (Построил, нагнял, Сергей Лысый... А он никого, какой-то, видно, лысый был, его так «Сергей Лысый» звали);

в) именование по прозвищу, расценивающееся как отклонение от норм речевого этикета (Я её зову «Нина Васильевна». Ну не буду я звать «Лабугжиха», как люди. Мне неудобно; «А у меня была Демчушка» - она так её называют, Демчукову-то);

8) искажение фамилии именуемого (От и... Шевандрадзе - от я разе... я не могу выговорить! Ну-ка, выговори! Шевар... вишь, я не могу выговорить. Ну всё равно, не нужен, ну выговорить-то всё равно надо, - я не могу!).

Таким образом, языковое сознание диалектоносителя в сфере именованя имеет различные способы реализации. Оно представлено как явными, так и скрытыми формами, причем явные формы в речи преобладают. Явные проявления метаязыкового сознания у данного говорящего реализуются в целом ряде стандартных формул: «его зовут ...»; «они зовут...»; «они зовут так, а я зову так»; «зови так»; «он звал так, потому что...»; «я зову так, потому что...», «не зову ни..., ни..., потому что...»; «не зови так, а зови так»; «его зовут так, а в глаза так»; «он зовет так, и это хорошо»; «я зову так, не буду звать как..., потому что это плохо»; «имя оцениваю как (немодное, грубое, ласковое...)»; «имя нравится / не нравится»; «имя употребляю неправильно, потому что...» и т.д.

В поле метаязыкового сознания исследуемой языковой личности чаще всего среди антропонимических классов попадают имена, затем прозвища, отчества и, наконец, фамилии.

Антропонимы в показаниях метаязыкового сознания оцениваются диалектной языковой личностью с точки зрения формы, семантики, функциональных характеристик и др., однако, прежде всего осмыслению информанта подлежит соответствие выбранной формы именованя нормам его использования в социуме, в том числе соответствие нормам речевого этикета. Это характеризует исследуемую нами личность как человека, стремящегося соблюдать этические нормы и нормы речевой культуры, неконфликтного в речевом общении. Наиболее широко представлены метатексты, отражающие оценку формы выбора имени ребенка, что свидетельствует о ярко выраженной прагматической направленности метаязыкового сознания диалектоносителя.

Примечания

¹ Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. – Томск, 2000. – С. 34.

² Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. – Томск, 2002. – С. 253.

Шерина Е.А., аспирант ТГУ **Науч. рук. Е.А. Юрина** *Опыт сопоставительного анализа собственно образной лексики микрополя «Характер человека» (на материале русского и английского языков)*

В последние годы в лингвистике активно осуществляется описание ценностных понятий национальной культуры через призму языка. Об этом свидетельствует многочисленный ряд этнолингвистических, лингвокультурологических, сопоставительных исследо-

ваний. Одним из основных методов подобных научных изысканий становится *полевой подход* к исследованию языковых фактов. Полевое моделирование позволяет определить лексическое наполнение описываемого явления, систематизировать полученные результаты, а также раскрыть национально-культурное своеобразие исследуемых языковых единиц и явления в целом, тем самым, рассмотреть способы языковой категоризации и концептуализации действительности и показать особенности языковой картины мира.

Наша статья посвящена рассмотрению национальной специфики собственно образных слов русского языка с семантикой 'характер человека', объединенных в образное лексико-семантическое микрополе «Характер человека» и рассматриваемых на фоне эквивалентных данных английского языка. К собственно образным словам (далее СО) относятся «морфологически мотивированные лексические единицы с метафорической внутренней формой слова» (О.И. Блинова, Е.А. Юрина), например, *зубошлеп* (невнимательный человек, который как будто шлепает губами), *мягкосердечный* (добрый, словно с мягким сердцем), *твердолобый* (упрямый, как бы с твердым лбом), *cold-livered* (храбрый, как будто с холодной печенью), *rubberneck* (любопытный человек, словно с резиновой шеей).

В статье рассматриваются единицы русского и английского языков, находящиеся в лексической парадигме, реализующей общее образное представление 'характер человека'. Подобные образные лексико-семантические микрополя представляют собой сложную, системно организованную структуру, обусловленную наличием более мелких и более однородных по смыслу группировок – лексико-семантических групп; наличием парадигматических и синтагматических связей слов в их составе. Данные микрополя характеризуются также незамкнутостью, размытостью границ, наличием ядра и периферии. Состав микрополей в исследуемых языках примерно одинаков: в микрополе русского языка представлено 122 СО, в английском – 104 СО.

Описывая и анализируя микрополя, необходимо учитывать образное значение входящих в них единиц. По словам Е.А. Юриной, «образность создается благодаря взаимодействию в семантической структуре слова предметно-понятийного плана значения, включающего определенный набор интегральных и дифференциальных сем, и ассоциативно-образного основания – компонента значения, складывающегося из семантических микрокомпонентов, соответствующих предметно-понятийному содержанию мотивирующих лексических единиц, «внедренных» в образное слово посредством его внутренней формы»¹.

В структуре образного значения СО можно выделить 3 семантических компонента: **денотатив** (прямое, номинативное значение СО), **ассоциатив** (исходное значение мотивирующих единиц), **символ** (связующее звено между денотативом и ассоциативом). Напри-

мер, денотатив СО *ветренник* – «легкомысленный, несерьезный человек», ассоциатив – «как ветер», символ – «быстро меняет направление/быстро меняет решение».

Следует отметить, что при построении образных микрополей за основу мы берем денотатив образного значения СО, точнее, наличие в нем семы, связанной с одной из черт характера человека. Данный подход позволяет увидеть актуальные для носителей языка качества человека. Анализ показал, что русская и английская нации требовательно относятся к характеру человека. Подавляющая часть СО передает отрицательную оценку (в русском микрополе – 10,5%, в английском – 22%), например, *развязный* (подчеркнуто свободный, непринужденный, словно его развязали), *бессердечный* (злой, жестокий, как бы без сердца), *озверелый* (злой, свирепый, словно стал зверем), *hen-hearted* (трусливый, с сердцем, как у курицы), *brazenfaced* (наглый, как будто с медным лицом) и многие другие.

На основе рассмотрения денотативного компонента образного значения СО микрополей «Характер человека» можно сформировать лексико-семантические группы (далее ЛСГ), количественный анализ представленных в них лексических единиц, в свою очередь, демонстрирует, что в русской и английской языковых картинах мира положительно оцениваются доброта 10 СО (*добросердечный, soft-hearted* – как будто с мягким сердцем и др.), честность 14 СО (*чистосердечный, прямодушный, clean-fingered* – как бы с чистыми пальцами, *white-handed* – как будто с белыми руками и др.), храбрость 9 СО (*бесшпенетный, stouthearted* – словно с прочным сердцем и др.), спокойный характер 6 СО (*хладнокровный, sober-blooded* – как бы с трезвой кровью и др.). В микрополе русского языка актуализированы такие черты человека, как гостеприимство 3 СО (*хлебосольный*), веселый нрав 2 СО (*зубоскал*). Специфичными СО английского языка являются языковые единицы, характеризующие скромного 3 СО (*gingerly* – как имбирь), практичного 1 СО (*hard-headed* – словно с твердой головой), принципиального 1 СО (*bitter-end* – как будто готов на горький конец) человека.

Негативную оценку передают СО лексико-семантических групп «злой», «лживый», «бесхарактерный», «трусливый», «несерьезный», «невнимательный», «лстивый», «вспыльчивый», например, *ухорез, ротозей, pigeon-hearted* – трусливый, как бы с сердцем голубя, *honey-mouthed* – лстивый, как будто во рту мед и многие другие. Количественный анализ демонстрирует, что русские отрицательно оценивают надоедливость 6 СО (*навязчивый, подлипала*), доверчивость 4 СО (*простодушный*), в английской языковой картине мира актуализированы такие черты характера, как вспыльчивость 10 СО (*hot-head* – вспыльчивый, как бы с горячей головой), наглость 5 СО (*cheeky* – наглый, самонадеянный, словно с большими щеками), подлость 4 СО (*black-sheep* – негодяй, подлый человек, как черная овца).

Сопоставительный анализ микрополей выявляет сходства и различия в образном восприятии характера человека русской и английской нациями. В связи с этим представляется возможным определить образ «идеального человека» в двух языках. В русском языке: добрый, но не доверчивый, храбрый, с твердым характером, внимательный и сдержанный, а также гостеприимный и с веселым нравом. В английском языке: честный, храбрый, но не вспыльчивый, серьезный, спокойный и скромный, в то же время практичный и принципиальный.

При анализе образных лексико-семантических микрополей «Характер человека» мы также учитываем ассоциатив и символ образного значения рассматриваемых единиц. Сопоставительный анализ данных компонентов позволит раскрыть национально-культурную специфику ассоциативно-образного мышления русских и англичан. Если на основе денотата образуются зоны пересечения только с другими ЛСГ, микрополями образного лексико-семантического поля «Человек» (например, «Умственные способности человека», «Социальное положение» и др.), то через ассоциатив происходит скрещение с другими лексико-семантическими парадигмами. Так, например, рассмотрим самую многочисленную ЛСГ «Злой». Через ассоциатив образного значения образуются зоны пересечения с полями: «Животное» (*озвереть, snake-headed* – злой, как будто с головой змеи), «Части тела» (*головорез, бесцердечность, black-hearted* – злой, словно с черным сердцем), «Отсутствие» (*бесцердечный, бесчеловечный, heartless* – злой, словно отсутствует сердце) и др.

Сопоставительный анализ выявляет универсальную ассоциативную параллель в сознании носителей русского и английского языков: злой человек – это человек без сердца, с холодной кровью или сердцем, который может сосать кровь или даже быть как зверь. Специфика русского образного ассоциативного мышления заключается в том, что для русских важна душа, и поэтому злой человек – это человек без души (*бездушный*), для англичан же злость связана с холодом (*coldhearted* – злой, словно с холодным сердцем, *cold-blooded* – злой, как будто с холодной кровью), с чем-то твердым (*hard-hearted* – злой, как будто с твердым сердцем, *stonyhearted* – злой, словно с сердцем из камня и др.).

Большую универсальность ассоциативного мышления демонстрирует сопоставительный анализ ЛСГ «Добрый». Как в русской, так и в английской языковой картине мира доброта, прежде всего, связана с сердцем. Но если злой человек – это человек без сердца или с твердым сердцем, то добрый, наоборот, *мягкосердечный, soft-hearted* – добрый, словно с мягким сердцем, *warm-hearted* – добрый, как будто с теплым сердцем. Таким образом, в качестве символа образного значения выступает оппозиция: твердый/злой – мягкий/добрый; холодный/злой – теплый/добрый. По нашему мне-

нию, данные ассоциативные параллели характерны не только для русского и английского образного мышления, но и для сознания носителей других языков. В то же время необходимо заметить, что рассмотрение собственно образных слов не позволяет в полной мере утверждать о значимости одной и о незначительности другой характеристики человека в исследуемых языках, так как лакунарность собственно образного слова, представленного в русском языке, в английском языке может восполняться языковой метафорой, фразеологизмом и наоборот.

Примечания

¹Юрина Е.А. Образный строй языка. – Томск, 2005. – С. 47.

Шмидт О.И., студ. ТГУ, 2 курс

Науч. рук. С.А. Толстик

Займствованное слово гравюра в русском языке: историко-этимологический аспект

Слова нашей речи отражают объективную действительность, прошедшую через общественное сознание, поэтому процессы и изменения, которые мы находим в истории слов, говорят о том, как данная среда осваивала объективную действительность на протяжении своего исторического существования¹.

Целью данного исследования является проведение историко-этимологического анализа займствованное слова **гравюра** в русском языке.

В современном русском литературном языке существительное **гравюра** используется в трёх значениях:

1. Рисунок, вырезанный или вытравленный гравёром на гладкой поверхности какого-либо твёрдого материала (*Г. на дереве, на камне, на металле, на линолеуме*). 2. Печатный оттиск такого рисунка (*Цветная г.*). 3. Вид графики, включающий произведения, исполненные таким способом (*станковая г. (эстампы), книжная г.*)².

Слово **гравюра** в современном русском литературном языке имеет ряд однокоренных слов. В словарях они снабжены пометами, указывающими на сферу их употребления: **гравёр**, **гравёрный** (спец.), **гравировальный** (спец.), **гравировальщик** (устар.), **гравированный** (спец.), **гравировать** (спец.), **гравировка** (спец.), **гравировать**, **гравировщик** (разг.).

В XIX веке были распространены лексемы **гравирование** и **гравировка** в значении «действие по глаголу (гравировать), резка, резьба». Само слово **гравюра** также употреблялось и было синонимично слову **гравировка** в значении «снимок с вырезанной доски, отпечатанная доска, оттиск»³.

В словарях русского языка XVIII века слово **гравюра** не было зафиксировано, его заменяли отглагольные существительные **гравирование** и **гравировка**, которые, вероятно, употреблялись в значениях, сходных с современными значениями слова **гравюра**. В первой половине XVIII века появился ряд терминов, которые употреблялись только до 60-х годов XVIII века (**грыдировщик**, **гридорвальщик**, **грыдоровать**), а затем заменились другими (**гравировать**, **гравировщик** и др.). И в XIX веке слова типа **грыдоровать** уже считаются устаревшими⁴. Существует гипотеза, что эти слова происходят от гол. **graveeren**, которое образовано от фр. **graver** и нем. **radieren** (гравировать кислотой)⁵.

XVIII век – это время активных языковых заимствований. Эпоха Петра I ознаменована приобщением России к Европе, налаживанием тесных политических, экономических, культурных и др. видов отношений и связей с европейскими государствами. Для петровской эпохи характерна многоконтактность: наличие живых связей (устных и письменных) с рядом европейских языков северной германской ветви (нем., голл., англ., датс., шв.) и ветви романской (фр. и ит.), со славянскими языками (пол., чеш., укр., белор.), а также сильное и прямое воздействие языков классических. Позже произошёл переход от многоконтактности к постепенному ограничению активных языковых отношений сферой двух языков – французского и немецкого: они являются главными источниками заимствований и языками-посредниками. Особенно возрастает роль французского языка с 60-х годов. До этого времени определённый пласт французских слов заимствуется также через немецкое посредство. После 60-х годов отмечаются по преимуществу прямые связи с французским источником⁶.

В потоке лексики, хлынувшей в русский язык в XVIII веке, были и слова, однокоренные слову **гравюра** (**гравировка** и др.), но самой лексемы **гравюра** не оказалось. В «Словаре русского языка XVIII века» зафиксировано время появления слов **гравёр**, **гравёрный** и **гравировать** в русский язык: 1761, 1724, 1727 гг.

Из документов XVI века узнаём, что гравюра как вид искусства существовала в России уже в XVI веке для заставок, заглавных букв, вязей в книгопечатании, но употреблялись в то время слова **резь** и **резьба**. До заимствования слов в XVII веке и ранее употреблялись лишь синонимы слова **гравюра**.

На Руси гравюра известна с XVI, а в Европе она возникла ещё на рубеже XIV–XV веков. Но появление и распространение гравировального искусства в России не привело в то время к заимствованию специальной лексики. Это произошло уже в XVIII веке, а с существительным **гравюра** позднее – в XIX веке. Заимствованные слова стали использоваться на равных правах со своими синонимами **гравирование** и **гравировка**, а также со старинными – **резь** и **резьба**, но потом вытеснили их из специальной сферы – сферы изобразительного искусства.

Таким образом, мы установили время заимствования существительного **гравюра** и однокоренных ему слов в русский язык. Обратимся теперь к источнику заимствования, которым в данном случае является французский язык. Русское **гравюра** происходит от фр. сущ. **gravure**, **гравёр** – сущ. **graveur**, **гравировать** – глг. **graver**.

Французское слово **gravure** имеет в русском языке три аналогии: 1) гравирование (т.е. действие по глаголу), 2) гравюра, эстамп, 3) иллюстрация, картинка⁷. В современном русском литературном языке существительное **гравюра** используется в трёх значениях, среди которых нет «действие по глаголу». Для этого применяется слово **гравирование**, обозначающее процесс, а также абстрактное понятие – обозначение вида искусства, что совпадает с одним из значений слова **гравюра**.

Существует две гипотезы о языке-источнике заимствования. Согласно первой, слова заимствованы из французского, второй – из французского, но через немецкий. На это указывают этимологические словари М. Фасмера, Г. Преображенского, когда речь идёт о словах **гравировать**, **гравёр**, а само существительное **гравюра** заимствовано из французского. Родственные слова появились в русском языке до 60-х годов XVIII века, когда немецкий язык был посредником между французским и русским языками. Существительное **гравюра** вошло в русский язык, когда немецкий перестал быть посредником.

Этимологи устанавливают связь фр. **graver** “вырезать, высекать” с голл. **graven** и сравнивают с немецким **graben** “копать, ковырять”⁸. Во французском языке существительное **gravure** является производным от глагола **graver**, а **graver**⁹ исходит от франкского **graban** «рыть, копать, выдалбливать, вырезать, высекать». Французское **graver** также возводят к позднелатинскому **graphium**, заимствованному от греческого **γραφεῖον** «палочка для письма, грифель, стиль»¹⁰, которое в древнегреческом языке происходит от **γράφω**, среди значений которого: «царапать, рассекать; вырезать, чертить, записывать, писать»¹¹.

Итак, слово **гравюра** заимствовано из французского языка в конце XVIII или в XIX веке, слова **гравировать**, **гравёр** в XVIII веке из французского (возможно, через немецкий). Углубляясь в этимологию, обнаруживаем связь французских **gravure**, **graver** с голландскими, франкскими, греческими, латинскими соответствующими формами.

Гравюра как вид искусства обозначалось с XVI века словами **резь** и **резьба**, затем в начале XVIII века словом **гридирование**, с 60-х годов появляется **гравирование**, в XIX веке уже встречаем в употреблении существительного **гравюра**. Термин **гравюра** вытеснил свои синонимы в русском языке и теперь используется в специальной сфере – сфере изобразительного искусства.

Примечания

- ¹ Абаев В.И. Предисловие // Пизани В. Этимология: история – проблемы – метод. – М., 1956. – С. 5.
- ² Большой толковый словарь русского языка / Ред. Кузнецов С.А. – СПб., 2000. – С. 204.
- ³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1998. – Т.1. – С. 389.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: языковые контакты и заимствования. – Л., 1972. – С. 356.
- ⁶ Там же. – С. 174.
- ⁷ Ганшина Н.А. Французско-русский словарь. – М., 1982. – С. 413.
- ⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва: В 4 т. – М., 2004. – Т.1. – С. 450.
- ⁹ Dauzat A. Dictionnaire etymologique de la langue francaise. – Paris, 1938. – С. 373.
- ¹⁰ Български етимологичен речник. – София, 1971–1986. – С. 270.
- ¹¹ Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: В 2 т. – М., 1958. – Т.1. – С. 333–334.

Яжинова У.А., студ. ТГУ, 4 курс **Науч. рук. Г.В. Калиткина** **«Опредмечивание» пространства** **в традиционной культуре**

Понятие пространства относится к числу главных категорий бытия. В теоретическом сознании пространство структурируется через понятие плоскости, объема и границ. В культурогенезе осмысление пространства идет на разных основаниях. Одним из возможных подходов к построению пространственной картины мира в традиционной культуре (ТК) может быть моделирование ее через оппозицию «свое – чужое».

Цель данной работы – опираясь на найденные семантические характеристики, выявить скрытые от непосредственного наблюдения представления о пространстве в диалектной языковой картине мира, репрезентируемой среднеобскими старожильческими говорами. Материалом исследования стали иллюстрации диалектных словарей.

Современная когнитивная наука утверждает, что абстрактную сферу в человеческом сознании репрезентируют, прежде всего, конкретные сущности, что концепт «предмета» приобретал с самого начала более определенные очертания и более определенную трактовку, концепт же пространства сформировался позднее¹.

Таким образом, целесообразно рассмотреть «опредмечивание» пространства в ТК, то есть его интерпретацию через заполняющие объекты, учитывая параметрические характеристики пространства (измерение, расстояние, удаленность) и самих объектов (о них см. далее). Исходя из сущности таких объектов, можно выделить ряд пространственных моделей, сформированных ТК: 1) экономическую; 2) географическую; 3) этнологическую. В рамках данной статьи основное внимание уделено первой модели, в силу ее большей структурированности и частотной актуализации в самом говоре.

1. «Экономическая» пространственная модель структурируется и заполняется юридически «принадлежащими» (своими) или «не принадлежащими» (чужими) предметными объектами, т.е. имуществом. Данные полного по типу словаря вершининского говора² позволяют вычлнить *объемные* и *плоскостные* объекты, которые находились в личной собственности среднеобского крестьянина. Анализ собранного материала выявил, что для носителей ТК Среднего Приобья более важными представляются первые: *Изба, если маленька, то избушка, домик называли. Если большой, то это крестовый дом*. Неслучайно центром такой модели пространства, задающим и его границы, является *дом (изба)*.

Интенционалы номинаций объемных объектов содержат гиперсему 'строение', а в их импликационалы войдут противопоставленные и непротивопоставленные семантические признаки. Как отмечает А.М. Кузнецов³, семантические признаки легко выделяются именно тогда, когда им соответствуют противопоставленные, по крайней мере, бинарные семантические компоненты.

Список плоскостных содержит в 2,5 раза меньше номинаций объектов, следовательно, эти объекты можно признать менее актуальными для опредмечивания своего пространства: *Когда они уже с мамой женились, да когда дедушка – мамин родной дядя, дяденька Лаврентий – отдал им поместье, они дедушку с бабушкой схоронили, им досталось это поместье*. Интенционалы данных лексем содержат гиперсему 'территория'. В их импликационалы также войдут противопоставленные семантические признаки. Итак, помимо количественной разницы между объемными и плоскостными репрезентациями традиционного пространства, можно говорить об их функциональной разноплановости. Так, В.Н. Топоров⁴ выделил две противоположных по смыслу операции, производимых человеком при осмыслении пространства: членение (анализ) и соединение (синтез). Первая функция пространства свойственна объемным объектам (воспринимаемым извне), а функция его соединения – плоскостным, которые включают (в себя) несколько объемных. Наиболее ярким примером являются номинации *усадьба, двор, поместье*. Соответственно, фрагментов пространства, интерпрети-

руемых как плоскостные, должно быть меньше, чем интерпретируемых как объемные. Собранные материалы полностью это подтверждают.

2. «Географическая» модель пространства выделяется в «административном» аспекте. «Опредмечивающие» объекты материальны и дискретны, но являются более сложно организованными сущностями, элементы которых выстраиваются системно. Наиболее отчетливо в ТК Среднего Приобья противопоставляются: а) свое село и окружающие поселения: *Деревни будут рядом, а разговор разный. Вершинински же выйдут туда замуж, год пройдет, они так говорят;* б) село и город: *А я вот город не люблю. Была в Томском, дак стосковалась по дому;* в) Сибирь и Россия: *Если бы не сибиряки, то всё, и Москву бы отдали, всё.* Реже актуализуется оппозиция деревни и регионов страны, а также своей страны и других государств: *А Горбачев-то, он едет, по чужим-то этим державам-то по всем, а тама-ка всё везде Богу молятся.* Подобное неравноценное описание данных оппозиций связано с архаическим типом мышления, о значимости «образа места» для ТК пишет О.А. Лавренова⁵, кроме того, это определялось и практической значимостью актуализации лишь тех локусов пространства, которые были «освоены» физически и материально.

3. «Экономическую» модель пространства в ТК опредмечивает и население тех или иных мест, т.е. можно говорить о «присвоении» в сфере межличностных отношений. Для Среднего Приобья значимо противопоставление: а) русских и коренных народов Сибири, заселивших, тот или иной фрагмент пространства: *За деревней-то татары жили. Казаки начали этих татаров выжигать. Татары переехали в Казанку;* б) старожилов и столыпинских переселенцев, а также ссыльных и спецпереселенцев: *Сколько чувашей было – все уехали: не живут, все в свою Чувашию едут.* Кроме того, население может оцениваться и в конфессиональном плане. В среднеобских селах противопоставляются: а) приверженцы РПЦ и старообрядцы (кержаки, староверы): *Она кержанка была, они уж с нами Богу не молились;* б) христиане и «иноверцы»: *У нас и кержацка, и остяцка вера была.* «Присвоение» пространства говорящего возникает при совпадении национальной и конфессиональной принадлежности, в противном случае пространство выступает как чужое.

Итак, носитель ТК «опредмечивает» простирающееся вокруг него пространство, на нескольких основаниях. Объекты, заполняющие его, связаны с имущественными, административными и социально-политическими отношениями. Первую модель организуют «собственно объекты» (вещественные); вторую – топографические объекты; третью же составляют «условные объекты» (событийно ситуативные объекты). Таким образом, «заполнителями» пространства могут выступать как предметные объекты, одновременно воспринимаемые

наблюдателем (говорящим), так и непредметные объекты, воспринимаемые умозрительно, заданные культурно-историческим контекстом.

Пространство, увиденное через призму «присвоения» и «освоения» репрезентирующих его объектов предстает дискретным, прерывным. Помимо противопоставленности «своего» и «чужого» пространства, «свой» мир оказывается вовсе не континуальным. Его границы подвижны и зависят от точки зрения наблюдателя.

Примечания

¹ Цит. по: Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М., 2005. – 640 с.; Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М., 1997. – С. 455-515; Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М., 2004. – 560 с.

² Вершининский словарь / Под ред. О.И. Блиновой. – Т. 1-7. – Томск, 1998–2002.

³ Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. – М., 1986. – 126 с.

⁴ Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М., 1997. – С. 455-515.

⁵ Лавренова О.А. Образ места и его значение в культуре провинции // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. – М., 2004. – С. 413-420.

Материалы круглого стола “Выявление и постановка актуальных проблем лингвистики и литературоведения”

Образовательный подход к проведению круглого стола

Авторы данной публикации были организаторами и участниками круглого стола:

1. Петров Аркадий Владимирович
2. Губайдуллина Анастасия Николаевна
3. Михеева Анна
4. Лебедева Юлия
5. Нестеренко Олег
6. Голдаева Анастасия
7. Бойкова Татьяна

1 Идея

А.В. Петров

Несколько лет подряд в составе разных коллективов ученых я участвовал в исследованиях инновационных процессов в образовании. Этот опыт повлиял на мое предложение – провести во время конференции молодых ученых круглый стол в нетрадиционной форме. Почему выбор пал именно на круглый стол? Потому что он часто дублирует работу в секциях. Конечно, на круглом столе предполагается дискуссия, например, по поводу актуальных проблем литературоведения и лингвистики. Но за счет чего это обсуждение может развернуться и принять интенсивные формы?

Этот вопрос предполагает ответ в нескольких ракурсах. Принципиально их должно быть четыре. Во-первых, необходима активность участников, во-вторых, тема круглого стола должна быть достаточно универсальной, чтобы ее смогли обсуждать и преподаватели, и аспиранты, и студенты, а уж тем более и лингвисты, и литературоведы. В-третьих, нужен хороший ведущий, который умеет организовать дискуссию. Наконец, в-четвертых, дискуссия обеспечивается тем, что можно назвать формой участия.

В последнем случае и возникают, на мой взгляд, установки, которые во многом приводят к тому, что круглый стол уподобляется конференции и теряет свою особенность. Чем обеспечивается сама возможность дискуссии? Чаще всего мне приходилось участвовать в круглых столах, где дискуссия планировалась за счет сокращения времени докладов. Но доклад, представляя собой определенную форму участия, может способствовать дискуссии, только если в его содержании сформулированы дискуссионные подходы к той или иной

проблеме. Если же доклад предлагает вниманию аудитории сам факт актуальности проблемы, и автор во многом стремится эту актуальность обосновать, то возможным общим предметным полем для дискуссии остается только **наличие** актуальных проблем в самой науке. Но как раз в этом поле обсуждать в принципе нечего. Поэтому формальные круглые столы завершаются согласием его участников с тем, что представленные их вниманию проблемы действительно актуальны.

Какие вопросы могли бы изменить тенденцию утверждать данности подобным образом? Приведу несколько примеров. Следует ли нам предлагать способы решения конкретной заявленной проблемы и обсуждать их **продуктивность**? Должны ли мы сравнивать одну проблему с другой и обсуждать их **основания**? Будем ли мы выделять методологические затруднения и искать новые подходы? Каждый из этих вопросов предполагает, что предметом круглого стола становится не сама проблема, а то, **что с ней можно сделать**.

Основной вопрос, который возник на организационном собрании, – кто смог бы провести такой круглый стол? Вопрос существенный. В ситуации постоянного смещения внимания с проблемы на метод или на подход ведущий управляет не аудиторией, предоставляя слово тому или иному участнику, он управляет **развитием дискуссии**. А это требует особых компетенций. И когда Анна Михеева согласилась быть ведущей круглого стола, это было скорее согласие на эксперимент.

После чего мы перешли к планированию эксперимента. Постепенно стали складываться контуры новой ситуации.

2

Подготовка

А.В. Петров

Во-первых, нужно было изменить название круглого стола. Сначала предполагалось, что он будет называться «Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики». Такое название не годилось. Оно должно было ориентировать участников на традиционное чтение докладов. Поэтому круглый стол решено было называть «**Выявление и постановка актуальных проблем лингвистики и литературоведения**». Это название попало в программу. Однако, по мере подготовки круглого стола, и оно оказалось не совсем точным.

На что нацеливало новое название? Оказалось, что у него есть два варианта понимания. Мы можем **обсуждать то, как выявляются актуальные проблемы**, а можем **заниматься собственно выявлением и постановкой актуальных проблем**. Для меня было очевидным, что круглый стол нужно проводить в режиме организации деятельности. Это значит, что я склонялся ко второму варианту понимания. Но для рабочей группы, которая занималась подготовкой круглого стола, такой подход очевидным отнюдь не был.

Из воспоминаний о подготовке круглого стола

А. Михеева. Я помню, как мы с Анастасией Николаевной сделали для себя открытие, что будем заниматься не проблемами, а процессом проблематизации. Тогда это было действительно большим открытием.

А.В. Петров. Получается, что даже когда я постоянно повторял, что мы будем заниматься проблематизацией, суть нового подхода так и не выявлялась?

А. Михеева. Да, видимо, мы не могли избавиться от стереотипного представления формы круглого стола. Мы думали, что будем обсуждать, какие существуют актуальные и неактуальные проблемы, и изначально была неясна установка на сам процесс работы с проблемой, с её статусом. Для вас тогда это был однозначно, а для нас – нет. Я думаю, работа с формой организации круглого стола началась, когда мы все определили общий подход.

А.В. Петров. Мы обсуждали разные формы организации, и не все они, как вы помните, были апробированы. Может быть, и этот выбор видов деятельности также был обусловлен проблемой понимания? Потом мы с вами разделились на ведущих, и каждый стал заниматься определенным видом проблематизации...

А. Михеева. Дело в том, что сначала мы не думали делиться и хотели сделать общие дебаты. Но когда в ходе работы определились три способа работы с проблемой, это продиктовало необходимость в ведущих. А затем, когда появилась идея работы в группах (количество которых тоже сначала варьировалось), когда определились ведущие группы, каждый стал думать об организации деятельности в свое группе.

А.В. Петров. Из последних реплик видно, что тенденции понимания представляли собой не единственную сложность подготовки круглого стола. Сложно также было выбрать оптимальные виды деятельности, виды работы с проблемами, которые мы смогли бы организовать. Действительно, сначала нам показалось, что дебаты – это очень интенсивная и нетрадиционная технология, которая подходит для обновления традиционной формы круглого стола. Но нужно было учитывать и тот факт, что дебаты состоят из целого ряда событий и их участники занимают много разных позиций. Это технология организованной полемики, которая требует специальной подготовки команд.

Затруднения в организации круглого стола зависели, таким образом, от наметившихся дефицитов. Мы выделяли:

- вариативное и неизвестное предметное поле – те проблемы, с которыми к нам придут молодые ученые из разных городов;
- виды деятельности, также непонятные до конца, с которыми должны были прийти мы;
- идею новой организации, за которой не стояли оптимальные формы организации деятельности.

Чего-то крепляющего явно не хватало.

3 Эврика (know how)

А.В. Петров

Если я могу спросить о том, чего мне не хватает, то я могу спросить и о том, что вообще делают с проблемами, чтобы отсечь устойчивые и традиционные виды деятельности. Но эффект последнего вопроса был не совсем обычным. Действительно, что делают с проблемами? И поддается ли эта деятельность организации? Их находят? Их выделяют? Их придумывают? Их формулируют? Их обнаруживают в процессе исследования (то есть на них своеобразно «натякаются»), или же они проявляются по мере ознакомления исследователя с материалом и являются следствием поставленных задач?

Многое из того, о чем удастся спросить, уводит нас к феномену мышления. Следовательно, мы столкнулись с отсутствием организуемой практики. Нельзя же ведущему постоянно предлагать участникам круглого стола – давайте, подумаем... Давайте, обсудим...

Скорее всего, именно этот подводный камень постоянно направлял группу разработчиков круглого стола к коммуникации как к единственно возможной форме. Размытое представление о том, что есть выявление или постановка проблемы с точки зрения деятельности, приводило к тому, что об этом, казалось бы, и нужно говорить, потому что обсуждение казалось единственно возможным.

Для выявления новой формы организации круглого стола постоянно чего-то не хватало, причем это была «недостача» в принципиально разных аспектах. Если у нас есть потребность в деятельности, дефицит деятельности, и мы думаем о деятельности, то это похоже на замкнутый круг. В разное время я предлагал решать проблему такого тотального дефицита за счет нетривиальных различий в том, на что направлено наше внимание. То есть в предмете. Это значит, что нужно попытаться различать в поле проблем. Но не между проблемами. Например, можно различать наличие проблем и проблематизацию – факт и процесс. Но и сам процесс проблематизации доступен различению. Нам сложно работать с генезисом проблемы какого-либо участника круглого стола, но есть еще процесс актуализации (так же, как и факт актуальности) проблемы. Фактор различия помогает нам обнаружить отношения и относительность. Без различения фактов и процессов мы мыслим проблемы, которые чему-то принадлежат и как-то существуют. Если же в план такого различия вносится новый предмет – актуализация проблемы – мы понимаем, что актуализация возникает на пересечении разных условий. Такая относительность, в свою очередь, предполагает выбор меры или контекста, которыми мы можем пользоваться, отставив свою точку зрения, мотивируя значимость проблемы в каком-либо контексте и т.п.

Следовательно, мы наконец-то обретаем возможность вывести организуемую деятельность на первый план как возможность **повышать и понижать актуальность проблемы с помощью того, что будет выбрано в виде средств**. Видимо, круглый стол должен был называться **«Способы повышения и понижения актуальности научной проблемы»**.

Резюмирую все вышесказанное. Трудность прямого обнаружения оптимальных видов деятельности мы сняли за счет моделирования возможных **способов деятельности**. И когда мы определились в том, что будем заниматься именно повышением и понижением актуальности проблем, в качестве средств я предложил взять **факт и статус**. А в качестве полемического способа работы с актуальностью проблемы была выбрана **конкуренция**.

Так сложился образовательный подход к организации круглого стола. Значимость проблем закономерно отступила на второй план, а на первый выделилась **апробация способа деятельности в групповой форме работы**. У каждой группы появился свой ведущий, – Анастасия Николаевна Губайдуллина, Анна Михеева, которая решила совместить две роли, и Юлия Лебедева.

Осталось только указать на роль **позиций**, наличие которых прямо влияет на организацию круглого стола. Если раньше участники читали доклады и высказывали свое мнение, то при организации способа деятельности новая форма участия – это именно позиционирование. Так как обсуждение проблем перестало быть целью круглого стола, то у нас больше не было и потребности в общем понимании какого-либо предметного поля. Наличие же разных позиций должно было сделать работу в группах многомерной. Каждый должен был воспринимать ситуацию относительно выбранной установки. **Ведущий** управлял развитием дискуссии, секретарь фиксировал ее в аналитическом листе. В задачи эксперта входило наблюдать за характером работы, за основаниями аргументации, и в итоге он мог оценить результативность деятельности.

Круглый стол прошел в следующей форме:

1. Сборка проблемного поля: работают, помогая друг другу, ведущий круглого стола и ассистент (А.В. Петров).
2. Выделение оснований актуальности (режим провоцирования и выделение относительности актуальности как таковой).
3. Презентация основного замысла – работать в группе с разными способами деятельности.
4. Ведущие представляют участникам, какие способы деятельности будут апробироваться.
5. Идет работа в группах.
6. Ведущие представляют результаты.
7. Выступают эксперты, у которых была задача наблюдать за характером работы.
8. Рефлексия способов деятельности и оценка эффективности работы в группах и эффективности круглого стола в целом.

В итоге смысловое поле круглого стола оказалось достаточно богатым:

1. были апробированы разные способы деятельности;
2. была развернута дискуссия;
- 3 участники круглого стола познакомились с разными результатами, которые появились каждой группы;
4. они смогли взглянуть глазами экспертов на то, что происходит с ними во время работы, на то, что они не замечают и не контролируют.

4

Репетиция

А.В. Петров

Так как круглый стол должен был проходить в экспериментальном режиме, и значимость простого наличия проблем отодвигалось на второй план, в одну из наших задач входило собрать материал, который помог бы нам оценить продуктивность нового подхода к организации круглого стола. Другой задачей для научного студенческого общества было вывить потребность в образовательной практике подобного рода.

Из воспоминаний о подготовке круглого стола

А.В. Петров. Давайте вспомним репетицию. Что проявилось на репетиции?

А. Михеева. Во время репетиции, по-моему, выявился общий подход. Потому что, сколько мы не говорили о том, чем мы будем заниматься, что мы будем собирать материал, и нам важен любой материал, не обязательно выводящий к истине, что нам вообще важно понять, что сегодня происходит в нашем филологическом образовании, интересно посмотреть, как люди могут работать с позициями, как люди видят, что такое проблема, знают ли они, как с ней можно работать, может, если не знают терминологию, то хотя бы владеют какими-то техниками... несмотря на эту общую установку, оказалось, что не все организаторы ориентируются именно на наличие актуальных проблем как таковых. Все-таки, оставались какие-то сознательные или подсознательные стремления найти истину...

А.В. Петров. То есть позицию не организатора, а человека, который...

А. Михеева. Ведет себя как исследователь...

А.В. Петров. Нет, по-моему, это не исследователь. Этот человек погружается в коммуникацию и выстраивает разговор по поводу предмета исследования, а за счет этого в позицию исследования он вряд ли попадает. Помните, у Юли была такая позиция – она на репетиции пыталась настроиться на свое собственное понимание и начинала проговаривать что-то для себя, и с этого момента она теряла позицию организатора, она не работала с группой, которая должна была зачем-то выслушивать ее монолог. К людям она не обращалась...

А. Михеева. Дело в том, что очень сложно перестроиться, и у меня самой до конца эта внутренняя перестройка произошла именно во время работы группы на круглом столе, наверное, потому что у меня была очень

активная группа. Изначально, когда мы определяли проблему, с которой будем работать, – размывание границ интерпретации текста, – я начала ловить себя на мысли, что сама думаю, как можно повысить и понизить статус проблемы, и в это время группа начинала уходить у меня из-под контроля. А в конце работы круглого стола я поняла, что мне очень сложно сделать выводы по содержанию, так как содержанием я очень мало занималась, мне хватало того, что нужно было пресекать какие-то предметные рассуждения, выводить участников дискуссии к позициям...

А.В. Петров. Оформлять ситуации...

А. Михеева. Да, именно организаторскими делами заниматься...

А.В. Петров. Давайте сосредоточимся на репетиции. Помните, что ведь при общении с людьми главная особенность, которая выявилась в качестве действительной проблемы, – нужно задавать вопросы, не зная ответов. И даже иногда не слушать внимательно, что говорят в данный момент, пытаясь сосредоточиться на самом событии: как идет дискуссия, выделяются ли позиции, удерживаются ли они... Вот эта особенность положения ведущего в ощущении вашем присутствовала?

А. Михеева. Присутствовала, да. У меня было сомнение, по этому поводу мы и на семинаре говорили, сомнение, как можно работать, что-то организовывать, не зная, к чему все это приведет. Хотелось всегда каких-то точных установок, что мы должны прийти к тому или этому... Но когда начали работать с теми, кто участвовал в репетиции, оказалось, что содержание само ведет в определенную сторону, просто нужно уметь управлять этим движением...

А.В. Петров. Управлять. Это очень подходящее слово. Я думаю, что в дискуссии ресурс управлению дают именно позиции. Если есть одни говорящие – это одна ситуация. Но если есть секретарь, эксперт, критик, может быть, аналитик – к ним можно обращаться, меняя ситуацию и отношения между участниками. Наши эксперты, как вы помните, выступали в конце работы круглого стола. Не нужно ли организатору какой-то экспертной помощи в процессе?

А. Михеева. Да, иногда хотелось занять позицию эксперта, но не получалось совместить две позиции. Если я выхожу к позиции эксперта: начинаю вслушиваться, какие-то паузы выдерживать – ситуация абсолютно выходит из-под контроля, мы заглушаем всю аудиторию криками... В общем, это было недопустимо. Я, к сожалению, поздно заметила, что в группе появился эксперт. У Татьяны в нашей группе была особенная позиция, она шла, видимо, с докладом на круглый стол, поэтому я думала, что, может быть, она ушла в оппозицию, так как на мои вопросы и предложения дать оценку она не отзывалась. А в конце, когда просто в порядке строгой очередности она стала выступать, выяснилось, что она все это время была в позиции не критика, не отстраненного слушателя, а именно эксперта. Если бы я как-то апеллировала к ней раньше, может, она

помогла бы этот процесс направить в нужную сторону. На самом деле эта позиция нужна. Не как результирующая, а как участвующая именно в процессе деятельности.

А.В. Петров. Смотрите, к какой мы пришли идее. Коммуникация – процесс настолько растекающийся, он такой аморфный...

А. Михеева. Нерезультативный...

А.В. Петров. Малорезультативный, и, может быть, ситуативная результативность есть, но ее потом просто трудно восстановить. А если результат не вычленен, его качество уже нельзя повесить, с ним просто невозможно продуктивно работать. Мы с вами на репетиции обнаружили, что позиции естественно не возникают, или проявляются ситуативно и быстро исчезают или меняются. И все же мы решили, что организация круглого стола должна базироваться на том, чтобы внести позиции в коммуникацию. Возможно, остался открытым вопрос – как использовать результативность позиций, но мне, например, стало ясно, что этот образовательный подход необходимо в каких-то формах реализовывать на факультете.

А. Михеева. Да, внесение позиций убирает стереотипность, потому что не только у нас, как у организаторов, которые долго с этим работали, но и у участников круглого стола в заключительных выступлениях проявилась рефлексия по поводу однонаправленности, какой-то заёртости мышления.

5

Круглый стол: выявление оснований актуальности проблем

А.В. Петров. Когда Анна начала вести круглый стол, собрать проблемное поле оказалось легко. Участники были активны и формулировали проблемы, которые можно было бы признать актуальными по мере их проговаривания. Сразу же были упомянуты:

- проблема понимания человека, закономерностей его мышления, языковой картины мира, внутреннего мира человека;
- проблема совершенствования мышления;
- проблема взаимодействия понятий разных наук в поле литературоведческого исследования;
- проблема восприятия и интерпретации действительности (такоже представленная как проблема феномена языка, который не только отражает, но и моделирует действительность);
- проблема утраты воспитательной роли литературы...

Назывались, как мы видим, проблемы философского уровня. Они попадали не в поле литературоведения и лингвистики, а в поле гносеологии или же методологии. Казалось бы, они актуальны именно потому, что постоянно возникают в процессе развития науки в новейшее время. Но такие проблемы, как мы помним, малоприспособны для развития дискуссии.

Стратегия отрицания

Когда я стал вести свою часть круглого стола, в мою задачу входило перевести внимание аудитории с синтетических «самоактуальных» проблем на процесс актуализации. Для того чтобы не спрашивать людей об

очевидных причинах (например, почему вы считаете эту проблему актуальной) или о том, как такие проблемы становятся актуальными (за счет чего можно было бы усугублять широту и дробность предметного поля), я перешел к выделению оснований актуальности. Моя роль заключалась в провоцировании «синтетического» понимания, когда предъявление проблемы становится также и предъявлением ее актуальности. Например, когда выделилась проблема понимания закономерностей мышления, то ее актуальность обосновывалась тем, что мышление **нужно** понять. Кому нужно? Зачем нужно? Вот вопросы, которые задает провокатор. Когда кто-либо пытается ответить на мои вопросы, я внимательно слежу за тем, не сводится ли ответ к **наличию самой науки**. Контролируя цикл самоцельности (когда внутри науки порождаются проблемы, а основания их актуальности выводятся из того, что эта наука существует), я не обязан проявлять свою стратегию отрицания. Она дает мне свободу манипулировать вниманием аудитории, подталкивая участников к высказыванию разных мнений. Вот небольшой фрагмент дискуссии, в котором проявились все особенности организации поиска оснований актуальности:

«А.В. Петров. Следующая проблема – взаимодействие лингвистики и литературы. Каково основание актуальности?

Участник А¹. А разведение в преподавании русского и литературы... Дети совершенно разрозненно этот материал усваивают...

А.В. Петров. Никакой актуальности не вижу в предложенном основании. Никакой актуальности проблемы в образовании нет².

А. Михайлов. И лингвистика, и литературоведение может работать с одним и тем же художественным текстом, рассматривать его с разных сторон. Где границы расхождения в разные стороны?

А.В. Петров. А они не нужны.

А. Михайлов. Почему?

А.В. Петров. Ничоному.

Участник В. Дело в том, что художественная литература – это тоже текст, только в лингвистике по-другому изучаются жанры текста.

А.В. Петров. Слушайте себя: вы сейчас об основаниях актуальности говорите? Или опять хотите вернуть нас в предметное поле? Можно говорить о разности подходов вообще, а можно о разности подходов к чему-то более конкретному. Вы говорите, что это тоже проблема. Но любая новая формулировка проблемы чем хороша? Что её всегда можно отрицать, как и исходную: «А для меня это не проблема». И тогда стратегия утверждения проблемы сможет реализоваться только через выделение основания актуальности. Назовите его. В чём основание актуальности проблемы взаимодействия литературы и лингвистики?

Участник С. То, что оно недостаточно.

А.В. Петров. Принцип недостаточного основания. Но чего? Чего не хватает лингвистике и литературоведению, чтобы взаимодействовать?

А.Н. Губайдуллина. Может, в том, что мы не понимаем друг друга с лингвистами? В этом?

Э. Лазарева. Расхождение науки доходит до такой степени, что неспециалист не может понять специалиста, хотя предмет один и тот же.

А.В. Петров. Это всё ещё описание той же самой проблемы: специалисты друг друга не понимают. Где основание актуальности? Дробление науки – это факт. Вот оно, дробление, здесь, в нашей аудитории. Но где основание актуальности вообще называть это проблемой? Причём, смотрите, начальная формулировка проблемы была – взаимодействие литературы и лингвистики. Мы поменяли несколько формулировок, думая, что занимаемся выделением основания актуальности.

А. Михайлов. Проблема в том, что называть дискуссией. Дело в том, что...

А.В. Петров. Стоп. Можно ли сказать, что основание актуальности проблемы – это наличие дискуссии по данному вопросу?

А. Михайлов. Да!

А.В. Петров. Давайте запишем, интересное основание.

А. Упоров. Наличие дискуссии по данному вопросу...

А.В. Петров. Наличие дискуссии по данному вопросу можно сделать основанием актуальности. Есть – значит, актуальна, нет – не актуальна, точнее, мы не способны отстоять ее актуальность...»

В результате на доске появилось два расписанных поля – в одном оказались проблемы, во втором – основания актуальности. К основаниям актуальности участники круглого стола отнесли:

- неизученность проблемы;
- социокультурную ситуацию;
- сформулированные задачи;
- наличие дискуссии по данному вопросу.

Если рассматривать основания отдельно от проблем, то они могут быть подвергнуты своей классификации и типологизации. Этим мы принципиально не занимались, однако подобный шаг, скорее всего, необходим для полного отстранения. Однако для участников круглого стола достаточным оказалось и проявления оснований.

Логика изменения понимания такова. Любую проблему я могу отрицать как факт, но когда выделяются основания ее актуальности, проблема отчасти защищена выводами, тем, что можно назвать «мыслительностью». Теперь я, будучи провокатором, уже не могу огульно отрицать саму проблему, мне нужно опровергать способы ее актуализации. А это значит, что мне придется предлагать аргументы для понижения актуальности, а не для дискредитации проблемы как таковой.

Круглый стол: результаты работы в группах

Нам удалось полностью осветить работу одной группы – ее мы представим первой.

А.Н. Губайдуллина

Наша группа пробовала отработать способ повышения актуальности проблемы посредством фактов, каким-либо образом связанных с проблемой.

В группу вошли шесть человек, один был ведущим, один – секретарем. Секретарь не участвовал в дискуссии. Ведущий пытался организовать процесс обсуждения:

- а) собирал информацию;
- б) обобщал накопившийся материал;
- в) с одной стороны, выяснял разные позиции, с другой, – не давал разгореться ожесточенной полемике;
- г) пытался привлечь к участию в разговоре менее активных членов группы;
- д) старался сохранить общую тему, нить разговора.

В первые минуты работы ведущий предложил группе выбрать проблему, которая волновала бы всех участников группы. Общую проблему выявить не удалось, остановились на двух:

1. Лингвистические и литературоведческие исследования не связаны между собой.

2. Современная литература утратила свою воспитательную роль.

В группе выявились два лидера, придерживающиеся противоположных взглядов. Мнения участников разделились: каждой подгруппе проблема, выдвинутая другими, казалась недостаточно актуальной. Мы попытались воспользоваться наличием двух проблем, чтобы поднимать актуальность одной относительно другой. Поэтому следующим шагом работы стал сбор фактов по каждой из проблем. Приведем пример выделения фактов по первой проблеме: литературоведы и лингвисты по-разному понимают некоторые термины («дискурс»); конференции лингвистов и литературоведов проходят отдельно; если в вузе изучаешь литературу, сдавать экзамен приходится по языку; часто трудно понять доклады по лингвистическим/литературоведческим дисциплинам; специалиста хвалят, когда он универсал...

На этом этапе возникла содержательная трудность: группа слабо представляла себе, что есть факт, по каким критериям его следует распознавать, постоянно совмещала факты и их интерпретации. Поэтому факты предмета и фактичность интерпретации затягивали нас. Вокруг каждого факта начиналось развернутое обсуждение. Ведущий попытался справиться с этой проблемой, одновременно составляя список фактов и классифицируя их. Мы разделили факты на следующие виды:

- личностные (группа не договорилась, можно ли считать субъективное мнение за факт);
- методологические;
- социальные;
- факты действительности (возникла проблема разведения действительности и реальности, мы чуть не ушли в размышления об этих философских категориях).

При этом все согласились, что наша классификация фактов не полна, но мы не можем позволить себе сейчас уделить время систематизации фактов. Остроту обсуждения обеспечивал стихийно выявившийся «провокактор», который подвергал сомнению каждую выдвинутую идею и задавал вопросы на прояснение содержания. Его роль оказалась очень важной, он помогал добиться глубины погружения в тему, но нам постоянно приходилось выбирать: или сосредоточиться на какой-то мысли подольше, или двигаться дальше, поскольку время работы в группе было ограничено (20 минут), и мы не могли удаляться от цели.

Следующим этапом стала работа с фактами, которые мы собрали. Мы попытались применить факт так, чтобы он поднял актуальность проблемы, но часто сталкивались с тем, что нужно что-то сделать с самим фактом. Следом возник главный вопрос: что значит «поднять актуальность проблемы»? Для кого ее поднять? Мы пришли к выводу, что проблема может быть актуальной:

- а) для самого себя;
- б) для других людей;
- в) для научного сообщества;
- г) для общества в целом.

С одной стороны, оказалось, что «телега впереди лошади»: не согласовав понятий «факт», «актуальность», «проблема», мы попытались отработать способ работы с ними. С другой стороны, именно обсуждение помогло нам очертить проблемное поле. В конце работы группы у участников возник вопрос: зачем нужна наша работа? Что даст метод повышения актуальности проблемы посредством выбора и оценки фактов? Мы поговорили о специфике обучения в университете, о том, что тема исследований, как правило, дается студенту извне, научным руководителем. Очень часто со временем исследователь сталкивается с личным затруднением – его тема не актуальна для него самого или для кафедры (факультета, современности – возможны варианты). Что делать в этой ситуации? Сменить тему? Попытаться увидеть ее актуальность и повысить ее в глазах других? Мы согласились, что уметь работать с проблемой очень важно; что нам было интересно работать в группе, и хотелось бы повторить такую форму проведения «круглого стола».

Сам способ работы оказался трудным из-за его непривычности и из-за постоянно возникающих сопутствующих вопросов. Тем не менее, удалось сделать некоторые выводы о влиянии фактов на актуальность проблемы.

Во-первых, факт нужно обнародовать, чтобы он стал работать на повышение актуальности проблемы. Во-вторых, его нужно предъявить как новый. В этом случае актуализация может проводиться способами, отличными от научного исследования. Например, теми способами, которые предлагает маркетинг или психология. В-третьих, факты нужно описать в терминах нерешенной задачи. В-четвертых, повышает актуальность проблемы полемика вокруг того или иного факта. И наконец, мы согласились с тем, что накопление фактов не всегда ведет к повышению

актуализации проблемы. Накопление большого количества известных фактов по проблеме делает ее менее актуальной в глазах научного сообщества. Поэтому, например, желающих изучать творчество современных писателей больше, чем желающих изучать творчество Пушкина.

С другой стороны, чем больше фактов, порождающих сомнение или противоречие, тем актуальнее проблема. Поэтому одним из методов повышения актуальности является подача факта как «белого пятна».

А. Голдаева

В группе, которая использовала факты для повышения и понижения актуальности проблем, я была секретарем. Что можно сказать о такой форме участия?

Работа в группах и фиксация их деятельности на бумаге дает не только систематизацию идей и выводов, но и возможность использования полученных результатов на последующих стадиях работы над тем или иным проектом.

Само деление на группы с заранее определенными рамками ее мыслетворчества приводит к более четким и эффективным результатам работы над заданной темой (в данном случае, повышение актуальности научной проблемы через факты).

Более узкая «специализация» участников (а именно, распределение позиций/ролей в группах) также имеет определенные положительные стороны. Ограниченные некоторыми рамками (при четком условии их расширения, дабы исключить случай, когда новая позиция участника в корне противоречит его собственной) участники круглого стола, постоянно удерживая и следя за той или иной стороной происходящего, в целом могут сделать работу более продуктивной.

Особенностью роли секретаря при таком разделении участников является не только последовательная фиксация всего происходящего, но и анализ ситуации, осуществляющийся по некоторым ключевым аспектам. Мой секретарский лист состоял из следующих разделов:

- предложенные вопросы, проблемы, поставленные участниками в основу разворачивающейся дискуссии;
- аргументы участников в пользу той или иной стороны проблемы;
- выводы, результаты работы, которые осознали участники.

В качестве отдельного пункта можно было бы отметить вопросы, не нашедшие решения, на которые участники так и не смогли найти ответов и которые могут быть вынесены на всеобщее обсуждение. Это вопросы, связанные с определениями понятий, разведением и проведением границ между несколькими понятиями, ассоциациями (это могут быть также какие-то спонтанные ассоциации, на которых не был сделан акцент, но которые могут оказаться полезными/продуктивными на следующем этапе исследовании проблемы).

Таким образом, работая по заданной модели, секретарь составляет план-обобщение дискуссии, который может быть впоследствии использован для публичного резюме действий и выводов, к которым пришла группа.

Стремясь быть абсолютно объективным, секретарь остается пассивным наблюдателем, отстраненным от живой дискуссии. Однако минимальное участие секретаря в дискуссии совершенно не подразумевает его отсутствие.

А.В. Петров

С самого начала хочу отметить, что дискуссия была очень комфортной, и нужно отдать должное Анастасии Николаевне, которая хорошо управляла развитием обсуждения.

Что я могу выделить особенного в ходе работы? Будучи экспертом, я сосредоточился на последовательности смены микрособытий, которая вряд ли ясно осознавалась участниками дискуссии. Во-первых, группа очень быстро пришла к вопросу: а что есть факт? Это интересный рефлексивный поворот, возможно, здесь имеет место специфика поиска истины, которая помещается в начало начал. Только приступили к работе с фактами, тут же начинаем спрашивать о них. Получилось, что группе удалось очень быстро запроблематизировать сам ресурс, а это значит, что без определенности с фактами мы не могли приступить к планировавшейся деятельности.

Так как в работе группы появился своеобразный провокатор, то он постоянно спрашивал: а что мы сейчас делаем? В чем смысл того или этого? Это отвлекало внимание от неопределенности ресурсов. Поэтому чуть позже мы получили еще одно смещение внимания. Начав заниматься повышением актуальности проблемы за счет фактов, мы почему-то начали спрашивать «а что есть актуальность факта?» Дальше все развивалось еще интереснее. Участники стали спрашивать – есть ли смысл в том, из какой сферы или области факты выбираются? Этот вопрос выявил новый предмет – генезис фактов, которые оставались неопределенными как в своей сути, так и в своей актуальности, и которые мы должны были еще и использовать для повышения актуальности проблемы.

В такой стратегии смещения внимания собственно фактов, относящихся к выделенным проблемам, набралось не так уж много. Это, конечно, не способствовало выделению оснований классификации. Я не говорю, что поиск оснований повсеместно и постоянно необходим. Для меня важно, что возможность выделения оснований естественным образом блокируется. Поэтому я предложил группе свое видение появившихся типологических различий между фактами. Во время обсуждения в поле зрения группы попадали факты трех типов: это факты осознания или понимания, факты отношения к предмету и факты объективной действительности.

Затем мы попытались использовать факты для повышения и понижения актуальности проблем, учитывая различия в их типологии. И это оказалось самым сложным. В размывании различий, которые имеют функциональное значение и помогают использовать факты, я вижу основной недостаток дискуссии, проводимой в рамках «естественного» обсуждения научных вопросов. Ослабление усилий, которые направлены на простое удерживание в сознании сложного предмета (факт и его

типологический признак), является следствием обыденной коммуникации, и это не способствует становлению научного знания. Здесь есть над чем подумать именно филологам.

С моей точки зрения, в процессе неконтролируемого, неразличаемого перехода от объективного факта к фактам отношения, потом к фактам сознания и обратно возникает по крайней мере один существенный эффект. Не отдавая себе отчета в образующемся факторе различия, молодой ученый, как и любой человек, начинает чувствовать, что сами перемещения имеют смысл, но высказать его чаще всего не удастся, именно потому, повторяю, что это различие производится спонтанно и не попадает в поле зрения. Как мне кажется, на этой-то почве и начинается процветать риторика целого: кто бы это ни был, он пытается перевести свое ощущение в объяснение, но, кроме того, что нечто большее должно быть целым, ему ничего сказать не удастся.

После этого короткого отступления, отмечу, что обсуждение актуальности как таковой подталкивало группу к привлечению философских категорий. И при этом мы все еще не отдавали себе отчета в том, что предмет обсуждения все больше и больше размывается. (Замечу в скобках, что в такой ситуации только позиция дает возможность контролировать интенсивные смещения). В итоге мы все-таки смогли выделить проблему относительности фактов и создали классификацию, которая соответствовала той парадигме различий, о которой я говорил выше. Правда, нам не удалось использовать эту классификацию настолько продуктивно, насколько это возможно. Скорее часто открывался тот факт, что факты достаточно сложно использовать для повышения и понижения актуальности и легче всего – для ее **утверждения**. То есть для констатации status quo. Факт трудно «удерживать» в процессе актуализации в его функциональном аспекте (т.е. в проекции на его тип) – и это также, наверное, следствие обыденной коммуникации.

Будучи экспертом, я хочу высказать несколько идей по поводу стратегий научности, в которых воплощается повышение или понижение актуальности проблем. Ученый просто должен быть знаком с позицией организатора, потому что он постоянно организует (систематизирует) и материалы, и методы, продумывает решение задач с разных точек зрения. Существеннейшая проблема отсутствия позиции – это беспорядочное «коммуникативное» колебание между разложением предмета на плохо обозримое количество частей и их редукцией. Хуже всего, что для экономии времени совершается первичная редукция – сокращение «избыточного» смыслового поля: такой ученый просто исключает из сферы внимания себя как человека, думая, что становится более объективным, он редуцирует различие между разными точками зрения, еще даже не рассмотрев значимости такого различия для исследования. Между тем эти различия суть креативные возможности, хотя прямо они ничего не дают. В апробации разных возможностей я и нахожу результативность работы в группе.

Ю. Лебедева

Мы работали с повышением и понижением актуальности проблемы с помощью статуса, понимая его достаточно обобщенно. Статус для нас – это положение, занимаемое предметом относительно других. Следовательно, статус можно дифференцировать. Он может быть как высоким, так и средним и низким.

В процессе обсуждения выяснилось:

1. Статус определяется контекстом, который может быть и научным, и социальным. Соответственно, один и тот же предмет может иметь высокий статус в обществе и низкий статус в науке, и наоборот. Статусность в обществе определяется практической востребованностью/невостребованностью изучаемого предмета.

2. Статус предмета или проблемы можно повысить и понизить относительно другого предмета. Например, у нас есть предметы и сферы исследования: «историческая лексикология» и «лингвистические способы воздействия рекламы на человека». Группа решила, что второй предмет обладает большим статусом в обществе, т.к. реклама сейчас повсюду, многие ей интересуются; кроме того, с помощью подобных исследований можно получить практическую выгоду. Статус этого предмета в научном контексте тоже высок, т.к. он является достаточно новым и позволяет использовать инновационные методы исследования.

Первый предмет имеет гораздо более низкий статус в обществе, т.к. может быть интересен только специалисту.

Статус первого предмета можно повысить и тем самым понизить статус второго, указав на тот факт, что диахронический подход позволяет проследить развитие языка, без изучения истории языка невозможно понять и объяснить процессы современные. Кроме того, работая со вторым предметом, мы изучаем процессы, которые происходят прямо сейчас, в то время как в случае с первым предметом мы изучаем уже устоявшуюся систему.

По ходу обсуждения возник и такой вопрос: а можно ли считать тогда сам способ обоснования актуальности через статус научным? Что вообще можно считать научным? Было решено, что утвердительный ответ можно дать, если в способе присутствует некая объективность. В противном случае рассматриваемый способ повышения актуальности нельзя считать строго научным – скорее он находится где-то на границе, является более или менее популяризаторским.

Заинтересовавшись этим вопросом, мы перешли к обсуждению того, существуют ли строго научные способы повышения актуальности? И предположили, что средствами научности являются факты и конкурентоспособность.

Затем мы обсуждали, что есть актуальность и зачем она нужна? Для нас стало понятным, что актуальность относительна. Предмет может быть актуальным для самого исследователя, для общества и для науки в целом. Исследователю важно понимать актуальность своего исследования, чтобы осознавать цель своей работы, чтобы быть ей увлеченным.

Впечатления участников обсуждения

«Раньше негативно относилась к требованию обосновать актуальность исследования, т.к. считала это чистой формальностью и не понимала, зачем это нужно. Теперь поняла, что это важно, прежде всего, для меня самой».

«Задумавшись, обнаружила, что большинство филологов – да и я тоже – очень часто апеллируют к авторитетам, т.е. к тому, кто имеет высокий статус в науке, причем делают это по большей части бессознательно. Но ведь на самом деле это не придает весу моим словам, потому что всегда можно найти более статусную фигуру, все так относительно».

«Такая форма работы провоцирует рефлексию над тем, чем я на самом деле занимаюсь. Выбираем мы все-таки тему для своей научной деятельности или нам ее навязывают? Кого мы обманываем? Чем следует руководствоваться при выборе темы?»

Впечатления ведущего от работы группы

В группе было шесть человек. Студенты были открыты к обсуждению. Проявили способность смотреть на предмет с разных сторон, однако, признались, что раньше это делать не пытались. Поначалу мы не могли отделить предмет от проблемы и статус от актуальности, но после того, как мы вместе стали обращать на фактор различия внимание, начинали и сами замечать разницу. Работа представляла собой оживленный диалог, студенты проявили большой интерес к такому виду деятельности, при этом, показав и умение вести дискуссию: все друг друга слушали, не перебивали. Конфликтов не возникало.

Что данный вид работы дал лично мне? Оказавшись в позиции ведущего, я поняла, что научилась различать предмет и проблему и слышать, когда другие их смешивают. У меня получалось задавать вопросы к вопросу, хотя к такой «технике» ведения дискуссии я не готовилась. Вопросы к вопросу рождались непосредственно в ситуации, что даю группе возможность рассуждать, не имея готовых ответов. По моему мнению, такую форму работы, которая ведет к позиционированию, необходимо практиковать, т.к. она учит быстрой рефлексии и умению задавать ситуативные вопросы – для студента важны именно эти вопросы, потому что образование – это деятельность ради деятельности.

А. Михеева

В нашей группе апробировался конкурентный способ повышения актуальности проблемы. Работу группы можно охарактеризовать в двух аспектах: процесса и результата.

Процесс работы был очень бурным, участники вели себя активно, эмоционально, было видно, что проблема, которая была выбрана для работы, является лично значимой для многих из них. Очевидно, это и помешало воспринять проблему как объект и работать с её актуальностью. Способ конкурентной борьбы предполагает выделение позиций «автора», «конкурента» и «критика». Как ведущий, я должна была обеспечить функционирование данных позиций: зафиксировать момент их выделения в процессе дискуссии, озвучить и удерживать в течение

работы группы. Но позиция критика в нашей дискуссии оказалась вакантной и ситуация продуктивной конкуренции не сложилась. В чём же дело?

Переход от планируемого способа деятельности к обсуждению её содержания наблюдался с первых минут. Группа очень серьезно отнеслась к выбору самой проблемы, и это привело к тому, что ее формулировка – «Проблема размывания границ интерпретации текста» – окончательно обозначилась только за несколько минут до окончания дискуссии. Наблюдалось «стремление к гигантизму»: мы не могли прийти к согласию и сформулировать более специализированную проблему, с которой, безусловно, работать продуктивнее. Больше половины времени было потрачено на обсуждение, в процессе которого участники апеллировали к авторитетам, к статусу материала (материал менялся в ходе дискуссии от художественного и научного текстов до текста вообще как такового), использовали факты для доказательства актуальности проблемы. Позиции с трудом выделялись, во-первых, потому, что был плавающим материал, что создавало возможность каждому говорить о своём, а во-вторых, увлечённые содержанием проблемы участники, придавали мало значения таким вопросам, как «кто может привести другой аргумент в пользу актуальности этой проблемы?» (провоцирует выделение позиции конкурента), «кто готов оценить высказанные аргументы? Кто может выступить критиком высказанных точек зрения?» (позиционирование критика) и др.

Важно подчеркнуть, что ситуация усложнялась ещё и тем, что большинство членов нашей группы, не удовлетворённых происходящим, постоянно рефлексировали сам ход работы (высказывания вроде «давайте слушать друг друга», «так работать нельзя» и подобные), что в итоге окончилось выделением позиции эксперта – её заняла Татьяна, которая дала экспертную оценку прошедшей дискуссии.

Таким образом, процесс работы нашей группы может быть охарактеризован как коммуникация с погружением в предметное поле и со сквозной рефлексией.

Что касается результата нашей деятельности, то сначала мне показалось, что его появление совершенно беспочвенно. В итоге дискуссии мы пришли к выводу, что актуальность проблемы повышается за счет наличия дискуссии по данному вопросу, с этим согласились все члены группы. На самом деле, этот вывод закономерно вытекал из деятельности нашей группы, и меня смутило то, что он никак не был связан с содержанием дискуссии. Возможно, на рождение такого вывода повлияла формулировка основания актуальности, которая была записана на доске.

Интересным мне кажется проявившееся противоречие: мы делаем выводы не из содержания полемики, а исходя из факта её наличия, активно рефлекслируем свою деятельность, характер нашей дискуссии нас не удовлетворяет, но когда внимание сосредотачивается на деятельности, обнаруживается, что направить её в продуктивное русло (перейти к позиционированию) мы не можем. Или не умеем?..

Работа нашей группы, на мой взгляд, была очень продуктивна в рамках обновлённого круглого стола: что может быть лучшим результатом, чем возникшие вопросы? И главным из них, по моему мнению, является вопрос о компетентностях современного филолога, которые формируются в процессе обучения и которые нужны в связи с требованиями времени. Как оказалось, существующее и необходимое пока значительно расходятся, и встаёт вопрос о содержании современного филологического образования...

Т. Бойкова

Тема круглого стола была заявлена следующим образом: «Выявление и постановка актуальных проблем лингвистики и литературоведения». Однако хотелось бы заметить сразу, что четко сформулировать проблемы участникам не удалось. Возможно, причина этого кроется в недостаточной подготовке этих людей. Возникло ощущение, что участники круглого стола не совсем понимали, что нужно организаторам мероприятия. Лишь наиболее активные проявили должное участие.

Групповая работа позволила заключить, что сначала было необходимо огласить и обсудить правила поведения на подобного рода мероприятия. Причиной для такого вывода стали результаты работы одной из групп, задачей которой стало повысить актуальность проблемы методом конкуренции. Эта группа с поставленной задачей не справилась. На примере работы этой группы можно было убедиться, как один человек способен разрушить дисциплину пусть даже небольшого коллектива. Один из участников круглого стола, который находился в нашей группе, был убежден в том, что все окружающие обязаны слушать только его. Он не позволял никому из группы договорить до конца начатую мысль, постоянно перебивал. В итоге, остальные участники уподобились ему и перестали слушать и слышать друг друга. Обсуждение в нашей группе превратилось в настоящий базар: люди кричали и совершенно не обращали внимания на то, что говорят другие. На мгновение закралась мысль, что они даже могут подраться. К счастью, ничего подобного не произошло и самым плачевным результатом стало то, что группа не справилась с заданием. Актуальность проблемы, которую группа не могла определить единогласно изначально, так и не была повышена.

Когда все три группы собрались на общее обсуждение, то оказалось, что в других группах все прошло более успешно и с поставленными задачами они справились.

Работу организаторов стоит оценить по достоинству. Круглый стол проводился впервые, и результат оказался, на мой взгляд, многообещающим. Перспективы на будущий год намечены. Как известно, главное – это результат. Что принес круглый стол его участникам? Ответу только за себя. Во-первых, это уникальная возможность пообщаться со студентами других вузов России. Во-вторых, уникальный опыт общения с интересными людьми, пусть не всегда приятного.

P.S. Наличие негласного этикета, видимо, для некоторых является недостаточным. Поэтому (как ни прискорбно) стоит хотя бы в паре замечаний огласить-таки некоторые пункты этого этикета.

О. Нестеренко

В качестве эксперта я участвовал в работе группы, которая пробовала повысить актуальность проблемы конкурентным способом. Сразу стало ясно, что мы отчасти дезориентировали аудиторию, назвав способы работы до того, как сформировались группы. В результате, в конкурентную группу пришли люди (как литературоведы, так и лингвисты) изначально настроенные на противостояние. Из 20 минут работы 10 ушло только на то, чтобы сформулировать проблему. Это произошло, как мне кажется, из-за того, что участники просто озвучивали свои идеи, пытаясь обосновать их важность, но не соотнося их с идеями коллег. Поэтому поле вариантов возникло достаточно быстро, но на этом начальном этапе группа оказалась неспособной выбрать такой вариант, который устраивал бы всех. Более того, я зафиксировал не только невнимание к тому, что говорят другие, но и откровенные попытки заткнуть рот другим участникам. Интересно, что в группе возникла такая позиция, которую можно было бы назвать «провокатор»: этот человек всякий раз сбивал внимание коллег в зоны, смежные с предметом обсуждения, но не релевантные для дискуссии. Например, когда группа работала над формулировкой проблемы (она звучала примерно так: неопределенность границ интерпретации в коммуникативном акте), провокатор произносит нечто вроде: «человек – мера всех вещей» или «идеология присутствует во всем». С этими тезисами нельзя спорить, но если принять их во внимание, то придется отклониться от задачи конкретной работы. Поэтому группа постепенно выработала тактику игнорирования или критики позиции провокатора. Провокатор также долго не давал группе вывести проблему на тот уровень обобщения, с которым могли бы работать и литературоведы и лингвисты. Он последовательно пыгался вернуть группу к эмпирике через один из своих тезисов: «Невозможно работать без конкретики: читатель и автор – это одно, а говорящий и слушающий – это другое».

Надо отметить, что уже на этапе формулировки проблемы отношения в группе претерпели определенные изменения (не без помощи руководителя группы, но не только): участники осознали ситуацию с наличием нескольких позиций, и у них сложилось понимание того, что они не слушают друг друга. Это стало стимулом попытки организовать конструктивный диалог. В результате и была сформулирована проблема, интересующая всех.

Далее, на втором этапе работы ведущий предложил участникам группы обосновать актуальность проблемы. Первые попытки сделать это исчерпывались тезисами типа «это важно». Актуальность понималась как нечто самоочевидное. Анна показывает, что самоактуальность нельзя повысить или понизить. Группа некоторое время не может выйти за рамки самоактуальности. Здесь я хотел бы отметить способность группы работать в зоне неопределенности: когда стала ясна проблемность акту-

альности той или иной проблемы, но еще не выяснилось, какие могут быть основания актуальности, – все участники, тем не менее, были готовы продолжать дискуссию.

Наконец, было предложено такое основание, как общезначимость проблемы, после чего возник еще ряд оснований: методологическая сложность проблемы, практическая роль интерпретации в процессе воспитания в школе, важность соответствия интерпретации истине. Участники отстаивали свои позиции, но не могли высказаться по поводу предложений коллег. Никто не смог распределить предложенные основания на шкале актуальности. Только участник, занявший позицию провокатора, попытался показать, что основание актуальности, выделенное как соответствие истине, мало что дает для поставленной задачи. Правда, сделал это в форме тезиса: «Истина конвенциональна. Нам не узнать воли автора», который группа проигнорировала, расценив его как очередную попытку дезориентировать дискуссию.

В итоге актуальность выбранной проблемы не удалось ни повысить, не понизить. Любопытно, что и здесь участники проявили высокую степень самосознания. Группа увидела, что сопоставить основания актуальности трудно из-за отсутствия критериев актуальности. Все основания представлялись участникам важными, но попытки мотивировать, что такое-то основание делает проблему более актуальной, чем другое, всякий раз определялись субъективным мнением. В частности, участник, занявший позицию провокатора, предложил такое основание, как значимость интерпретации в школьном образовании, но это основание вообще долго не принималось во внимание из-за отношения группы к позиции провокатора.

Следует отметить, что в ходе дискуссии делались попытки как-то регламентировать работу группы, однако участники не выработали критериев для сопоставления оснований актуальности, хотя и пришли к взаимопониманию, начав высказываться по очереди.

На завершающей стадии группа пришла к выводу, что участникам удалось повысить статус проблемы. Единодушно было признано, что конкурентный способ очень продуктивен для повышения и понижения актуальности проблемы. Каким образом сложилось такое впечатление, если сами участники не смогли повысить или понизить актуальность рассматриваемой проблемы? Представление о продуктивности конкурентного способа, с одной стороны, генерировалось провокатором, но не через применение этого способа, а через апелляцию к авторитетам: «Еще Гераклит сказал, что истина рождается в споре». С другой стороны, конкуренция, которой в действительности не было в работе группы, показала продуктивной потому, что проблема стала более актуальной за счет множественности озвученных точек зрения. Таким образом, скорее была выявлена многогранность проблемы, не очевидная участникам в начале групповой работы.

Обобщая свои наблюдения, скажу, что участники изначально не были настроены на дискуссию, но в процессе работы перешли от конфронтации к диалогу. Участники проявили способность анализировать собственную деятельность, на что, однако, у них ушло гораздо больше времени, чем на анализ актуальности проблемы.

Мне было сложно участвовать в качестве эксперта в работе данной группы. Основываясь на опыте предварительной репетиции, я не предусмотрел возможности появления такой фигуры, как провокатор. Я просто ожидал того, что конкурентный способ позволит повысить актуальность проблемы. Но из-за того, что участники группы не давали друг другу говорить, мне было сложно выделить характер их аргументации. Кроме того, мнения высказывались подчас хаотически. Например, попытки мотивировать актуальность проблемы предпринимались даже до того, как она была сформулирована. Неожиданным стало для меня и то, что внутри самой группы появилась фигура эксперта, чьи выводы я поневоле использовал для оценки своих. Наконец, участники группы постоянно не оправдывали мои прогнозы, поскольку в процессе работы спонтанно менялись многих из них.

Мнения участников круглого стола

Фрагмент записи

«Участница А. Было интересно. Было только сложно ограничиться. У нас была группа повышения актуальности через статусы, но мы, все равно, постоянно прорывались к фактам, к конкуренции...»

А. Упоров. Я вообще работал непосредственно с предметным содержанием все время... Я не мог выйти к позиции... Я потом только понял, что позиция также важна.

А. Михеева. Сейчас то, что сказал Александр, – мне как бальзам на сердце. Во время работы я предлагала несколько раз: давайте отвлечемся от предметной сферы, и он постоянно повторял: «а как? а как это можно сделать?» И хорошо, что мы поняли, что это можно и нужно делать. Это, по-моему, очень ценный результат.

Участница Б. Наверное, сегодня это было и на самом деле важнее – выявить позиции каждого и понять то, кто что думает сейчас в нашей неопределенной жизни, и приблизиться к более научному способу деятельности. Это было очень интересно.

Участница С. Нужно, чтобы такие крупные столы проводились чаще, не раз в год, а...

Ю. Лебедева. Раз в неделю...

(Смех)»

Фрагмент фокусного интервью с участниками круглого стола

«**Интервьюер.** Насколько вам знакома предложенная форма работы – повышение и понижение актуальности проблемы?»

Е. Постникова. Это был для меня первый опыт. Очень эффективный, я для себя много почерпнула. Раньше я никогда не принимала участия в подобных мероприятиях.

М. Черкашина. Для меня тоже это было в первый раз, я думаю, что это очень интересная форма.

Интервьюер. Возникло ли во время работы группы что-либо новое?

Е. Постникова. У меня возник вопрос, который раньше не возникал и он появился после круглого стола. Я поняла, что нужно работать над повышением актуальности моей исследовательской проблемы. Все эти банальные фразы, что этим никто не занимался и я первая, все они – пройденный этап. Но мне теперь непонятно, нужно ли в курсовой работе писать: повышая актуальность своей работы, я, допустим, сталкиваю позиции разных ученых, и на этом основании делаю выводы, что моя работа действительно актуальна... Нужно ли это прямо высказывать в тексте? Или как-то завуалировать, чтобы было понятно, что вот они, две позиции, и я их только сравниваю...

М. Черкашина. Для меня сам предмет был необычным – актуальность проблемы. Я потом стала думать: если все так зыбко, и можно за счет статуса повысить или понизить актуальность проблемы, то получается, что мы как-то искусственно все это создаем, и в действительности по-настоящему актуальных проблем нет?.. Для меня этот вопрос остался открытым.

Интервьюер. Искусственно создаем в науке или на круглом столе?

М. Черкашина. В науке...

Интервьюер. Были ли какие-то проблемы работы самого круглого стола?

Е. Постникова. Проблемы? По сравнению с работой другой группы, у нас вообще проблем не было. Там они спорили и даже не давали другому слово вставить... У нас все было комфортно. Может быть, была не пассивность, а застенчивость некоторых участников...

М. Черкашина. Стеснительность можно объяснить и тем, что люди впервые попали в новую ситуацию... А вот насчет организации у меня есть пожелание. Хотя все было проведено удачно, но вот о предмете стоит подумать. Эта зыбкость – актуальность проблемы, она не дает мне покоя...

Интервьюер. Мы над этим подумаем. Вы затрагиваете интересный аспект тематики нашего круглого стола. Это проблема относительности в науке. И последний вопрос. Что бы вы хотели пожелать организаторам круглого стола, исходя из личных потребностей?

Е. Постникова. Я не хочу сказать, что ваша задача – призвать всех на этот круглый стол, но участников можно было бы привлечь и больше. Мне, с другой стороны, почему-то казалось, что народ пойдет... И еще. Может быть, нужно ввести в работу круглого стола какие-то визуальные материалы? Нужно что-то наглядное, потому что при живой дискуссии от нас многое ушло. Была такая интенсивная работа, что у нас не было времени записывать что-то для себя. Я вынесла то, что осталось в памяти, но было многое, что я не запомнила...

Интервьюер. Вы полагаете, что нужно было фиксировать не только результаты, а сам процесс дискуссии?

Е. Постникова. Да. И нужна именно визуализация.

М. Черкашина. Мне хотелось бы добавить, что на слух многое новое достаточно сложно воспринимается, особенно в непривычной форме. Я не знаю, может быть, это на видео стоит снимать... И, опять-таки, стоило бы конкретизировать и объяснить, что такое факт, статус или конкуренция... И как можно конкретнее, чтобы люди не путались...»

Что в итоге?

А.В. Петров

В чем же могли запутаться участники круглого стола? Придется ответить на этот вопрос отвлеченно для того, чтобы смоделировать контуры образовательного подхода к организации круглых столов. По моему мнению, в учебном процессе нам, филологам, не хватает специфической эмпирики. У нас развито восприятие информации и нам знакомы жестко регламентированные события (лекции, семинары, конференции и т.п.). Почему я называю подчас творческие и интересные лекции ведущих преподавателей «жесткими»? Потому что свободным в них является содержание и стиль подачи материала. Такие лекции могут превращаться в эвристические беседы – и это показательная тенденция. Тогда лекции тяготеют к свободному общению, к коммуникативному процессу (если говорить тем языком, на котором будет сформулирована проблема). Жесткими является их пространственная организация. Что бы ни происходило, студенты сидят на своих местах. Если бы студенты имели возможность вставать, выходить к доске, то, как это ни банально звучит, в их опыте возникала бы еще одна составляющая – деятельность. Допустим, встать и пройти по аудитории, – это деятельность, бедная по своему содержанию. Но где и когда она становится богатой этим содержанием?

Как ни прискорбно говорить, многие, казалось бы, диалогические события, такие, как конференции, организуются в рамках одной единственной тенденции. И это притом, что конференции включают в себя большее количество событий, нежели лекции. Эти события нуждаются в регламентации. Возникает, таким образом, потенциально тройная структура: есть коммуникативный процесс, есть структура этого процесса и есть пространственная структура аудитории. Проблема заключается в том, что в жесткие пространственные формы переводится регламент, то есть время, течение конференции. Порядок действий, их равная продолжительность, автономность тем докладов, даже этика поведения – все делает конференцию однообразной по своей структуре. Следовательно, новое, чем бы оно не было, может возникать только в содержании читаемых докладов.

Тенденция смещения в сторону простых ячеистых форм времени блокирует даже попытки представить себе, чем может быть не структура процесса, а процесс структурирования. Еще сложнее представить себе, как и в чем выражается динамика структурированного процесса. Таким образом, в формах современного образования отсут-

тствует то, что поддерживает эмпирическое способности участвовать в событиях с неопределенной структурой времени. Наш круглый стол стал первым пробным шагом в ином направлении. Что мы сделали? Мы не снимали регламент, однако то, что я называю пространством, формировалось не ячейками времени, а позициями участников круглого стола. Даже если в работе одной из групп нам не удалось создать ситуативную пространственную структуру, свою миссию выполнили эксперты и ведущий.

Что еще может дать процесс позиционирования на подобных мероприятиях? Каков его образовательный эффект? Во-первых, пространственный формат, вносимый в процесс коммуникации и не разделяющий ее на четкие «отрезки», позволяет приобретать опыт управления развитием ситуации. Простые формы – это когда ведущий управляет переключением внимания аудитории из динамики коммуникации в стабилизирующее поле структуры. Но формы управления могут развиваться за счет разнообразных функций в тех случаях, когда возникают разные виды совместности (например, проектирование). Во-вторых, за счет позиционирования становятся возможными разные формы участия в событии, что приводит, на мой взгляд, к самому важному результату: мы обретаем еще одну возможность – различать коммуникацию и деятельность (мыследеятельность) в ее небанальных формах. Поэтому и задачи круглого стола сейчас нам видятся следующим образом. Мы будем переводить обнаруженные нами безликие процессы исследовательской деятельности в организуемые события с большим количеством эмпирических составляющих.

Примечания

¹ Приносим свои извинения тем участникам дискуссии, кто не представлялся при выступлении, и чьих имен мы не смогли запомнить.

² Почему я отрицал то основание? Из-за циклизации причинно-следственных отношений: наука развивается, распадаясь на лингвистику и литературоведение, а образование отражает такое развитие, потому что учителя – это бывшие студенты, которые были обучены уже как лингвисты или литературоведы.

Содержание

Балакина А.А., ТГУ Функционально-семантическая характеристика лексических средств выражения модальности в современном немецком языке...3	
Беспалькова С.А., ТГУ Глаголы социально-бытового пространства (на материале рассказа А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»).....6	
Бохонная М.Е., ТГУ Символическое содержание формулы «на столе стоит...» в частушке...9	
Бугаева А.К., ТГУ Частотная характеристика вводных слов в тексте художественного произведения (на материале романа Дж. Оруэлла «1984»)..... 13	
Волошина С.В., ТГУ Оценка в речевом жанре биографического рассказа..... 15	
Вычужанина Е.В., ТГУ Словарная статья как объект мотивологического исследования..... 19	
Галимова Д.Н., Благовещенск Понятийные сферы «артефакты» и «натурфакты» в русских говорах Приамурья (на примере метафорических имен существительных).....21	
Гончарова А.Н., ТГУ Генезис концепта «дом» в английской и русской лингвокультурах:.....26	
Демидова Т.А., ТГУ Текстообразующая функция образных единиц (на материале прозы В. Астафьева).....29	
Денисова Н.В., ТГУ Дискурсивно-жанровая организация текста грантовой программы РГНФ.....31	
Инютина Т.С., ТГУ Нормализация в области именного склонения (на материале сибирских деловых памятников XVII века).....34	
Казакевич О.А., ТГУ Именованье инокультурных реалий в статейном списке Ф.И. Байкова (1653-1658 гг.).....38	
Казакова Н.Н., ТГУ Лексическая образность по данным психолингвистических экспериментов.....42	
Капелько Н.А., ТГУ Телереклама как источник текстопорождения (психолингвистический аспект).....46	
Кашпур В.В., ТГУ Речевой жанр в политическом дискурсе: опыт описания когнитивной модели (на материале русского и английского языков).....48	
Клочкова Т.С., ТГУ Семантика прилагательных в англоязычном молодежном сленге: особенности выражения оценочного значения.....51	

Костяшина Е.А., ТГУ Метафора игры в экономическом дискурсе (к вопросу о ключевой текстовой метафоре).....	54
Краснокутская А.В., ТГУ Концептуальная метафора «чат – театр» в дискурсе чат-комму- никации (на материале русского и немецкого языков).....	57
Кречетникова Н.А., Тюмень Гендерный аспект в семантике символов «вода», «море», «река» в поэзии Ингеборг Бахман (на материале оригиналов и переводов).....	62
Крюкова Л.Б., ТГУ Лингвистическое моделирование процессов восприятия в поэтическом тексте (на материале поэзии Н.Гумилева).....	65
Малюгина О.А., ТГУ Историческое развитие ЛСГ «развлечение, игра».....	69
Маслова Н.В., ТГУ Языковая история понятия «забота».....	72
Мирошниченко А.А., ТГУ Способы лингвистического воздействия в англоязычной печат- ной рекламе.....	75
Михеева А.В., ТГУ Психолингвистический эксперимент в форме компьютерного анкетирования.....	78
Мороз И.А., ТГУ Языковая реализация женского представления о счастье в рус- ской и немецкой культурах.....	81
Нечаева А.В., ТГУ Оппозиция «добро – зло» в семантическом пространстве русской и немецкой волшебной сказки: опыт лингвокультурологического анализа....	84
Николаенко Г.П., ТГУ О некоторых особенностях вербализации концепта «девушка» в молодежном социолекте русского и немецкого языков.....	87
Николаенко О.Н., ТГУ Историко-этимологический анализ заимствованного слова «косметика».....	90
Новикова Ю.В., ТГУ Образ времени в поэтических текстах А. Костюшкина: ЛСГ «Короткий промежуток времени».....	92
Носатова Т.С., Кемерово Концептуальная структура имени «хлеб» в зеркале ассоциа- тивного поля.....	96
Образцова М.Н., Кемерово Реклама в зеркале когнитивной лингвистики.....	99
Пак И.Я., ТГУ Зоны пересечения образного семантического поля растение.....	103
Петрова Л.А., ТГУ Модели лексической ремотивации в литературном языке.....	109

Петровичева Е.В., ТГУ Образ России глазами американских журналистов (по материалам журнала «The Economist»).....	111
Пономарева Т.Ю., ТГУ Семантика оценочных существительных в английском молодёжном жаргоне.....	114
Постникова Е.А., ТГУ Функционирование слов с общеславянским корнем *golъ- в разностилевых памятниках XI-XVII вв.....	117
Серкова М.А., Тюмень Функции имен персонажей в художественном произведении (на материале романа В.М. Шукшина «Я пришел дать вам волю»)...	119
Смирнова И.Ю., ТГУ Специфика коммуникативных неудач в речевом жанре просьба.....	123
Сташкевич Е.А., Омск Приемы речевого воздействия в региональной радиорекламе: лексикологический аспект.....	125
Фащанова С.В., ТГУ Устойчивые словосочетания разных частеречных, функционально- и экспрессивно-стилевых типов в русском литературном языке I половины XIX века. На материале «Словаря языка Пушкина».....	128
Цимфер Н.В., ТГУ Мотивационно-сопоставительный аспект анализа названий мясных продуктов питания в русском и немецком языках.....	131
Черепанова М., Тюмень Динамика развития лексического состава говора д. Копотилы Вагайского района Тюменской области.....	134
Шабалина А.Н., Белово Семантический критерий направления производности.....	137
Шевляков А.В., ТГУ Антропонимы в метаязыковом сознании диалектоносителя.....	142
Шерина Е.А., ТГУ Опыт сопоставительного анализа собственно образной лексики микрополя «Характер человека» (на материале русского и английского языков).....	146
Шмидт О.И., ТГУ Заемствованное слово <i>гравюра</i> в русском языке: историко-этимологический аспект.....	150
Яжинова У.А., ТГУ «Опредмечивание» пространства в традиционной культуре.....	153

Материалы круглого стола “Выявление и постановка актуальных проблем лингвистики и литературоведения”...157

Подписано к печати 01.02.2007. Формат 60x84/16. Бумага «Классика».
Печать RISO. Усл.печ.л. 10,81. Уч.-изд.л. 9,79.
Заказ 100. Тираж 100 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТПУ. 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30.

1-947735

Томский госуниверситет 1878

Научная библиотека 00573834